Джеффри Бурдс

СОВЕТСКАЯ АГЕНТУРА
Очерки истории СССР в послевоенные годы (1944-1948)

Москва – Нью Йорк
«Современная История»
2006

ББК 63.3 (2-2М)
М 82

Автор выражает благодарность фонду Г.Ф. Гуггенхейма (Нью-Йорк) за поддержку проекта, в рамках которого выполнена данная работа

Все фотографии собраны Л. М. Минаевой и автором из разных областных архивов СБ Украины и находятся в настоящее время «Коллекции им. Минаевой» в США

Копии всех архивных документов из областных и центральных архивов Украины и России также находятся в «Коллекции им. Минаевой» в США

Бурдс, Джеффри (Burds, Jeffrey) (1958-)

Советская агентура: Очерки истории СССР в послевоенные годы (1944-1948). —Москва-Нью Йорк: «Современная История», 2006. — 296 с., илл.

Книга, написанная американским исследователем, доктором исторических наук Джеффри Бурдсом, уникальна сразу по трем причинам. Во-первых, в наше время, когда опять закрывают архивы, она основана на принципе строгой документальности. Во-вторых, автором были тщательно выверены, проанализированы и приведены в систему рассекреченные документы из архивов государственной безопасности России, Украины, Великобритании и США. В-третьих, эта книга вполне объективна и лишена какой-либо лакировки действительности.

Драматические события послевоенных лет получили объективное освещение, став предметом глубокого анализа.

ISBN-10: 0-9789937-0-5
ISBN-13: 978-0-9789937-0-2

Памяти

Л. М. Минаевой—

Архивиста, Ученого, Друга

“. . . тихий голос моей совести. . . .”

Махатма Ганди

“. . . насилие не сводится лишь к физическим мучениям и уничтожению людей – еще страшнее то, что оно разрушает их внутреннюю цельность, вынуждает играть такие роли, в которых человек перестает узнавать сам себя, заставляет изменять не только своему долгу, но своей сущности”.

Эммануэль Левинас. “Целостность и бесконечность”

Предисловие

В июне 1992 г., всего несколько месяцев после распада Советского Союза и возникновения независимой Украины, я и моя невеста Орыся сели в Москве на поезд, чтобы спустя двадцать семь часов сойти во Львове с намерением обвенчаться там в Георгиевском соборе. Мы были молоды и достаточно наивны, а Украина тогда еще не пришла в себя после торжеств, ознаменовавших обретение независимости. Все архивы широко распахнули свои двери, практически любой документ был доступен для исследователей. И вот в один прекрасный день, пока мы с моей молодой женой преодолевали множество препятствий, встававших на пути двух никому неизвестных американцев, вознамерившихся обвенчаться в главной святыне Украинской греко-католической церкви, мы набрели на Государственный архив Львовской области (Державний архів Львівської області). Не встретив у входа в здание старого бенедиктинского монастыря никакой охраны, мы вошли прямо в главный корпус. Все архивные службы были закрыты на обед, и мы поднялись наверх в кабинет заместителя директора - Лидии Михайловны Минаевой. Встреча с этой женщиной изменила всю нашу жизнь.

Русская по национальности, “восточница”, Лидия Михайловна попала на Западную Украину после Второй мировой войны - молодая жена офицера МВД, сотрудника уголовного розыска. Муж Минаевой принадлежал к так называемому *активу*, направленному на Западную Украину после Великой Отечественной войны для советизации этого региона. Очень добрый и щедрый человек, Лидия Михайловна прекрасно помнила события всех тех пятидесяти лет, что она провела в столице украинского националистического движения. Поступив во Львовский областной архив на работу машинисткой, она впоследствии стала его директором, проработав на этом посту около двадцати пяти лет - вплоть до распада Советского Союза. В 1992 г., на волне украинизации государственных структур и частных предприятий, Минаеву понизили в должности, переведя в заместители директора. С самого первой нашей встречи Лидия Михайловна принялась убеждать меня - молодого историка, интересовавшегося дореволюционной Россией, - заняться изучением украинского

национализма 1940-х гг. Встреча с Минаевой перевернула мою жизнь и коренным образом изменила мои исследовательские планы. На протяжении последующих семи лет, ставших последними годами жизни этой удивительной женщины, Лидия Михайловна знакомила меня с историей борьбы советской власти с националистическим подпольем на Западной Украине и вводила меня в круг источников. За это время ни разу я не получил отказ на требование о выдаче дел. Лидия Михайловна с большим подозрением относилась к возрождению в 1990-е гг. некоторых самых неприглядных сторон украинского националистического экстремизма. Эти опасения подвигли Минаеву на то, чтобы заняться поиском документов - не только в фондах Львовского областного архива, но также и в собраниях других архивных хранилищ Западной и Центральной Украины, в том числе и в архиве Службы Безпеки Украины (СБУ) - органа государственной безопасности постсоветской Украины, фонды которого иначе остались бы для меня недоступными. Тогда же я сам углубился в изыскания в соответствующих архивах Киева, Москвы и других мест. В 1990-е гг. наш совместный международный проект получал финансовую поддержку Фонда Гарри Франка Гуггенхейма (Harry Frank Guggenheim Foundation) и других источников. Цель нашего проекта заключалась в том, чтобы воссоздать подлинную историю украинского националистического движения во время Второй мировой войны и в первые послевоенные десятилетия. В этой истории украинский народ, подвергавшийся двойному террору - как со стороны советской власти, так и со стороны украинского повстанческого движения - предстает одновременно и жертвой, и пособником противоборствующих сторон.

По мере того как во Львове и других местах возрастала активность экстремистских групп, рушились наши надежды когда-нибудь опубликовать наше многотомное документальное исследование в Украине и для украинцев. Из уст в уста передавались неприятные истории о коррупции и запугивании. Доходило даже до прямых угроз расправиться с нашими основными сотрудниками и их близкими. Порой бесследно и без всяких объяснений исчезали документы. Поэтому мы с Лидией Михайловной решили использовать то недолгое время, пока еще была такая возможность, и собрать как можно больше документов, сделать с них копии и переправить их на Запад. Я

хочу подчеркнуть: все это делалось законным путем. Я лично потратил множество часов, занимаясь отправкой нескольких сотен килограмм документальных материалов - самолетом, поездом или пользуясь услугами международных транспортных компаний. Лидия Михайловна Минаева скончалась в феврале 1999 г. и с ее смертью, по-видимому, закончился и наш совместный проект.

К 2000 г. мне удалось создать коллекцию им. Минаевой - там хранятся несколько тысяч фотографий, которые мы с ней собирали на протяжении многих лет по различным архивам и частным собраниям. Среди них несколько сотен оригинальных фотографий, приобретенных нами в Украине или - и таких снимков больше всего - через интернет на сайте Ebay Deutschland. Появление интернета и объединение Германии привели к тому, что внезапно для исследователей стали доступными в буквальном смысле слова миллионы фотографий, снятых с помощью “Лейки” солдатами вермахта на Восточном фронте. В фонде Минаевой также находятся копии (а не оригиналы) документов из архивов России (Москва), Украины (Киев, Львов, Тернополь, Дрогобыч и др.), Германии, Великобритании, США и Израиля - всего около 70 тыс. листов. В последние годы многие из материалов, собранных мною и Лидией Михайловной Минаевой в 1990-е гг., были снова засекречены и стали недоступны для исследователей, как в Украине, так и в России, - такова предыстория этнического конфликта, вспыхнувшего во время президентских выборов в Украине в 2004 г.

После событий 2004 г. публикация этих материалов на языках, доступных как для русских, так и для украинских читателей, приобрела особую значимость. Настоящее исследование представляет собой первый том из запланированной серии изданий, посвященных истории противоборства украинского националистического движения с советской властью в 1940-е гг. Предполагается, что тома будут выходить регулярно с промежутком в два-три года.

Это некоммерческий проект. Помимо ограниченного числа печатных экземпляров (в США для научных библиотек будет выпускаться особое репринтное издание в твердом переплете на бескислотной бумаге), все тома этой серии будут бесплатно распространяться в электронном виде - полный текст

каждой книги будет размещен на сайте *http://www.sovhistory.org/* - “Современная история” (название нашей серии).

В заключение я хотел бы выразить благодарность множеству различных организаций и частных лиц, однако в соответствии с их пожеланиями, я не называю здесь их имен. Несмотря на то, что прошло уже пятнадцать лет после распада Советского Союза и почти шестьдесят лет спустя тех событий, о которых в основном идет речь в этом издании, обсуждаемые здесь вопросы и особенно воспроизводимые архивные материалы продолжают вызывать очень острую реакцию. Как автор, я несу полную ответственность за содержание этой книги и за публикацию документов.

Джеффри Бурдс
г. Бостон (США)
Ноябрь 2006 г.
j.burds@neu.edu

-1-
Борьба с бандитизмом в СССР в 1944-1953 гг.

“Великий страх”: уголовный бандитизм после Второй мировой войны

> Первый раз он возник в конце зимы, а во второй половине июля достиг свой кульминации и охватил почти всю Францию... Это был Великий страх перед разбойниками, когда... из одной местности в другую тревожные вести разносились с удивительной быстротой. По мере того как известия распространялись, они сами становились новым доказательством повсеместного существования неуловимых разбойников. Подогревая страх, молва порождала живое и яркое представление о царивших беспорядках…[1]

В своем классическом исследовании “Великий страх 1789 года” французский историк Жорж Лефевр показал, какое сильное воздействие могут оказывать слухи. Вместе с паникой, захлестнувшей сельскую Францию в роковые для ее истории весну и лето 1789 г., когда события развивались с калейдоскопической быстротой, эти слухи значительно больше влияли на общественные настроения, чем сама действительность.

Нет сомнения, что такая же же паника охватила советских граждан по следам горячих событий Второй мировой войны. Ужас перед уголовными бандами господствовал в настроениях послевоенного советского общества. Неопубликованное письмо в “Правду” рабочих подмосковного города Подольска передает общественную атмосферу ноября 1945 г.:

> Обнаглевшие бандиты и воры нападают на мирных граждан ... не только вечером, но убивают, раздевают и грабят средь бела дня - и не только в темных переулках, но и на главных улицах ... даже около

---

[1] G. Lefebvre *The Great Fear of 1789: Rural Panic in Revolutionary France.* N.Y., 1973.

> горкома и горсовета. После работы люди собираются группами, чтобы не страшно было идти домой. Собрания после работы плохо посещаются, так как рабочие боятся оставаться, боятся нападения на пути домой. Но и дома они не чувствуют себя спокойно, потому что грабежи происходят и днем и ночью[2].

Некто Р.[3] писала своему мужу 14 октября 1946 г. из другого подмосковного городка: "Стало ужасно жить в Загорске. Вечерами часто происходят грабежи и убийства. Вчера вечером Александр Александрович получил от завода 8000 рублей за строительство. Они [бандиты - *Дж.Б.*] разрезали его на части. Его голова была полностью отделена от тела и заброшена в рощу. Три дня назад Ритка с подругой возвращалась из института около полвосьмого вечера. У нее отняли кошелек, а подругу утащили на горку и раздели. Стало просто страшно ходить по вечерам". Гражданка Ш. писала своему родственнику 1 ноября 1946 г. из крупнейшего текстильного центра Иваново: "Тут все новости плохие, просто ужасные. Вчера бандиты напали на отца, мать и сестру. Они возвращались с поезда одни и им приставили к спине нож. Я даже не могу сказать, как это ужасно. Я сейчас работаю до 10 вечера и боюсь идти [домой] через базар. Нервы у всех напряжены"[4]. Даже с учетом всех катастрофических событий предыдущих лет, есть множество свидетельств, что для многих советских граждан послевоенное время запомнилось как самый страшный период их жизни. Пожилая женщина из Иваново З. писала своему мужу в ноябре 1946 г.: "Так много грабежей и убийств... Так страшно. Я прожила 61 год и никогда не было такого безобразия"[5].

---

[2] Цит по: E. Zubkova *Russia after the War: Hopes, Illusions, and Disappointments, 1945-1957.* Armonk, 1998.

[3] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9401. Оп.2. Л. 152, 546-552. Законодательство Российской Федерации ограничивает доступ к архивным документам, содержащим личные данные о гражданах, в течение 75 лет. Соотвественно, в настоящем издании не называются имена и фамилии лиц, чья частная переписка, закрытая органами государственной безопасности, здесь цитируется. Ограничения не распространяются на архивные дела официальных органов, в том числе уголовные дела.

[4] Там же.

[5] Там же.

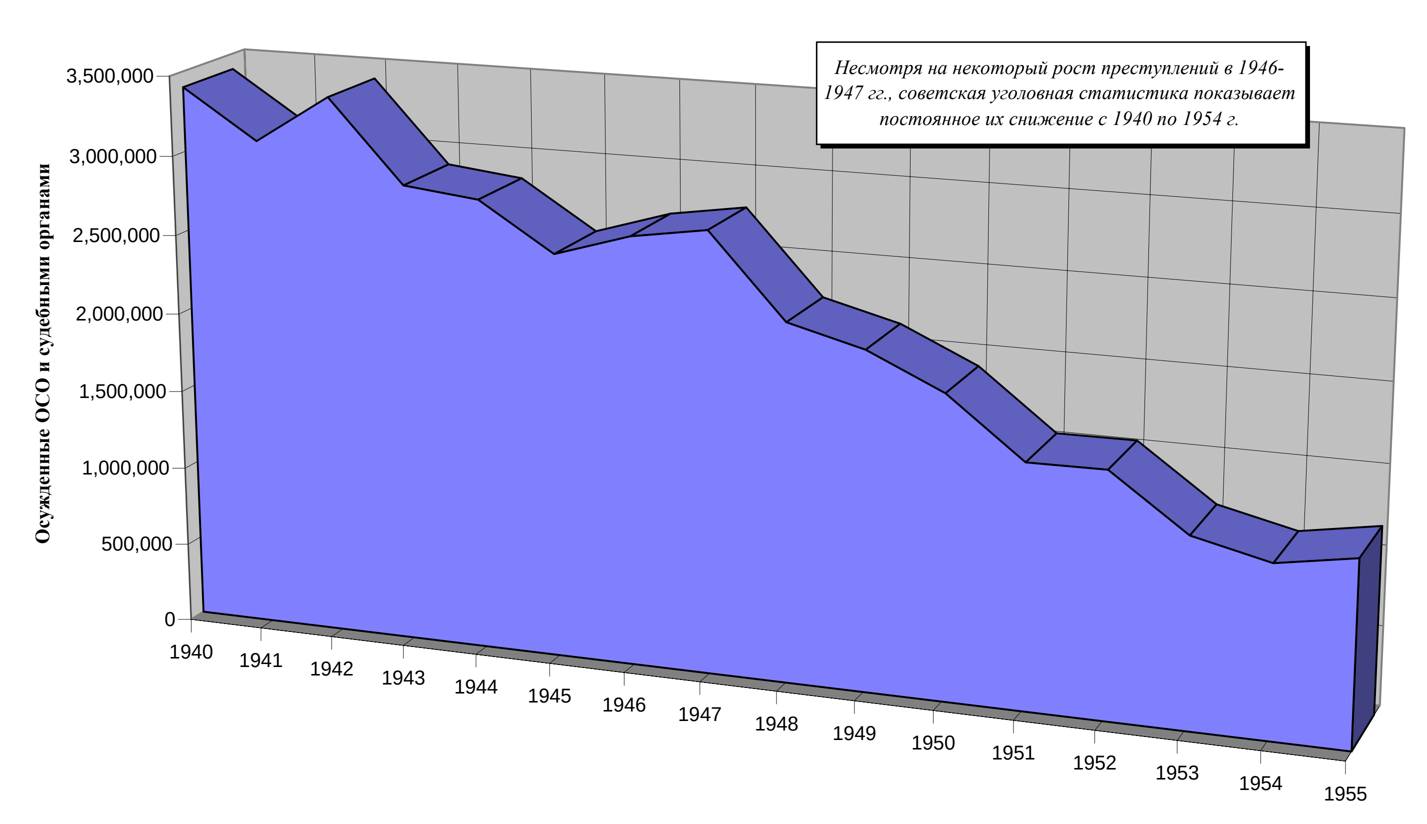
Многочисленные документы указывают на то, что послевоенное советское общество было действительно охвачено патологическим страхом перед уголовной преступностью. Возможно, воспользовавшись подсказкой Лефевра, историк Елена Зубкова в своем новаторском исследовании общественной атмосферы и культуры этого времени указала на множество признаков того, что окончание войны вызвало в стране всплеск страха перед преступлениями и преступниками. Однако Зубкова сделала, пожалуй, слишком поспешный вывод о том, что этот всплеск основывался скорее на слухах, чем на фактах: "...Страх людей перед уголовным миром опирался не столько на надежную информацию, сколько происходил от ее недостатка и зависимости от слухов. Грабежи в тех условиях заключали повышенную угрозу, ибо часто стоили людям их последних скудных пожитков. Именно бедность объясняет степень распространения страха, так же как она объясняет и размах преступности в послевоенные годы[6]. Однако реальный послевоенный рост преступности на советской территории Зубкова фактически отрицает, утверждая, что если даже мы примем в расчет неполноту данных МВД в эти годы, уровень преступности все равно будет значительно ниже довоенного. Таким образом, для Зубковой послевоенный взрыв преступности - большей частью плод людского воображения.

Зубкова правильно указала на общую тенденцию снижения уголовных преступлений, которая обнаруживается по данным советской статистики (см. рис. 1). Однако хотелось бы отметить, что ее интерпретация массовых свидетельств о страхе, существшем в общественном сознании, все-таки является не совсем верной. Ошибка Зубковой заключается в том, что она опирается на оказавшиеся в ее распоряжении усредненные

---

[6] Zubkova. Op. cit. P.39. Зубкова, впрочем, не совсем четко определяет свою позицию, делая оговорку: «Это не означает, конечно, что проблема преступности после войны существовала только в воображении людей. Власти тоже смотрели на нее как на одну из своих наиболее серьезных проблем, по крайней мере в первые два послевоенных года».

Рис. 1. Преступность в СССР, 1940-1955 гг.



Источник: ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 4408. Л. 10, 110-111; Д. 7494. Л. 82-84.

показатели уголовной статистики, которые хорошо укладываются в предложенный ею исторический контекст, но игнорируют качественные различия между видами преступлений. Для Зубковой постановка вопроса является достаточно простой: если общая численность преступлений снижается, почему же общественное мнение воспринимает ситуацию прямо противоположным образом? По мнению исследовательницы, это связано с коллективным чувством опасности, с лишениями и слухами: страх перед бандитами в СССР после Второй мировой войны можно уподобить "Великому страху", охватившему Францию летом 1789 г.

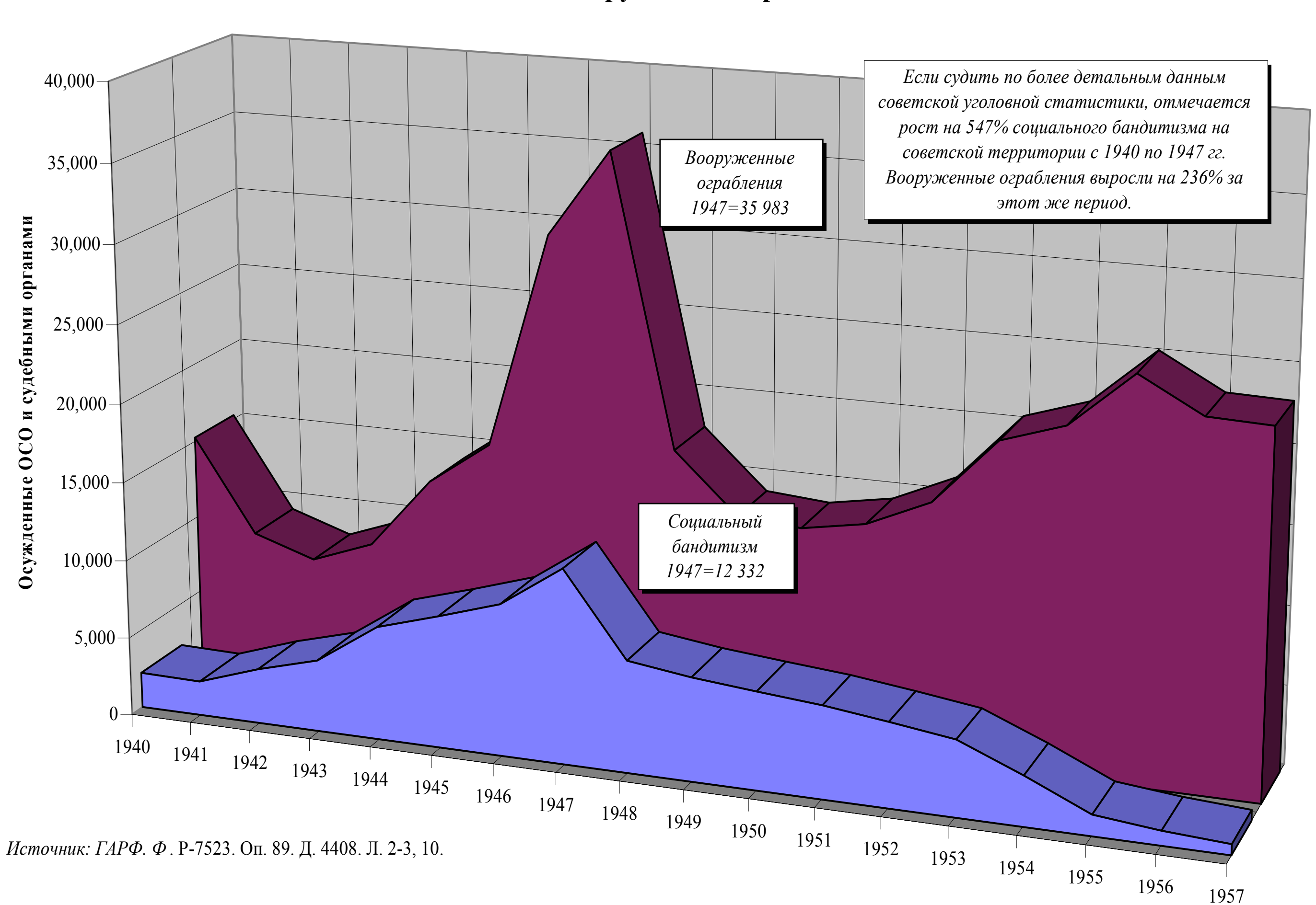
Но можно предложить и другой ответ на эту загадку. Даже если усредненные показатели советской статистики за послевоенный период (между прочим, весьма спорные) указывают на сокращение числа преступлений по сравнению с довоенным периодом, некоторые категории уголовных преступлений обнаруживают тенденцию к стремительному росту. В сущности, именно этого и следовало ожидать, опираясь на фундаментальные исследования послевоенной преступности в различных странах. Американские социологи Дейн Арчер и Розмари Гартнер обратились к сравнительному анализу статистических данных об уголовных преступлениях и убийствах в 110 странах за период с 1900 г., собранных в Comparative Crime Data File. Они обнаружили ярко выраженную корреляцию между войнами и быстрым ростом насильственных преступлений, характерную как для победивших, так и побежденных стран[7], и пришли к выводу, что пережитая война приводит к росту насилия в любом обществе и усугубляет в людях наклонность к совершению преступлений с применением насилия.

Скрупулезный анализ советской послевоенной статистики в значительной степени позволяет детализировать это представление. При более внимательном изучении данных об уголовных преступлениях (см. рис. 2) хорошо заметен всплеск насилия, захлестнувшего Советский Союз и Восточную Европу

---

[7] D.Archer, R.Gartner. *Violence and Crime in Cross-National Perspective*. New Haven, 1984-1987.

Рис. 2. Социальный бандитизм и вооруженные ограбления в СССР в 1940-1957 гг.



Источник: ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 4408. Л. 2-3, 10.

после Второй мировой войны. График, составленный на основе ранее совершенно секретных данных, сохранившихся в делах Верховного Совета в Государственном архиве Российской Федерации, позволяет проследить рост бандитизма[8]. Приведенные данные хорошо показывают борьбу органов власти за наведение порядка на советской земле во время и после Второй мировой войны. Судя по этой прежде недоступной уголовной статистике, численность проявлений социального бандитизма увеличилась с 1940 по 1947 гг. на 547%. За тот же период число грабежей и разбойных нападений выросло на 236%[9]. Наибольший рост числа этих преступлений, как можно убедиться, приходится на 1944-1947 гг. Очевидно, что крушение социального порядка на советской и восточно-европейской территории в тот период было одним из главных вызовов, брошенных послевоенной сталинской системе. Хотя эта территория была освобождена от вражеских армий к концу 1944 г., война против Гитлера скоро превратилась в послевоенную борьбу за восстановление советской государственной власти и нормализацию гражданской жизни.

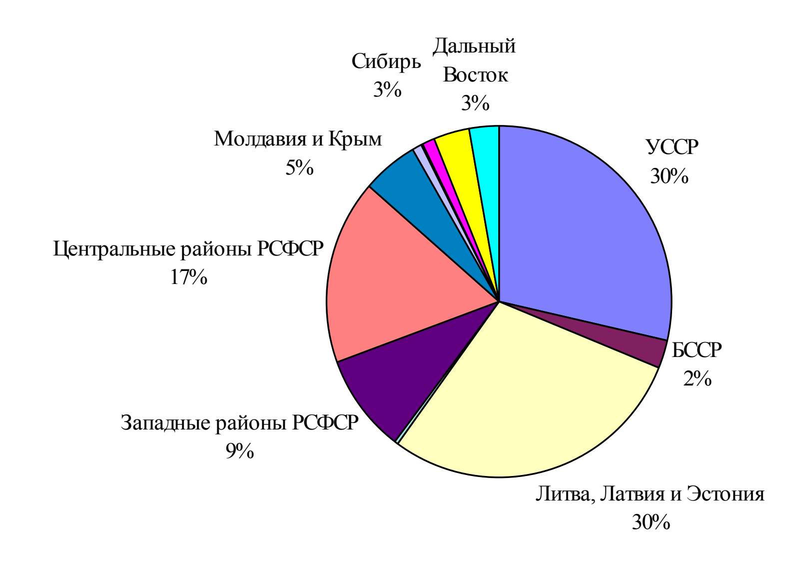
Нигде этот вызов социальной стабильности не был столь заметен, как на западных границах СССР. В 1946 г., когда бандитизм достиг апогея, наблюдалась явная корреляция между частотой его проявлений и их распределением по различным регионам Советского Союза. Несмотря на то, что уголовный бандитизм был распространенным явлением повсюду в стране, 61% всех случаев приходился на западные приграничные районы - Украину, Литву, Латвию, Эстонию и Белоруссию. Особенно высокой концентрацией бандитизма и грабежей отличалась территория к западу от линии Керзона, которая была

---

[8] Советские официальные документы различали понятия «бандитизм» и «политбандитизм». Под последним понимались вооруженные выступления банд против советской власти. Однако до 1947 г. власти явно испытывали затруднения в разграничении различных форм бандитизма, грабежей и разбоя.

[9] Рассекреченные документы Верховного Совета СССР. См.: ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 4408. Данные о преступности и вынесенных приговорах в СССР за период с 1937 по 1956 гг. «Сводка статистических данных о преступниках, приговоренных государственными судебными органами за период с 1940 г. по июнь 1955 г.». Л. 2-3.

Рис. 3. Распределение социального бандитизма по районам, 1946 г.



Источник : ГАРФ, Ф. Р-7523. Оп. 89. Д. 4408. Л. 10.

аннексирована Советским Союзом в 1939-1940 гг., причем наибольшая активность бандитов проявлялась на Западной Украине и в Литве.

Два фактора объясняют концентрацию бандитизма на западных границах СССР. Во-первых, высокий уровень бандитизма прямо ассоциировался с регионами, длительное время находившимися под германским контролем в годы войны, где "бандиты пользовались изменениями обстановки на фронте, чтобы грабить и вырезать население в неспокойное время... Немцы обычно оставляли их в покое, если сами не подвергались нападениям с их стороны, а это бывало довольно редко"[10]. Советские данные явно подтверждают мнение Омера Бартова о том, что такие серьезные уголовные преступления как убийства, изнасилования, грабежи и воровство были необычайно частым явлением на оккупированных немцами восточных территориях[11]. Но значительное число преступлений, совершавшихся во время немецкой оккупации, кажется пустяком по сравнению с тем беспорядком, хаосом и опустошением, которые сопровождали отступление немцев. Германская тактика "выжженной земли", как и предшествовавшая ей советская, привели к полной деградации оккупированных зон. При отступлении немцы взрывали постройки, разрушали дороги и мосты, что приводило к полной разрухе и социальному коллапсу. Уже 24 декабря 1941 г., когда германские войска отступили после поражения под

---

[10] Данные польской разведки. См.: National Archives, College Park, Maryland (NARA). RG226. Records of the Office of Strategic Services, Research and Analysis Branch Division. Intelligence Reports ("XL"Series, 1941-1946). XL. 48988. Датировано 30 октября 1944 г. Рассекречено под номером NND947020. Основная информация советских источников о бандитских группах военного времени содержатся в совершенно секретном докладе начальника ГУББ А.Леонтьева заместителю руководителя НКВД Круглову, датированном 30 августа 1944 г. См.: ГАРФ. Ф.Р-9478. Главное управление по борьбе с бандитизмом МВД СССР (ГУББ МВД/НКВД СССР, 1938-1950-е гг.). Оп. 1. Д. 63. Л .1-197.

[11] O.Bartov. *The Eastern Front, 1941-1945: German Troops and and Barbarization of Warfare.* London, 1985; Idem. *Hitler's Army.* New York, 1992. P. 68-70; T.Anderson. *The Conduct of Reprisal by the German of Occupation in the Southern USSR, 1941-1943.* Ph.D. Dissertation. University of Chicago, 1994. P. 176; O.Zarubinskiy. Collaboration of the Population in Occupied Ukranian Territory: Some Aspects of the Overall Picture // *The Journal of Slavic Military Studies*. 1997. Vol. 10. № 2. P.138-152.

Москвой, был издан приказ о разрушении деревень: “Все стога сена и соломы, пищевые продукты и т.п. должны быть сожжены. Все печи в домах должны быть разрушены ручными гранатами, чтобы сделать их использование невозможным”[12]. Лишения порождали естественный вопрос - как выжить? Логика его решения, совершенно очевидно, подталкивала людей к тому, чтобы встать на путь преступлений в послевоенные годы[13]. Драматическая эскалация уголовной преступности с 1946 по 1947 гг. напрямую связана с демобилизацией Красной Армии, когда уставшие от войны солдаты возвращались домой к родным, пострадавшим, наверное, не меньше, чем все воюющие армии вместе взятые[14].

Историк В.Ф.Зима убедительно продемонстрировал, что резкий всплеск преступности был в большой степени вызван голодом 1946-1947 гг.[15] Хищения государственной собственности за год увеличились на 43,7%. Бандитизм, разбой и грабежи возросли вдвое[16]. Но гораздо более распространенными преступлениями стали мелкое воровство пищевых продуктов и одежды.

Вторым фактором, игравшим свою роль в распространении преступности в западных районах, был антисоветский

---

[12] Цит. по: W.Moskoff. *The Bread of Affliction: The Food Supply in the USSR During World War II*. Cambridge, 1990. P.46. Описание разрушений см.: A.Nove. *An Economic History of the USSR*. N.Y., 1989-1991. P. 276-311.

[13] См. дискуссию в сборнике: *The Impact of World War II on the Soviet Union*. Ed. by S.J.Linz. N.Y., 1985. Прежде всего см. статьи: Sh.Fitzpatrick. Postwar Soviet Society: the «Return to Normalcy», 1945-1953 // Ibid. P. 129-156; J.R.Millar. Conclusion: Impact and Aftermath of World War II // Ibid. P. 283-291.

[14] После продолжительного обсуждения ученые пришли к согласию, что общие потери СССР за годы войны оцениваются примерно в 27 млн. человек. Только безвозвратные потери Красной Армии по данным, приведенным Г.Ф.Кривошеевым, составили 8,7 млн. человек. Общее число погибших во время гитлеровской оккупации мирных граждан оценивается в 13,7 млн. человек, в том числе преднамеренно было истреблено гитлеровцами на оккупированной территории 7,4 млн человек. См.: Людские потери СССР в период Второй мировой войны. СПб., 1995, С.75, 125, 127.

[15] В.Ф. Зима. Голод в России 1946-1947 гг. // *Отечественная история*. 1993. № 1. С.35-52; Он же. Голод и преступность в СССР в 1946-1947 гг. // *Revue des Etudes slaves*. 1994. № 4. P. 757-776.

[16] В.Ф.Зима. *Голод и преступность в СССР*. С. 776. См. также рис. 2 и 3 к настоящей главе.

национализм: уголовный бандитизм и разбой были типичными для территорий, аннексированных после советско-германского пакта в августе 1939 г. Как уже говорилось, на Литву и Украину приходится треть проявлений послевоенного бандитизма на территории СССР. Очевидно, что здесь имело место особое, хотя и не совершенно исключительное явление: слияние социального бандитизма с антисоветским националистическим движением.

Однако было бы ошибкой полагать, что бандитизм был широко распространен только в западных областях СССР. Почти треть его проявлений приходилась на двадцать центральных областей России и концентрировалась в Москве или вокруг нее (5,1%). Да и в других регионах в послевоенные годы дело обстояло явно неблагополучно.

Основная причина того, почему эта важная тема долгое время не рассматривалась в исторической литературе, связана, главным образом, с советским законодательством в области государственной тайны. Даже после либерализации законодательства о государственной тайне после августа 1991 г., вплоть до лета 1996 г. доступ к советской уголовной статистике регулировали старые правила. И если в воспоминаниях людей часто встречались свидетельства о терроре и насилии послевоенных лет, то первое конкретное указание о размахе преступности в этот период автор получил, когда в 1996 г. он, первый среди западных историков, начал работать с рассекреченными материалами. Тогда были собраны и проанализированы данные, частично приведенные в настоящей книге.

Бандитизм и советская социальная история послевоенного времени

Один из самых явных признаков общественного страха перед уголовным бандитизмом в послевоенные годы является содержание писем, которые тысячами поступали в различные учреждения и в редакции советских газет. Часть из них сохранилась в архивах. Такие письма отчаянно взывали к властям с требованием восстановить порядок и законность. Например, рабочие Саратова осенью 1945 г. писали, что "…с началом осени Саратов буквально терроризируют воры и убийцы. Раздевают на улицах, срывают часы с рук - и это происходит каждый день... Жизнь в городе просто прекращается

с наступлением темноты. Жители приучились ходить только по середине улицы, а не по тротуарам, и подозрительно смотрят на каждого, кто к ним приближается”[17]. “День не проходит без того, чтобы в Саратове кого-нибудь не убили или не ограбили, часто в самом центре города при ярком свете. Дошло до того, что единственные, кто ходят в театр или кино, - это те, что живут рядом буквально в следующую дверь. Театр Карла Маркса, расположенный в пригороде, по вечерам пустует”[18].

Есть в советских архивах еще один ценный источник, отражающий послевоенный страх общества перед бандитами. Как давно уже подозревали на Западе, сотрудники НКГБ и МГБ регулярно следили за перепиской людей. Хотя это часто делалось в порядке текущего наблюдения за политической благонадежностью подозреваемых, советская тайная полиция также регулярно задерживала почтовые отправления, не имея ввиду какое-либо конкретное лицо, а с целью того, чтобы просто “держать руку на пульсе” общественных настроений. Работая в архивах СНГ в последние годы, автор натолкнулся на сотни докладов, основанных на перлюстрации корреспонденции, в которых есть все - от оценки квалификации школьных учителей и качества медицинского обслуживания на местах до административного произвола и реакции людей на отдельные мероприятия властей. Есть здесь, конечно, и свидетельства о бандитизме[19]. В послевоенные годы регулярная задержка

---

[17] Сводка писем, поступивших в газету «Правда» о бандитизме, воровстве и хулиганстве 17 ноября 1945 г. РГАСПИ, Ф. 17. Оп. 122. Д.118. Л. 92-93. Цит. также у Зубковой. См.: Zubkova. *Russia After the War*. P.38-39.

[18] Ibid.

[19] В своей статье о полицейском надзоре в СССР в 1920-е годы Питер Холквист заметил, что значительная часть материалов этого времени состоит из такого рода докладов, содержащих данные об общественных настроениях. См.: P.Holquist. «Information is the Alpha and Omega of Our Work»: Bolshevik Surveillance in its Pan-European Context // *Journal of Modern History*. 1997. Vol. 69. № 3. P. 415-450. См. также: В.Измозик. *Глаза и уши режима: государственный политический контроль за населением советской России в 1918-1928 гг.* СПб, 1995; В.Измозик. Перлюстрация в первые годы Советской власти // *Вопросы истории*. 1995. № 8. С.26-35. В более широкой сравнительной европейской перспективе этот вопрос рассматривается в: Sh. Fitzpatrick, R.Gellately. Introduction to the Practices of Denunciation in Modern European History // *Journal of Modern History*. 1996. Vol. 68. № 4. P. 647-767.

частной корреспонденции внутри страны и работа с ней осуществлялась отделом "В" Министерства госбезопасности под бдительным управлением генерал-майора М.В.Грибова. Выдержки из писем распределялись по категориям, печатались и перепечатывались и регулярно направлялись в соответствующие гражданские и военные органы - как по официальным запросам, так и с целью заставить начать расследование подозрительных случаев злоупотреблений на местах или вопиющей безответственности.

Показателем серьезности проблемы преступности в послевоенный период является совершенно секретный доклад, полученный Л.Берия в конце ноября 1946 г. В этом донесении содержалось 1 232 упоминания об уголовном бандитизме, извлеченных из частной переписки граждан в период с 16 октября по 15 ноября 1946 г. и касавшихся только шести областей (Московской, Курской, Ивановской, Орловской, Смоленской и Сумской). Всего лишь несколько примеров из этих писем свидетельствуют о катастрофическом распаде социальных норм в советском обществе в послевоенные годы[20].

---

[20] См. итоговый доклад под грифом «совершенно секретно» от руководителя МГБ В.С. Абакумова на имя Л. П. Берия и его заместителя С.Н. Круглова от 28 ноября 1946 г. (ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 152. Л. 546-552). Аналогичные сведения содержатся в итоговом докладе от 13 января 1947 г. по двум областям Украины, где упоминаются 1 699 случаев бандитизма. (ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 710. Л. 10). Как правило, секретная часть дел областных партийных комитетов содержит копии этих докладов, предназначенных для сведения районных и областных отделов МГБ. Подобные информационные сводки в последнее время стали одним из основных источников для изучения советской общественной культуры. В качестве примера исследований, в которых замечательно используются эти источники, можно назвать: H.Kuromiya. *Freedom and Terror in the Donbas: A Ukranian-Russian Borderland, 1870-1990s.* Cambridge, 1998; S.Davies. *Popular Opinion in Stalin's Russia: Terror, Propaganda, and Dissent, 1934-1941.* Cambridge, 1997; L.Rimmel. Another Kind of Fear: The Kirov Murder and the End of Bread Rationing in Leningrad // *Slavic Review.* 1997. Vol. 56. № 3; J.Rossman. The Teikovo Cotton Workers Strike of April 1932: Class, Gender, and Identity Politics in Stalin's Russia // *Russian Review*. 1997. Vol. 56. № 1; *Голос народа: письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918-1932 гг* / Отв. ред. АК.Соколов. М., 1998; *Общество и власть: 1930-е годы* / Отв. ред. А.К.Соколов. М., 1998; Sh.Fitzpatrick. *Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s.* N.Y., 1999.

> Столько грабежей и убийств. Ты, возможно, знаешь Василия Масленникова в Никольском. Он и его жена везли картошку в Иваново, когда на них напали и избили люди в масках... Не так давно Нюрка Ключарева возвращалась домой с электрички в 11 часов утра. Когда она проходила мимо избушки Бликиной, которая в лесу, кто-то напал на нее, свалил на землю, схватил за горло и, угрожая ножом, требовал деньги.
> *14 октября 1946 г. Рябышева (Загорск) - Е.Рябышеву.*

> ...Много новостей в нашей деревне. Кто-то задушил старуху, а в Черняке убили дедушку Ольшанского. Его труп до сих пор не нашли. Много воровства. Ужасно идти домой одному ночью или даже вечером. Какая-то банда вытворяет вещи выше всякого понимания.
> *5 ноября 1946 г. А.Калашникова (Чернянский район Курской области) - своему мужу.*

> Много новостей, но все то же самое: каждую ночь кого-нибудь грабят или находят убитого мужчину или женщину. Недавно в уборной за аптекой нашли молодого человека с пулевым отверстием в голове. Видно, раз здесь нет моря, то самые глубокие места в “веселой” Вичуге - уборные. Как приедешь сюда, сойдешь с ума.
> *17 октября 1946 г. В.Лапина (Вичуга Ивановской области) - Г.Голубеву.*

> Бандиты застрелили Павла Данилова и его жену и все забрали из их дома. Вот как у нас обстоят дела и с каждым днем становится все страшнее. Такие случаи повторяются каждый день и ночь. Людям здесь приходится собираться в одном доме вместе на ночь, уходя из собственного дома. Вот такие дела.
> *26 октября 1946 г. В.Проскурина (Орловская область) - В.Зайцеву (Севастополь).*

Эти сообщения ни в коем случае не являются исключительными. Ранее в том же году советские цензоры зафиксировали в двух упомянутых украинских областях -

Каменец-Подольской и Станиславской - соответственно 923 и 776 случаев грабежей и бандитизма[21].

> Сейчас очень опасно в наших краях. Грабежи и убийства законопослушных людей на улицах и в их домах. В нашей деревне ограбили Василия Баюра, нашу родственницу Елизавету и других. А ночью 25 марта они убили Алексея Копицу. Три человека с оружием пришли к нему и все забрали. Стащили даже ботинки с ног. Они убили прохожего на дороге, а всего убили уже четыре человека. Вечером нам никуда не пойти, а то они нас убьют.
> *6 апреля 1946 г. Д.Порхун (Каменец-Подольская область) - М.Порхуну.*

> Жизнь в нашей стороне поистине плохая. Много бандитов и они все время грабят деревни. Они уже ограбили пять семей, а у Петра Стецюка убили жену и дочь и все украли в хате.
> *3 апреля 1946 г. Д.Сабадаш (Каменец-Подольская область) - В.Сабадашу.*

> У Павла Стыщенко бандиты взяли все. Они их ужасно били и оставили в одном нижнем белье. У Петро они также забрали все и убили Саньку и Евдокию. Они впрыгнули в окно и сразу стали стрелять. Я тоже очень боялся, что убьют, потому что стрельба шла в течение трех часов. Та же самая вещь каждую ночь в

---

[21] Секретное сообщение старшего лейтенанта Тетеревенко, заместителя начальника 6-го подотдела отдела «В» МГБ, датированное 1946 г. (ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 665. Л. 112-115). В апреле 1946 г. цензоры МГБ из отдела «В» зафиксировали 887 случаев уголовного бандитизма и грабежей, упомянутых в письмах граждан - 425 в Дрогобычской области и 462 в Ровенской области. См. секретный доклад генерал-майора М.В.Грибова С.Н.Круглову от 31 мая 1946 г. (ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 665. Л. 133-134), а также секретную сводку перлюстрированных писем в Дрогобычской области за период с 1 по 19 сентября 1946 г., направленную из МГБ генерал-лейтенантом Ворониным секретарю Дрогобычского обкома 3 октября 1946 г. См.: ДАЛО (Державний Архів Львівської області). Ф. 5001. Оп. 7. Д. 279. Л. 119-121об. В сообщении сообщается о 98 случаях бандитских нападений, сведения о которых получены из 21 325 писем, просмотренных цензурой.

каждой деревне: они грабят два-три дома и пока продолжается ночь, ты не спишь и ждешь смерти.
3 апреля 1946 г. С.Омельян (Каменец-Подольская область) - В.Тухновскому.

Борьба с бандитизмом и разбоем стала главной задачей Сергея Круглова - министра внутренних дел. Усилия советских органов в этом направлении подтверждаются следующим отчетом:

За период с 1 января 1945 г. до 1 декабря 1946 г.

В течение указанного периода было ликвидировано:

антисоветских формирований и организованных бандгрупп 3 757

связанных с ними банд 3 861

Ликвидировано бандитов, членов антисоветских националистических организаций, их подручных и других антисоветских элементов: 209 831 лиц. Из них убито 72 232; арестовано: 102 272; легализовано: 35 527.

Бандитско-грабительских групп ликвидировано: 3 861

Ликвидировано бандитско-грабительских элементов, дезертиров, уклоняющихся от службы в Советской Армии, их подручных и других уголовных элементов: 126 033 лиц. Из них убито: 1 329; арестовано: 57 503; легализовано: 67 201.

Депортировано: 10 982 бандитских семей, 28 570 лиц.

Выслано в соответствии с правительственным решением о высылке лиц, служивших в германской армии, полиции и других формированиях: 107 046 лиц (до 1 октября 1946 г.).

Оружие, амуниция и другое воинское снаряжение, захваченные у бандитов и населения: 16 орудий, 366 мортир, 337 ПТР, 8 895 тяжелых пулеметов, 28 682 автоматов, 168 730 винтовок, 59 129 револьверов и пистолетов, 151 688 гранат, 79 855 мин и снарядов, 11 376 098 патронов, 6 459 килограмма взрывчатки, 62 радиопередатчика, 230

коротко-волновых приемников, 396 пишущих машинок, 23 счетных устройства.

Подпись: Начальник ГУББ СССР Подполковник Поляков

13 января 1947 г.[22]

Отдельные бандитские группы

Изучение действий отдельных уголовных банд показывает, что проблема борьбы с преступностью и поддержания общественного порядка приобрела чрезвычайный характер в послевоенные годы.

Самой активной и печально знаменитой уголовной бандой в Московской области в период с 1950 по 1953 гг. была так называемая банда Митина[23]. Иван Митин - бывший заключенный, которому в 1950 г. исполнилось двадцать три года, - в 1944 г. был осужден и приговорен к пяти годам лишения свободы за нарушение статьи 182, п. 1 УК. После освобождения Митин работал на заводе в Красногорске, там же он и проживал. Помимо Митина, в банде состояло еще пять человек - четверо в возрасте от шестнадцати до двадцати трех лет и один рабочий Петр Болотов, тридцати семи лет, член партии с 1944 г.

До своего задержания в феврале 1953 г. с помощью осведомителей, работавших за деньги под оперативными псевдонимами МОРОЗОВ и МИХАЙЛОВ, банда Митина действовала весьма успешно, снискав известность, сравнимую с той, что имели шайки американских гангстеров 1930-х гг. С марта 1950 г. до конца декабря 1952 г. банда ограбила десять отдельных объектов в городе Москве, захватив при этом почти 200 000 рублей. В каждом случае вооруженная банда совершала налет в промежуток времени с 7 до 8 часов вечера. Бандиты заставляли служащих и посетителей магазинов и ресторанов ложиться на пол лицом вниз, после чего забирали все

---

[22] ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 710. Л. 10.

[23] См. справку о ликвидации бандитской группы, совершившей в Москве и Московской области ряд разбойных нападений на магазины и кассы в 1950-53 гг., подписанную в феврале 1953 г. следователем Овчинниковым. (ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 5. Д. 271. Л. 33-37).

содержимое кассовых ящиков и сейфов. Во время налетов было убито двое посетителей пивного бара и один милиционер.

С августа 1952 г. банда расширила радиус своих действий, совершив пять похожих ограблений в различных концах Московской области. Ни в одном месте она не появлялась дважды. Однако во время последнего налета сложившийся порядок был нарушен. В Калининграде под Москвой 9 января 1953 г. банда напала на отделение Сбербанка в дневное время. Грабители ворвались в 11.45 утра, перед самым обеденным перерывом. Закрыв дверь изнутри, бандиты до полусмерти избили двух служащих, оборвали телефонную линию и взяли из сейфа 29 500 рублей. Спешно покидая место преступления, они убили двух банковских служащих выстрелами из пистолета ТТ, но по каким-то необъяснимым причинам оставили в банке свои галоши. Это вещественное доказательство вместе с данными баллистической экспертизы, а также два неудавшихся плана ограблений в феврале того же года и помогли установить личность и арестовать налетчиков.

Этот пример позволяет лучше понять ранее малоизвестные стороны социальной действительности того времени. Совершив за тридцать шесть месяцев пятнадцать ограблений, банда ранила трех и убила семь человек (в том числе двух сотрудников милиции), всего ею было похищено 292 500 рублей!

Однако гангстерские налеты такого масштаба были скорее исключением, чем правилом. На каждую банду типа Митинской приходились сотни более мелких банд, которые специализировались на воровстве более прозаических вещей, вроде чая, сахара, одежды, обуви, небольших денежных сумм. Это явление следует рассматривать в контексте тяжелого послевоенного быта. Социальный бандитизм советского типа олицетворяли отнюдь не такие фигуры как Аль Капоне, использовавшие наглую и грубую силу для укрепления своей власти. На ум скорее приходит Оливер Твист - мелкий воришка, влекомый к преступлениям больше нуждой, чем жадностью[24]. Взять хотя бы один из великого множества примеров: 19 декабря 1947 г. на Украине, под Киевом,

---

[24] Множество примеров такого типа преступлений упоминаются в: ГАРФ. Ф. Р-9748. Оп. 1. Д. 521. Л. 193-245.

за вооруженное ограбление были задержаны шесть рабочих. Как выяснилось, грабители в масках бежали, прихватив с собой 2 376 литров спирта, семь металлических ящиков, 161 коробку пудры, 23 женскимх жакетов, полтора килограмма пряжи, полтора килограмма чая и канистру с 16 литрами бензина[25].

Различия между социальным бандитизмом большого и мелкого масштаба, диктуемым жадностью или просто борьбой за выживание, не имеют существенного отношения к социальным побужденям бандитов. Но само существование таких банд создавало атмосферу страха на всей территории СССР в первые послевоенные годы.

Интересно, что вероятность ранения или убийства пострадавших во время бандитского нападения была существенно выше в областях, где имело место политическое противостояние режима и оппозиционных сил. Это говорит о том, что под бандитизмом часто понимаются разные социальные явления. Возникает вопрос, не был ли советский бандитизм формой осознанного социального протеста?[26] К этому вопросу мы еще вернемся ниже.

Советская “борьба с бандитизмом”

С 1938 по 1950 гг. на острие советской “борьбы с бандитизмом” находились Главное управление по борьбе с бандитизмом (ГУББ) - секретный межведомственный орган, деятельность которого координировалась НКВД (МВД), - и спецгруппы - настоящие специальные подразделения для проведения тайных противозаконных операций. ГУББ применяло особые методы для подавления социального и политического бандитизма. К ним относились - разведка (т.е. сбор информации об общественных настроениях или оппозиционно настроенных группах), агентурная работа (т.е. создание широкой сети осведомителей, внедренных в эти группы), дезорганизация (т.е.

---

[25] ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 756. Л. 183.

[26] Характеристика социального бандитизма как одной из форм социального протеста является центральным положением двух классических исследований Эрика Хобсбоума. См.: E.H.Hobsbawm. *Bandits*. Revised Edition. N.Y., 1969-1981; E.H.Hobsbawm. *Primitive Rebels: Studies in Archaic Forms Social Movement in the 19th and 20th Centuries.* N.Y., 1965.

разрушение руководящих органов оппозиционных и криминальных групп, обычно при помощи таких методов, как маскировка - создание из сотрудников милиции фиктивных "бандитских групп") и террор (массовые аресты, пытки, убийства, диверсии, саботаж и другие "грязные операции")[27].

Хотя под бандитизмом понимался как политический, так и уголовный бандитизм, с 1947 г. карательные органы стали проводить юридические различия между ними. Секретным приказом за номером 0074/0029 от 21 января 1947 г. спецгруппы и все другие военные и осведомительные структуры на Западной Украине передавались из ведения МВД под юрисдикцию МГБ. На тот момент они насчитывали по меньшей мере 68 582 человек вооруженного личного состава. Передавались также и помещения, транспортные средства, другое имущество и денежные средства, две специальные школы для подготовки кадров в Саратове и Сортавале, 180 дополнительных места в год в системе высшего военно-технического образования, а также разветвленная иерархия ГУББ на Западной Украине, в Западной Белоруссии, Эстонии, Латвии и Литве и, наконец, две трети персонала ГУББ на остальной территории Украины и Белоруссии (с оружием, помещениями и пр.)[28]. Вскоре, в июне 1947 г., последовало переустройство всех карательных органов. С 1947 г. МВД направляло свою энергию исключительно на борьбу с уголовными преступлениями, в то время как МГБ и его послесталинский преемник КГБ ограничивались в основном политическими преступлениями[29].

В борьбе с преступностью Уголовный розыск МВД опирался на широкую систему осведомителей[30]. Информация, поступавшая от осведомителей пока остается засекреченной, но некоторые другие недавно рассекреченные документы

---

[27] Подробный обзор советских методов борьбы с преступлениями в 1930-х гг. см.: D.R.Shearer. Crime and Social Disorder in Stalin's Russia: A Reassessment of the Great Retreat and the Origins of Mass Repression // *Cahiers du monde russe et sovietique.* 1998. Vol. 39. № 1-2. P. 119-148.

[28] ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 791. Л. 389-392.

[29] ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 710. Л. 10.

[30] Об этом см.: *Я служил в охране Сталина*. Этой теме также посвящена большая часть документального фильма С. Арановича, снятого в 1991 г. на студии Ленфильм под тем же названием.

позволяют судить о масштабах и относительной эффективности их деятельности. Так, на 1 января 1952 г., - как следует из доклада заместителя начальника управления уголовного розыска МВД полковника милиции Кирова - 730 оплачиваемых резидентов руководили деятельностью 10 473 оплачиваемых осведомителей, получивших только в 1952 г. за предоставляемую информацию 2 736 650 руб.[31] Киров сообщал, что в 1952 г. с помощью платных осведомителей было раскрыто 2 504 преступления и произведено 3 713 арестов: 27 - за убийства, 150 - за грабежи, 1524 - за различные виды воровства и хищений, 710 - за другие преступления.

Рассекреченные сведения МВД за 1953 г. показывают расширение сети осведомителей в борьбе против криминальных элементов:

> На 1 января 1953: сеть агентов-осведомителей органов милиции по линии уголовного розыска состояла из 7 633 резидентов, 19 336 агентов и 136 775 осведомителей - всего 163 794 человек. Для встреч с осведомителями использовалось 4 685 конспиративных и явочных квартир.
>
> В течение первой половины 1953 г. было вновь завербовано 10 187 человек, среди них: 69 резидентов, 3 530 агентов и 6 588 осведомителей. Создано 919 новых конспиративных и явочных квартир.
>
> Исключено за тот же период 26 112 человек: 1 216 резидентов, 2 516 агентов и 22 380 осведомителей. Среди них: за дезинформацию и двурушничество - 7 резидентов, 53 агента и 124 осведомителя - всего 184 человека; за непригодность к работе - 1 186 резидентов, 2 110 агентов и 21 169 осведомителей - всего 24 465 человек; в связи с арестом и обвинением - 23 резидента, 353 агента и 1 087 осведомителей - всего 1 463 человека[32].

---

[31] См.: ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 5. Д. 262. Л. 93-94. Справка о результатах работы платных резидентов по линии уголовного сыска за 1952 г. от 15 апреля 1953 г.

[32] См.: Доклад на коллегии МВД СССР о состоянии работы милиции по борьбе с уголовной преступностью за первое полугодие и июль 1953 г.

Осмысление советского бандитизма

Из наблюдений за состоянием преступности в СССР в послевоенные годы вытекают три взаимосвязанных вопроса.

Во-первых, статистические данные о преступности в стране указывают на то, что уголовный и политический бандитизм был сосредоточен в тех районах, где существовало националистическое повстанческое движение против советской власти. Означает ли это наблюдение, что советские органы не проводили различия между уголовным и политическим характером действий бандитов/повстанцев? Или же статистика фиксирует социальный хаос в этих областях и отсутствие эффективного контроля со стороны советского государства, что создает условия для расцвета криминальной активности?

"Борьба с бандитизмом" в СССР несомненно была политическим орудием для утверждения заново советского государственного контроля на всей территории страны. Повсеместно ощущавшаяся в послевоенные годы угроза общественному порядку, преимущественно в виде преступности, использовалась советскими властями для того, чтобы обеспечить процессу советизации массовую поддержку. Советское государство умышленно смешивало между собой осознанную политическую оппозицию режиму и уголовный террор. Но основные приоритеты в деятельности повстанческих групп антисоветского подполья укладывались в эту схему. Уголовные бандиты использовали те же методы неожиданных ударов и спешного отступления, создавая тем самым худую славу всем "бандитам" - и грабителям, и повстанцам - среди местного населения. Взять лишь один пример: даже между собой подпольщики-националисты на Западной Украине горько сетовали по поводу действий настоящих бандитских групп, стоявших вне политики. В июле 1945 г. руководитель делегации польской Армии Крайовой (АК) на встрече с руководством УПА (Украинской повстанческой армии) заявлял:

(ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 5. Д. 262. Л. 213-237). Сведения об информационной сети извлечены из раздела «Состояние агентурного аппарата и работы с ним» (Там же. Л. 225-226).

> ...в польском обществе много безответственных элементов (в том числе и среди поддерживающих нас), у кого есть тесные контакты с бандитами, - в основном среди молодого поколения. Они злоупотребляют авторитетом АК [действуя от ее имени], грабят в личных целях и вымогают не только у украинцев, но и у поляков. Мы должны всеми силами их уничтожать[33].

На юго-востоке Польши, в Перемышле (Пшемысле) действовала уголовная банда, известная как “Общественная милиция” *(Milicija Obiwatelska)*, вымогавшая у всех проживавших в городе украинцев “особый сбор”. Упомянутый выше лидер АК крайне резко оценивал эту “Гражданскую милицию”, назвав ее

> …бандитами и безответственными лицами, каждый шаг которых позорит польский народ. Мы должны уничтожать их на каждом шагу, с каждым их преступлением. Мы должны уничтожать каждого милиционера, который принимает участие в грабеже или в другом злодеянии... Если они грабят, мы должны считать их бандитами[34].

Подобные же высказывания содержатся в дневнике польского доктора Зигмунта Клуковского из Щебжешина (юго-восточная Польша):

> *7 августа 1944 г., понедельник*
> Большинство офицеров и солдат Армии Крайовой чрезвычайно подавлены неопределенностью. Организация распадается. Ее членов можно найти повсюду. Одни пытаются работать в поле, помогая в уборке урожая, другие сидят, ничего не делая. Было уже несколько грабежей. Собранных запасов продовольствия, таких как сахар, мука, картофель и т.п., не хватает для бойцов.

---

33 Из протокола УПА, захваченного советской контрразведкой и датированного июлем 1945 г. См.: ДАЛО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 213. Л. 170.
34 ДАЛО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 213. Л. 168.

> *16 августа 1944 г., среда*
> В течение последних нескольких дней в районе было много случаев грабежей. Кажется, есть прямая связь между деморализацией, очевидной среди бойцов подполья, и грабежами. Некоторые из них не могут находиться в бездействии, а без соответствующей военной дисциплины они смотрят на грабеж как на приключение и как на способ удовлетворить свои повседневные нужды.
>
> *21 ноября 1944 г., вторник*
> Становится очень популярным объяснять грабежи как патриотические акты возмездия. То, что случилось со мной, - печальный пример деморализации бойцов подпольного движения. Я никогда не ожидал, что кто-нибудь из тех, кто связан с Армией Крайовой, особенно с 9-ым пехотным полком, может напасть на меня. Люди “из леса” меня слишком хорошо знали и я жил достаточно близко к ним.
>
> Я сам чувствую себя ужасно. Я расстроен тем, что наши офицеры сотрудничают с такими бандитами как Нижвецкий и “Пёрун”. Терпимость к бандитам внутри нашей патриотической организации очень печальна и указывает на отсутствие самых основных нравственных норм. Я глубоко убежден в этом, так как Нижвецкий напал на меня, избил и ограбил - и не только не понес за это наказания, но и не был исключен из организации.

При этом Клуковский добавлял: “Я записываю это, потому что все подверждается заслуживающими доверия людьми, и как историк я должен так поступить. Я был бы рад, если бы это оказалось неправдой... Бандитизм принимает угрожающие размеры, и я чувствую, как моя симпатия к Армии Крайовой исчезает. Меня бесит, что я не могу сказать это прямо, иначе я буду выглядеть изменником в глазах организации”.

> *10 января 1945 г., среда*
> Наше руководство знает об этих налетах, грабежах и нападениях, но ничего не делает, чтобы изменить

> ситуацию. А все это время страдает образ Армии Крайовой и подполья[35].

Если сами подпольные отряды не могли отличить один свой отряд от другого, ситуация была еще более непонятной и страшной для местного населения.

Подобная неразбериха стала потенциальным орудием в арсенале советских властей, которые все эксцессы местных бандитских групп записывали на счет жестокостей, якобы творимых украинскими, польскими или литовскими националистами.

Но были и примеры иного поведения повстанцев. Так в ночь на 8 января 1947 г. в Иваничском районе Волынской области местное подразделение Украинской повстанческой армии (УПА) похитило и казнило за уголовный бандитизм двух своих бывших сослуживцев - В.С.Тхорика и Н.А.Лукашука. Оба бандита были повешены, их трупы изуродованы, а около их тел был установлен знак: "Тхорик и Лукашук казнены УПА за воровство и бандитизм"[36].

Второй важный вопрос касается исполнителей преступлений. Здесь наблюдения Э.Хобсбоума, сделанные в его классическом исследовании о социальном бандитизме, оказываются весьма полезными в качестве отправной точки для анализа:

> Идеальная ситуация для грабежей возникает, когда местные власти состоят из местных жителей, действующих в сложной обстановке, когда всего несколько миль могут сделать разбойника недосягаемым, и даже знание о том, что происходит на землях, подчиненных этим властям, не заставляет их беспокоиться о том, что творится за пределами своих владений[37].

Так же как и в других странах в другие эпохи, бандитизм пышно расцвел в Советском Союзе в послевоенные годы потому, что

---

[35] Z.Klukowski. *Red Shadow: a Physician's Memoir of the Soviet Occupation of Eastern Poland, 1944-1956.* Jefferson, N.C., 1997. P. 10, 13, 33, 38-40.

[36] ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 888. Л. 111-112. Зашифрованная телеграмма с места происшествия, датированная 27 января 1947 г.

[37] E.H.Hobsbawm. Op.cit. P. 21.

бандиты были местными жителями. Используя родство, социальные, культурные и этнические связи, протекцию или запугивание, они заручались поддержкой и создавали опорные пункты на локальном уровне. Очень редко, только в тех случаях, когда бандиты действовали против других местных жителей, они надевали маски, чтобы избежать опознания. Но гораздо чаще бандиты наносили удары за пределами тех мест, где они базировались: бандиты в одном селе могли выглядеть робин гудами в другом.

Главная трудность для советской милиции заключалась в том, чтобы найти такие места, где базировались бандиты, и проникнуть туда. Наглядной иллюстрацией методов, направленных на предотвращение бандитизма, служит случай с бандой СЕМАША, которая действовала в Сталинской области УССР с 1947 по 1953 гг.[38] Совершив двадцать семь вооруженных ограблений, банда захватила свыше 670 000 рублей, восемнадцать овец и трех свиней. Все ограбления были совершены в самом Сталино (ныне г. Донецк) или недалеко от него. Машины для ограблений были захвачены у проезжавших водителей, которых вытаскивали из кабины и убивали недалеко от дороги. После ограблений машины бросали где-нибудь в отдаленном месте. Но через некоторое время милиция заметила определенную систему в совершении преступлений.

Сначала предполагали, что действует не одна банда. Однако баллистическая экспертиза пуль, найденных в местах ограблений, позволила сотрудникам МВД установить, что все они были выпущены из одного и того же оружия. Это послужило отправным звеном для установления связи между отдельными грабежами. Сразу стала очевидной и другая особенность: в нескольких случаях бандиты действовали в масках, но чаще они их не надевали. “Изучив методы и средства... этих ограблений, управление милиции Сталинской области пришло к заключению, что эти преступления совершены глубоко законспирированной бандитской группой, члены которой либо жили, либо работали

[38] Отчет полковника милиции Коваленко о действиях банды от 13 октября 1953 г. см.: ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 5. Д. 272. Л. 1-24. См. также донесение от 11 мая 1953 г. о расследовнаии нескольких убийств в окрестностях г. Сталино: ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 5. Д. 270. Л. 9-15; а также: ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 5. Д. 255. Л. 180-182, 195-200.

на территории 5-го отделения милиции г. Макеевка, в деревне Григорьевка Авдеевского района или же на территории 5-го отделения милиции г. Сталино. Основанием для такого заключения служит то, что при совершении преступлений на этой территории бандиты были в масках из боязни быть опознанными. Когда они грабили кассу на шахте №40 "Кухаровка", на них не было масок. Из этого следует, что они не боялись быть узнанными, поскольку ни один из них не был жителем этого района"[39].

Исходя из этого, в марте 1953 г. следователи завербовали двух осведомителей, поставив перед ними вопросы: кто проживает на указанной территории и кто из жителей имеет доступ к оружию? Два платных осведомителя, муж и жена под оперативными псевдонимами ЛЕСОВОЙ и ЛЕСОВАЯ, согласились на сотрудничество из-за своего уголовного прошлого. Брат ЛЕСОВОГО Николай незадолго до этого упомянул, что его сосед Михаил Я. предлагал ему купить пистолет. ЛЕСОВОМУ приказали сблизиться с Я. и выяснить, откуда у него этот пистолет. В домашнем разговоре ЛЕСОВОЙ узнал, что пистолет хранится в доме у одного из соседей в деревне Григорьевка - у Михаила Л. (как выянилось впоследствии - главаря банды). Однако, несмотря на все усилия, ЛЕСОВОМУ не удалось сблизиться с этим человеком. Тогда милиция заставила его брата Николая стать платным осведомителем под оперативным псевдонимом ВОРОН. Так как ВОРОН был лучше знаком с Я., ему не раз приходилось слышать, как тот хвастался успехами бандитов. ВОРОНУ удалось установить личности пятерых главных членов банды СЕМАША. Все они были жителями деревни Григорьевка. Никто из них не состоял на учете в милиции, а 25-летний Михаил Ф. был комсомольцем.

В конце концов, вся банда, состоявшая из восьми человек, была арестована вместе с восемью своими подручными (все оказались ближайшими родственниками бандитов). Шесть членов банды были приговорены к лишению свободы на срок 25 лет, один - к 15-летнему заключению, пять - к 10-ти годам, трое получили 3-х летний срок (среди них две матери бандитов), один - срок в 2 года.

---

[39] Там же. Л. 3-4.

В ходе следствия члены банды подтвердили, что в течение нескольких лет они делили между собой награбленные деньги, закопав какую-то часть у себя на огороде. "Большая часть денег была истрачена на пьянство или приобретение дорогих вещей"[40]. Три члена банды намеревались когда-нибудь купить себе по хорошему дому в г. Осипенко Запорожской области.

Есть еще один способ установить состав преступных групп. Воспользовавшись возможностью внимательно изучить несколько десятков дел о бандитизме, автор пришел к следующему выводу: на протяжении всего периода бандиты и их главари принадлежали к местному населению, но их социальный состав претерпел значительные изменения. В 1944-1946 гг. грабеж был главным источником существования бандитов. "Обычных подозреваемых" в это время следовало искать в основном среди "общественных паразитов", как называли этих людей в МВД. К 1947 г. категория "общественных паразитов" не исчезла, однако в бандитскую среду влилась новые люди из числа демобилизованных солдат, которые, возвращаясь домой, вместо лавров победителей встречали повсеместные лишения и трудности.

После того, как в 1946-1947 гг. советская власть приложила большие усилия по борьбе с бандитизмом, частота вооруженных нападений значительно снизилась. Однако бандитизм сохранял прочные позиции и в 1950-е гг. Внимательный взгляд на анкетные данные бандитов, без сомнения, показывает, что советский бандитизм процветал при молчаливом попустительстве и даже активном соучастии местных партийных лидеров. До 1946 г. практически все бандиты были беспартийными. После 1947 г. принадлежность к партии или комсомолу стала непременным условием социального бандитизма. Конечно, далеко не все бандиты состояли в партии, но в каждой банде среди главарей имелся хоть один коммунист или комсомолец. В Политбюро осознавали проблему, но не находили ей простого решения.

Последний вопрос непосредственно связан с дискуссией о том, какое влияние бандитизм, процветавший на советской территории во время и после Второй мировой войны, оказывал на трансформацию системы в последние годы жизни Сталина. Существует два подхода к рассмотрению этой проблемы. С

[40] Там же. Л. 16.

одной стороны, очевидно, что страх и отсутствие безопасности порождали в массах стремление к утверждению советской законности и порядка. Поздний сталинизм развивался не в вакууме - усиление государственного контроля, даже в ущерб гражданским свободам, привествовалось достаточно широкими слоями населения страны, которые видели в преступности главную угрозу жизни и имуществу людей. Как замечал житель Московской области в письме своему сыну в 1946 г.: “Давно пора милиции делать то, что ей положено: защищать спокойствие граждан”[41]. Осенью 1945 г. член партии А.С. Ганенко писал из Архангельска в “Правду”: государство “должно принять срочные и решительные меры в борьбе с бандитизмом. Мы хотим, чтобы наши города восстали из пепла и стали оживленными, шумными, веселыми”[42].

Многочисленные источники показывают, как советские руководители реагировали на этот призыв. В феврале 1947 г. заместитель начальника отдела партийного контроля Поздняк написал гневный доклад на имя секретаря ЦК Н.С.Патоличева, настаивая на срочных и решительных карательных мерах, чтобы одолеть настоящую эпидемию вооруженных нападений:

> Неэффективная борьба с преступностью вызвала широко распространенное общественное недовольство работой органов милиции. В отдельных областях избиратели требуют: “Когда же вы начнете борьбу с воровскими притонами, которые теперь стали обычным делом в Архангельске?” Из Костромы: “Когда же вы покончите с хулиганством в городе?” Из Ленинграда: “Какие меры вы предпринимаете в борьбе с преступностью?” “Что вы делаете по борьбе с бандитизмом и воровством в Туле?”. И из Челябинска: “Когда органы милиции действительно начнут борьбу с хулиганством и воровством и вернут порядок в этот город?”[43]

---

[41] ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 152. Л. 547.
[42] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 118. Л. 96.
[43] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 289. Л. 3.

В 1946-1947 гг. советские тюрьмы, ИТК и ИТЛ оказались переполненными из-за притока мелких преступников, по мере того как милиция развертывала борьбу с бандитизмом. По указу от 4 июня 1947 г. в 7-10 раз был увеличен максимальный срок наказания за мелкое воровство - вплоть до 25 лет лишения свободы вместо 1-2 лет (при условии смягчающих вину обстоятельств). Новый указ игнорировал эти обстоятельства и увеличил среднюю продолжительность срока заключения до 7 лет. В результате к концу 1947 г. почти 80 тыс. заключенных находились в местах лишения свободы за нарушение пресловутого "закона о пяти колосках" от 7 августа 1932 г. Кроме того еще 300 тыс. человек были приговорены к различным срокам наказания за нарушение указа от 4 июня 1947 г. С 1946 по 1947 гг. общее число заключенных на длительный срок (лишение свободы на 10 и более лет) выросло в 100 раз (до 16 260 заключенных), в 1948 г. - в 3,8 раза достигнув цифры 60 тыс. человек[44]. Больше всего от массовых арестов и депортаций пострадали жители Западной Украины и Прибалтики[45].

Вступив в "борьбу с бандитизмом", советское государство не только реагировало на призыв общества к восстановлению нормальной жизни после войны, но также и получило возможность расширить свои полицейские прерогативы за счет граждан. Используя послевоенный кризис, связанный с ростом бандитизма и насилия, в последние годы сталинизма карательный аппарат быстро разрастался. Возникала ситуация, описанная историком Жаком Берке: "разбойничество не только

---

44 ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 6. Д. 14. Л. 14. В.Ф.Зима. *Голод и преступность в СССР*. С. 776. Ту же тенденцию отмечает Дж. Хесслер в работе, посвященной послевоенному мелкому предпринимательству и его последующей ликвидации (с помощью криминализации частной коммерческой деятельности), начиная с 1948 г. J.A.Hessler. Postwar Perestroika? Towards a History of Private Enterprise in the USSR // *Slavic Review.* 1998. Vol. 57, № 3. P. 516-541.

45 В.Н.Земсков. Принудительные миграции из Прибалтики в 1940-50-х годах // *Отечественные архивы*. 1993. № 1. С. 4-19; Он же. Заключенные, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (статистико-географический аспект). // *История СССР*. 991. № 5. С. 151-165; *Документы КГБ в балтийских странах. Доклады.* Tallinn: Eesti Riigiarhiivi Filiaal, 1996; *Депортация. Західні землі України, 1939-1945*. Львів, 1996.

обнажало болезни общества, но и давало повод для [государственного] вмешательства и узурпации прав граждан”[46].

Масштаб трансформации советских органов внутренних дел в ходе “борьбы с бандитизмом” показан в табл. 1. Численность агентуры и осведомителей в системе уголовного розыска МВД за первые два года Второй мировой войны выросла вдвое и снова удвоилась между 1943 и 1950 гг. В борьбе с преступностью советское государство все больше полагалось на агентуру – сеть осведомителей. Статистика показывает, что неоправданно большое значение, придававшееся осведомителям из уголовной среды, стало неотъемлемой чертой работы органов. И хотя после смерти Сталина в марте 1953 г. очень скоро произошло осуждение самых репрессивных сторон его политики, можно проследить интересный феномен: после 1953 г. сеть агентов советской милиции в уголовной среде действительно подверглась проверке и была значительно сокращена, но даже после всех сокращений численность осведомителей на протяжении последующих трех десятилетий превышала довоенный уровень в три раза. Со сталинских времен советские органы внутренних дел унаследовали привычку полагаться в своей работе на агентуру .

В то же время война стала подлинным водоразделом в умонастроениях советских властей. Внешне гордые победой, они

---

46 J.Berque. *Egypt: Imperialism and Revolution.* L., 1972. См. также на этот счет интересную статью Д. Ширера: D.Shearer. Op.cit. О традиционном русском бандитизме и вооруженных ограблениях в дореволюционной России, о преступлениях в СССР см. также книги: S.P.Frank. *Crime, Cultural Conflict, and Justice in Rural Russia, 1856-1914.* Berkeley, 1999. P. 124-132; В.Чалидзе. *Уголовная Россия.* М. 1990.

О подавлении польского послевоенного диссидентского движения в духе советской «борьбы с бандитизмом» см.: J.Micgiel. «Bandits and Reactionaries»: The Suppression of the Opposition in Poland, 1944-1946 // *The Establishment of the Communist Regimes in Eastern Europe, 1944-1949.* Ed. by N.M. Naimark, L.Ia. Gibianskii. Boulder, Colorado, 1977. P. 93-109.

Сравнительно-исторические исследования о том, как государство использует преступность, чтобы консолидировать полицейскую власть см.: Th.W.Gallant. Brigandage, Piracy, Capitalism and State-Formation: Transnational Crime in an Historical World-System Respective // *States and Illegal Networks*. Ed. by: J. Heyman, A. Smart, London, 1998; N.Brown. Brigands and State-Building - The Invention of Banditry in Modern Europe // *Comparative Studies in Society and History*. 1990. Vol. 32. № 2. P. 258-281.

тем не менее трезво смотрели на ту огромную цену, которая была за нее уплачена. Приведу в качестве иллюстрации слова одного офицера, пережившего Вторую мировую, который во время войны в Чечне наотрез отказался преследовать бандитов в своем секторе: “Я не для того пережил Великую Отечественную войну, чтобы погибнуть от рук чеченских бандитов”[47]. Поэтому, более пятидесяти лет спустя, нам еще предстоит понять, какого рода ограничения война накладывала на возможности советской государственной власти[48].

[47] ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 527. Л. 33.

[48] Дискуссию на эту тему см.: N.Tumarkin. *The Living and the Dead: the Rise and Fall of the Cult of the World War II in Russia.* N.Y., 1994.

Таблица 1. Численность агентурно-осведомительной сети Уголовного Розыска МВД СССР, 1942-1951 гг.

С 1943 до 1950-го года количество осведомителей увеличилось на 215,16 %.

-	1/I/43	1/I/44	1/I/45	1/I/46	1/I/47	1/I/48	1/I/49	1/I/50	1/I/51	1/I/54	1/I/55
Агентурно-осведомительная сеть											
рост	65,7%	62,33%	16,22%	21,13%	10,85%	12,67%	6,71%	1,48%	1,98%		
Общая	90223	146456	170217	206182	228560	257508	274778	278834	284344	145525	118971
Резиденты	485	2052	3057	4148	7187	9452*	10730*	11181*	11271*	5126	3273
Агенты	4371	9155	9845	14885	17974	18620	21046	22120	22967	25613	25498
Агенты-Маршрутники	**	413	646	1070	1377	1680	1955	2001	2089	**	**
Осведомители	85367	134836	156669	186079	202022	227756	241047	243532	248017	114786	90200

*В том числе платных--2293 (1948); 2121 (1949); 1962 (1950); 1761 (1951).

**Включается в категории «Агентов».

Источник: ГАРФ, Ф. Р-9415. Оп. 5. Д. 208. Л. 2об.-3 (1942 г.); Д. 210. (1943 г.); Д. 211. Л. 26-31 (1944 г.); Д. 214 . Л. 27-30 (1945 г.); Д. 217. Л. 5-9 (1946 г.); Д. 221. Л. 7-10, 30-31 (1947 г.); Д. 225. Л.52-55 (1948 г.); Д. 229. Л. 27-30 (1949 г.); Д. 235. Л. 27-31 (1950 г.); Д. 289. Л. 16-18 (1954 г.).

-2-
АГЕНТУРА:
Сеть советских осведомителей и украинское националистическое подполье в Галиции в 1944-1948 гг.

"Нам страшны не откровенные враги, а те, кто с родным словом на устах идут к нам, чтобы разорвать нам душу, сея зерна розни в сердцах".

Юрий Клен. Проклятые годы. Цит. по брошюре Организации Украинских Националистов (ОУН) "Больше революционной внимательности" (февраль 1946 г.)[1]

29 октября 1945 г., Станиславовская область в Карпатах на Западной Украине.

Действуя по наводке местных источников, вооруженный отряд НКВД произвел в Коломыйском районе нападение на местный штаб СБ – "Службы безпеки" (службы безопасности), или контрразведки украинского националистического подполья. В перестрелке сотрудники спецгруппы НКВД убили начальника районного штаба контрразведки повстанцев, известного под оперативным псевдонимом ЯРОСЛАВ[2].

---

[1] ГАРФ. Ф. Р-9478 (ГУББ МВД/НКВД СССР,1938-1950 гг.). Оп.1с. Д. 643. Л. 181-199. Данный экземпляр этого документа был направлен Наркомом Внутренних Дел УССР Т.А. Строкачем Наркому Внутренних Дел СССР В.С. Рясному 8 февраля 1946 г. Брошюра подпольщиков была одной из нескольких "антисоветских листовок", распространенных во Львове в ночь на 3 февраля 1946 г. Юрий Клен – псевдоним украинского писателя из местных этнических немцев (Volksdeutsche) Освальда Бургхардта, автора "Прокляті роки" ("Проклятые годы").

Здесь и далее ОУН – аббревиатура Организации Украинских Националистов, а УПА – Украинская Повстанческая Армия, возникшая на базе ОУН после июля 1941 г. Вопреки впечатлению, возникающему при знакомстве с советскими архивами, украинское подпольное движение сопротивления не было единым – оно представляло собой пестрое сочетание множества соперничающих группировок, методы и программы которых значительно отличались друг от друга. См.: J.A.Armstrong. *Ukrainian Nationalism*. 3d edition. Englewood: Ukrainian Academic Press, 1990.

[2] Двумя основными структурами советской тайной полиции были Народный Комиссариат Внутренних Дел (НКВД) и Народный Комиссариат Государственной Безопасности (НКГБ). В марте 1946 г. они были

Обыскав штаб-квартиру, сотрудники НКВД обнаружили большое количество материалов из архива украинского националистического подполья. Их внимание особенно привлек один такой документ – подробный 20-страничный анализ методов работы советской тайной полиции на Западной Украине, озаглавленный "Агентура НКВД-НКГБ в действии". Этот редкий источник был напечатан ограниченным тиражом специально для руководства СБ. Брошюра представляла собою своего рода "Молот ведьм" – это было учебное руководство по охоте на советских шпионов.

Данный документ был настолько точен, что его незамедлительно передали наверх по инстанциям, так что в итоге он лег на стол генерал-лейтенанта Т.А. Строкача, в то время заместителя Наркома Внутренних Дел Украины. От него он попал к генерал-лейтенанту А.М.Леонтьеву - начальнику Главного Управления по Борьбе с Бандитизмом (ГУББ), секретного подразделения Наркомата Внутренних Дел СССР, отвечавшего за так называемые спецгруппы, или тайную агентуру, и за диверсионные операции против бандитов и подпольных националистических групп[3]. Возможно, самым лучшим доказательством достоверности этого источника служит сопроводительное письмо к нему, подписанное самим Строкачем и содержащее пометки, сделанные синим карандашом рукой Леонтьева. Вот что писал Строкач: "Автор инструкции не

переименованы, соответственно, в Министерство Внутренних Дел (МВД) и Министерство Государственной Безопасности (МГБ). Спецгруппы подчинялись Главному Управлению по Борьбе с Бандитизмом (ГУББ) в составе НКВД. Обычно они возглавлялись тройками, состоящими из представителей НКВД и СМЕРШ (советская военная контрразведка) в звании не ниже младшего лейтенанта. Подробные списки сотрудников ГУББ по Западной Украине по состоянию на май месяц 1946 г. см.: ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп.1. Д. 527. Л. 109-117.

3 Главной задачей агентов ГУББ было проникновение в ряды повстанцев, саботаж и уничтожение антисоветской оппозиции. Советский Военный Энциклопедический Словарь (М., 1983) определяет "диверсию" как "действия отдельных лиц или групп (отрядов, частей или партизанских соединений) в тылу противника с целью вывести из строя военное производство или другие объекты, вмешаться в командование и контроль, перерезать коммуникации и уничтожить личный состав и вооружение". Цит. по: I. G. Starinov *Over the Abyss: My Life in Soviet Special Operations.* New York: Ivy Books, 1995. P. viii.

установлен, но ее содержание удостоверяет тот факт, что в СБ есть бандиты [т.е. повстанцы – *Дж.Б.*], которые хорошо знают методы работы органов НКВД-НКГБ, и даже возможно, что они когда-то работали в наших органах"[4].

Подобное открытие потрясло советские органы безопасности, которые немедленно приступили к поиску автора документа – поиску, который, как мы увидим, увенчался успехом лишь три с лишним года спустя, 10 ноября 1948 г.

Этот отчет и целая кипа других материалов из архива Главного Управления по Борьбе с Бандитизмом, запечатлевших историю тайных операций Советов против украинского националистического подполья на Западной Украине с 1944 по 1953 гг., и послужили источниками настоящего исследования[5].

---

[4] ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1с. Д. 643. Л. 13. Письмо с грифом "совершенно секретно" Т.Строкача (в то время занимавшего должность заместителя Наркома Внутренних Дел Украины) А.В.Леонтьеву, возглавлявшему ГУББ НКВД СССР в Москве, датированное 30 декабря 1945 г. В английском издании автор последовательно переводит термин "бандит", употребляемый в советском источнике, как "повстанец" (rebel), "бандгруппы" – как "банды повстанцев" (rebel bands), а "бандпроявления" – как "акции повстанцев" (rebel actions). Тем самым автор проводит различие между антисоветскими операциями повстанцев и активностью настоящих уголовных банд, которые советскими официальными документами объединяются в одну категорию.

На первой странице документа имеется запись Леонтьева, сделанная жирным синим карандашом: "Константинову: Ознакомиться с этим документом, [передать] руководителям в Вашем отделе. (3.12.1946)". Рукой Константинова ниже приписано: "Тов. Горошенко, Старочук, Шаранов: Тщательно изучить и выдвинуть предложения. Константинов. (4.1.1946)".

Доклад "Агентура НКВД-НКГБ в действии" представляет собой русский перевод оригинального документа на украинском языке. См.: Там же. Л. 14-34. Его положения поразительно совпадают со стандартным советским руководством по подготовке сотрудников НКВД для организации "информационно-осведомительных сетей". См.: Государственное Политическое Управление Украинской ССР. Секретно-оперативное Управление. Отдел информации и политконтроля. *Инструкция о постановке информационно-осведомительной работы окружных отделов ГПУ УССР.* Харьков, 1930. [Нумерованные экземпляры]. Цит. по экземпляру, сохранившемуся в Архиве СБ Украины (Киев).

[5] Данная глава написана на материалах шести архивных фондов, хранящихся в Москве, Киеве и Львове. Помимо засекреченных фондов Главного Управления по Борьбе с Бандитизмом (1938-1950) в Москве, я также использовал материалы из архива Украинской СБ, а также архива ЦК Компартии Украины в Киеве и областного архива во Львове – командного

Значение этих документов трудно переоценить - они убедительно показывают, что советская власть, стремясь упрочить свое положение в только что завоеванных или повторно присоединенных к СССР регионах, опиралась преимущественно на сеть осведомителей, или агентуру. Как совершенно откровенно высказался автор инструкции, составленной украинскими повстанцами:

> Несколько десятков штатных работников НКВД-НКГБ, которые находятся в районном аппарате, в результате своего незначительного количества и недостатка непосредственного контакта с населением района не в состоянии справиться с этой работой. В помощь себе, в каждом селе они тайно организуют специальную агентурную информационную сетку из гражданского населения. Только после создания такой сетки в каждом населенном пункте, органы НКВД-НКГБ начинают свою деятельность. При помощи этой сетки они имеют возможность контролировать внутреннюю жизнь каждого населенного пункта, выявлять и “разрабатывать” объекты, которые для них будут представлять определенный оперативный интерес[6].

центра советского режима на Западной Украине. Архивные фонды местных органов власти оказались особенно полезными, поскольку они позволяют воссоздать положение дел на местах – так, как оно отражено в оперативных отчетах и материалах, конфискованных у повстанцев. Копии с этих документов были сделаны для Первого секретаря исполкома Львовского обкома партии Грушецкого.

Без сомнения, самые страшные документальные доказательства операций советских спецгрупп содержатся в материалах, найденных на теле убитых украинских повстанцев. Как правило, после вооруженного столкновения трупы повстанцев фотографировались и обыскивались, а все найденные при них документы немедленно направлялись в НКВД для изучения. При обнаружении особо ценных сведений эти документы переводились на русский язык, анализировались и передавались соответствующим сотрудникам в Киеве или Москве.

[6] ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп.1с. Д. 643. Л. 16. Ключевая роль, отводимая агентуре в советском оперативном планировании, также хорошо отражена в печатных инструкциях всем руководителям областных управлений НКВД. Эти инструкции содержатся в календарных планах советской экспансии в Восточной Европе, составленных в сентябре 1939 г. См. полный текст в: ГАРФ. Р-9401 (Министерство Внутренних Дел СССР, 1934-1960). Оп. 12. Д.

Опираясь на фонды Главного Управления по Борьбе с Бандитизмом, доступ к которым в Государственном архиве Российской Федерации в Москве до сих пор чрезвычайно затруднен, и дополнив их материалами из архивов Киева и Львова, автор воссоздает историю войны, которую вела советская власть за установление своего контроля на Западной Украине. Размах этой войны значительно превосходил представления о ней даже многих из ее непосредственных участников. В итоге Советы одержали победу не на поле боя – советской власти удалось одолеть противника благодаря тому, что она смогла создать сложную систему внутреннего шпионажа или агентуры.

I
Глубоко окопавшаяся оппозиция

Украинское националистическое подполье готовилось к возвращению Советской армии на Западную Украину по трем направлениям. Во-первых, к марту 1944 г. украинские партизаны-националисты почти перестали совершать нападения на немецкие оккупационные войска. В некоторых областях, вопреки категорическим запретам со стороны руководства Украинской Повстанческой Армии (УПА), перелом в войне нацистской Германии с СССР привел к открытому сближению и даже стратегическому союзу с немцами, что позволило проводить совместные украинско-немецкие операции против советских или просоветских партизан. Тактика украинских

51. Л. 34-40. Циркуляр МВД № 199сс "О разработке оперативного мобплана по агентурно-оперативным мероприятиям на военное время", подписанный Наркомом Внутренних Дел Масленниковым и генералом Шередегой. Так, например, к концу первого месяца оккупации (25 октября 1939 г.) Первое особое управление НКВД должно было "подготовить список агентуры, следственных и других архивных материалов". (Там же. Л. 35об.). И в конце войны, после того как у Германии были отвоеваны оккупированные ею территории, первым шагом Советов всегда был захват и изучение архивов германских оккупационных сил. См., например, подробные совершенно секретные обзоры материалов, подготовленные аналитиками НКВД, которые хранятся в: Государственный архив Львовской области (Державний архів Львівської області - ДАЛО). Ф. 3. Оп.2. Д.127. Л. 132-149. Многочисленные примеры того, как НКВД использовало немецкие архивы для выявления врагов, см. также: ДАЛО. Ф.3. Д.67. Л. 78-104.

повстанцев поменялась: на смену объединенным усилиям по изгнанию немцев пришли операции, направленные на то, чтобы не допустить продвижения советских войск[7]. В конце декабря 1944 г. многочисленные источники подтверждали существование "украинско-немецких банд в большинстве сел… Они бродят [по сельским районам – *Дж.Б.*] большими группами, терроризируя местный советский актив. Они не дают районным [партийным] работникам никакой возможности выезжать в села"[8].

Во-вторых, приближающееся "освобождение" Советской армией оккупированных немцами областей встречалось массовым "окапыванием" - так националисты готовились к борьбе за независимость. К тому времени как весной 1944 г. советские войска вступили на Западную Украину, практически в каждом крестьянском дворе были вырыты "схроны", "убежища" или "укрытия", где хранились тайные запасы оружия и боеприпасов, продовольствия и одежды, где семья могла спрятаться в случае прихода в село немцев, румын, поляков, советских войск или просто одной из настоящих банд мародеров, каковых было множество в областях, опустошенных войной. Такие убежища стали насущной потребностью на Западной Украине, где война оставила глубокий след. Значительная часть населения региона была убита или угнана на принудительные работы в Германию, а другой – тоже достаточно многочисленной – еще предстоит умереть или быть депортированной в Сибирь и на Дальний Восток (в основном в Воркуту) с приходом советской власти.

Эти потайные укрытия всегда находились неподалеку от крестьянского жилища, поскольку весть о скором приходе врагов не оставляла времени для бегства. В ходе первых операций в 1944 г. советские части обнаружили 700 тайных убежищ в Пониковецком районе Львовской области, 339 "схрона" в селах Олеского и Кравченского районов, 305 – в Золочевском районе и

---

[7] "О совместной деятельности ОУН-УПА с охранной полицией и СД" – 27-страничный совершенно секретный доклад полковника НКГБ Волошенко Грушецкому, датированный 7 октября 1944 г. ДАЛО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 67. Л. 78-104.

[8] Из совершенно секретного доклада руководителя Лопатинского района Маланчука, 25 декабря 1944 г. ДАЛО. Ф. 3. Оп.1. Д. 66. Л. 46.

368 – в Перемышлянском районе[9]. Следует подчеркнуть, что эти данные отражают лишь число убежищ, обнаруженных советскими отрядами, - на самом деле их должно было быть значительно больше.

В среднем, советские части сообщали о находке таких “схронов” в каждом четвертом крестьянском хозяйстве[10]. Расположение и устройство убежищ повстанцев всецело зависело от изобретательности их строителей. Примеров можно привести множество. В селе Сухожолы Пониковецкого района Львовской области подземное укрытие располагалось под огородом, расположенным рядом с крестьянской хатой. У этого “схрона” было четыре выхода – один в печь в доме, другой вел на сеновал, третий – в дупло старого дуба, а четвертый – в ближний овраг[11]. В селе Гай-Дубовецкий того же района в потайное помещение в хате можно было проникнуть через дыру в стене, прикрытую портретом[12]. Вход в другое подпольное убежище закрывала откидная дверь, замаскированная землей и небольшой сосенкой, опускавшейся и поднимавшейся вместе с крышкой люка[13]. Внутренняя планировка “схрона” определялась прагматическими соображениями и стремлением к удобству на случай длительного пребывания. Небольшие укрытия представляли собой настоящую могилу площадью два квадратных метра – они годились лишь для того, чтобы там можно было спрятаться, но и только. Большие убежища состояли из нескольких помещений - в них было достаточно места для продовольствия, боеприпасов, особое пространство отводилось для сна, было предусмотрено и отхожее место[14].

Спрятанные за печью, собачьей будкой, коптильней, церковью или алтарем в храме, под колодцем, деревьями,

---

9 Совершенно секретный доклад “Справка о “схронах” ОУН-УПА”, подготовленный начальником Второго отдела Первого отдела ГУББ НКВД майором Волченко 5 июля 1945. ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп.1с. Д. 381. Л. 136-141.

10 Доклад Грушецкого Хрущеву, май 1945 г. ДАЛО. Ф. 3. Оп.1. Д. 212. Л. 121.

11 ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1с. Д. 381. Л. 136.

12 ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1с. Д. 381. Л. 136.

13 ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1с. Д. 381. Л. 136. Ср.: ДАЛО. Ф. 3. Оп.1. Д. 212. Л. 121-122.

14 См. схематические зарисовки повстанческих “схронов” на Западной Украине: ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп.1с. Д. 381. Л. 138-140.

камнями, скалами или другими мыслимыми или немыслимыми прикрытиями, убежища иногда строились с удобствами, рассчитанными на долгое пребывание. Они обустраивались так, чтобы оттуда можно было легко бежать и чтобы их невозможно было обнаружить даже при самом тщательном обыске. Несомненно, такие "схроны" бросали вызов стремлению советской власти взять регион под свой контроль[15]. Укрытия были олицетворением подпольного мира – со своим правительством, своими гражданами, глубоко окопавшимися в ожидании затяжной войны против советского присутствия в регионе. Существовали и особые убежища, предназначенные под госпитали, полицейские управы, типографии, библиотеки и архивы, а также для централизованного хранения предметов первой необходимости[16].

В 1945-1946 гг. советские части обнаружили только на Западной Украине 28 969 таких укрытий[17]. Появление их в таком количестве во время и сразу после войны было прямым откликом

---

15 ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп.1с. Д. 381. Л. 136. В 1995 г. автор впервые посетил такой "схрон" близ селения Дора, неподалеку от поселка Яремча Ивано-Франсковской области в Карпатах. Укрытие располалось на краю речного обрыва, в ста метрах от труднопроходимой горной тропы. В 1954 г. четверо украинских подпольщиков-националистов были преданы пятым членом своей группы. Пробыв в окружении в убежище более месяца, четверо повстанцев – трое мужчин и женщина – решили покончить с собой, но не сдаться Советам. В 1991 г. на месте их гибели был воздвигнут большой белый крест и грубая бетонная мемориальная плита.

16 Укрытия повстанцев в Галиции объясняют, каким образом в 1944-1945 гг. местное население загадочным образом "растворялось" при приближении советских частей, что явно вызывало раздражение Советов. Однако тайные убежища подпольщиков в Галиции никак нельзя сравнивать с тоннелями, прорытыми повстанцами во Вьетнаме, благодаря которым обычные крестьянские деревни превращались в мощные крепости. Роль западно-украинских "схронов" была гораздо скромнее. Ср.: T. Mangold, J. Penycate. *The Tunnels of Cu Chi.* New York: Berkeley Books, 1985.

17 Сведения заимствованы из совершенно секретных ежемесячных докладов на имя Зленко, см.: Центральный Государственный Архив Общественных Организаций Украины (Центральний державний архів громадьских об'єднань України - ЦДАГОУ – бывший Центральный партийный архив Украины). Ф. 1. Оп. 23. Д. 1741. Л. 23-25, 27, 31-36, 40-41. Так же см.: Совершенно секретный доклад Коротченко и др. Хрущеву 2 января 1947 г. ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 4965. Л. 3-4.

на директивы командования повстанцев. Эти инструкции постоянно призывали местные отряды украинского националистического подполья к строительству новых и новых "схронов" – их должно было быть не менее пяти на каждый отряд.[18]

В-третьих, украинское националистическое подполье выступило с новой пропагандистской инициативой, направленной на то, чтобы подготовить галичан к борьбе с советской властью. Во множестве широко расходившихся брошюр, листовок и газет повстанцы из ОУН-УПА в самых решительном тоне рисовали страшное будущее, уготованное Советам на Западной Украине. Тактика повстанцев подробно описывалась в инструкциях, оглашенных руководством ОУН-УПА 11 августа 1944 г.: "Вести борьбу против мобилизации [местного населения – *Дж.Б.*] в Красную Армию: 1) Вывешивая ложные списки. 2) Путем массовой неявки в военкомат. 3) Организуя бегство [от советских властей]. 4) Листовками [с призывом к местному населению бойкотировать службу в Красной Армии – *Дж.Б.*][19].

Под влиянием распространившихся слухов о терроре, который начнется вслед за приходом советских войск, подростки и взрослые мужчины по всей Галиции подались в леса. Скрываясь там, они тем самым сопротивлялись Советам. Повсеместно советская власть на местах сталкивалась с тем, что призыв в ряды Красной Армии приводил к исчезновению мужчин и юношей. Вот лишь несколько из множества примеров: 5-6 августа 1944 г. в Яворовском районе было призвано в Красную Армию 341 человек, однако явилось только 42. Остальные скрылись по тайным убежищам или в окрестных лесах. То же самое происходило и в других местах: в Добромильском районе было призвано 258 человек, но явилось только 14[20]. Спасаясь от Красной Армии, эти "сознательные уклонисты" стали нарушителями закона и немедленно пополнили ряды бандитов, прятавшихся по лесам в послевоенной Галиции. Здесь, на покрытом горами и заросшим

---

[18] См. инструкции ОУН-УПА по строительству тайных укрытий. ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 931. Л. 36-39; ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 2968. Л. 22.

[19] ДАЛО. Ф. 3. Оп. 1с. Д. 70. Л. 38.

[20] ДАЛО. Ф. 3. Оп. 1с. Д. 70. Л. 5об.

лесом пространстве площадью 24 тыс. кв. км. легко можно было скрыться от советской власти[21].

Стремление населения ускользнуть от Советов и уклониться от службы в армии совпадало с призывами УПА. Однако, к большой досаде руководства украинских повстанцев, такое поведение еще не означало, что беглецы непременно вступят в ряды ОУН-УПА. Война порождала не только новых борцов националистического подполья, но и бесчисленные независимые банды мародеров. Эти банды держали в страхе всех, не разбирая между простыми обывателями, повстанцами и представителями советской власти. Даже в своей среде подпольщики-националисты на Западной Украине сетовали на действия настоящих банд, находившихся вне политики. Глава делегации польской Армии Крайовой заявил на встрече с представителями ОУН в июле 1945 г.:

> ...в польском обществе много безответственных элементов… у кого есть тесные контакты с бандитами, - в основном среди молодого поколения. Они злоупотребляют авторитетом АК [действуя от ее имени], грабят в личных целях и вымогают не только у украинцев, но и у поляков. Мы должны всеми силами их уничтожать[22].

Неспособность настоящих повстанческих формирований – таких, как украинская ОУН и польская АК, – подчинить эти независимые отряды воинской дисциплине стала серьезным поражением этих структур, поскольку бандитские нападения и разбой были мощным оружием в руках советской пропаганды. В сущности, ОУН обвинялась в том, что она являлась фашистской организацией, терроризировавшей, как во время войны, так и после нее, местное население. Подобные утверждения превратятся в испытанное средство советской власти в борьбе со всякими другими представлениями о настоящем и будущем послевоенной Галиции.

---

[21] Из доклада секретаря Поморянского райкома Куница, 25 января 1945 г. ДАЛО. Ф. 3. Оп.1. Д. 192. Л. 125.

[22] Из захваченного протокола УПА, датированного 11 июля 1945 г. ДАЛО. Ф. 3. Оп.1. Д. 213. Л. 170.

Масштаб советских репрессий

Вступление на территорию Западной Украины Красной Армии, а вслед за ней и пограничных войск НКВД, не избавило население от страха, вызванного ожиданием возвращения советской власти в регион, который в целом был настроен к ней враждебно. За первые 17 месяцев повторной оккупации Западной Украины советскими войсками (с февраля 1944 по июнь 1945 включительно) доклады НКВД с грифом “совершенно секретно” показывают, что советские части провели 15 733 военных и милицейских операций против украинских националистов. Количественные результаты этих операций поражают воображение: 91615 “бандитов” (т.е. украинских повстанцев-националистов) было убито, 96446 захвачено живыми, 41858 сдалось в плен. За первый год после установления советской власти на Западной Украине в ходе жестоких военных операций было депортировано 10139 украинских семей (26093 человек). Десяткам тысяч еще предстояло быть депортированными в течение следующих нескольких лет[23]. В таблице 2 представлены сравнительные данные, отражающие масштаб советских репрессий в повторно завоеванных западных приграничных областях СССР.

[23] Данные по семи областям Западной Украины приводятся по отчетам, хранящимся в ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 349. Л. 1; Д. 352. Л. 69-77.

Таблица 2
Подчинение западных окраин советской власти, 1944-1945 гг.

	Период	Убито	Взято в плен и арестовано	Сдалось властям*
Белоруссия	VII/44-XI/1/45	3320	97607	8992
Эстония	IX/44-XI/1/45	290	5135	------
Латвия	VII/1/44-XI/1/45	925	6160	8075
Литва	VI/44-XI/1/44	3935	13830	33750
Украина	II/44-XI/1/45	98696	107485	92219
ВСЕГО	II/44-XI/1/45	107166	230217	143036

*Включая “националистических бандитов”, а также “дезертиров”, уклоняющихся от службы в Красной армии.

Источник: совершенно секретный доклад Л.П.Берии И.В.Сталину, датированный 22 ноября 1945. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 102. Л. 1-5.

Другие данные показывают, что масштаб репрессий не сократился. В информационном донесении под грифом “совершенно секретно”, адресованном Хрущеву и датированном 28 мая 1946 г., Министр Внутренних Дел Украины Т.А.Строкач подводил первые итоги. Националистическому подполью на Западной Украине был нанесен сокрушительный удар: за 28 месяцев, с февраля 1944 г. по 25 мая 1946 г., партийными и советскими органами и внутренними войсками МВД было проведено 87571 военных и милицейских операций и устроено засад, в результате убито 110825 “националистических бандитов” и других преступников, арестовано 250676 человек[24]. Хотя эти показатели намного меньше тех оценок, которые традиционно приводились украинскими эмигрантами на Западе, они тем не менее подтверждают грандиозный размах той бойни, которая сопутствовала установлению советского режима в Галиции после Второй мировой войны.

Советское руководство было действительно уверено в своем подавляющем военном превосходстве. Как на этом начальном этапе, так и позднее, параллельно с беспощадными военными операциями велась массовая агитация, пропаганда и

24 Совершенно секретное донесение “Об оперативной обстановке в западных областях Украины” (28 мая 1946 г.). ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 2867. Л. 26.

просветительная работа "с целью окончательно подорвать влияние подполья ОУН на население и в особенности на сельскую молодежь, которая в основном и поддерживает его вылазки"[25]. Результаты советских репрессий и пропаганды стали сказываться. Как отмечалось в донесении ОУН-УПА: "В настоящее время большевики активизировали кампанию, нацеленную на то, чтобы отколоть от нас массы. Украинское население колеблется под влиянием большевистского террора и пропаганды"[26].

На смену первой волне террора, направленной на беспощадную борьбу с украинским националистическом подпольем, пришли согласованные усилия по проведению в жизнь масштабной программы культурного строительства[27]. Под рубрикой "массовая политическая работа" в каждом городе и селе советской властью проводились встречи, устраивались разъяснительные беседы с членами партийно-хозяйственного актива, обходившими местных жителей по домам. В этой работе советские власти подчеркивали три момента. Во-первых, украинские повстанцы были бандитами, "украино-германскими буржуазными националистами", под фашистскими знаменами совершавшими злодеяния против местного населения. Во-вторых, многие стремления украинских националистов могут воплотиться в жизнь, если они станут сотрудничать с Советами. Нельзя забывать, что только при советской власти у украинских националистов появилась мечта о создании единого украинского государства и об окончательном решении "польского вопроса", связанном с депортацией этнических поляков. Советская власть добилась того, чего не удавалось достичь украинским повстанцам, - и Советы попытались использовать этот козырь для привлечения убежденных националистов на свою сторону. Советская Украина - утверждали новые власти - сможет достичь большего, нежели независимая украинская нация. В-третьих,

---

25 Совершенно секретный доклад зам. командующего пограничными войсками НКВД Украинского фронта Первому секретарю Львовского обкома партии Грушецкому, 6 октября 1944 г. ДАЛО. Ф. 3. Оп. 1с. Д. 70. Л. 5-6об.

26 Инструкции ОУН-УПА командирам повстанцев в регионах конца весны 1946 г. ЦДАГОУ. Ф. 1. ОП. 23. Д. 2968. Л. 47.

27 См. отчеты в: ДАЛО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 212. Л. 168.

такое сотрудничество не останется без награды, в то время как всякое сопротивление будет беспощадно подавлено. Целью этой пропаганды было противопоставить советскую власть предшествующему периоду - эпохе польского владычества. Как заметил крестьянин Иван Пришляк на сельском сходе: "Моего сына за службу в Красной Армии наградили орденом Славы III степени. Разве могло такое случиться при польских панах – чтобы бедный [украинский – *Дж.Б.*] крестьянин получил бы такую правительственную награду?"[28] Пришляк считал, что повстанцам следует дать возможность самим сложить оружие. Тех же, кто откажется это сделать, нужно "убивать как собак"[29].

Сразу после войны одна из самых действенных стратегий советской пропаганды заключалась в том, чтобы изображать националистическое подполье просто как нацистский сброд, без разбора терроризирующий украинский народ. Акты возмездия со стороны местных жителей провоцировались с помощью тщательно подготовленных мероприятий, превращавшихся в настоящий спектакль. Советская власть заставляла захваченных в плен повстанцев ОУН в подробностях признаваться в содеянном перед местными жителями тех сел, где базировались их отряды. Так, например, когда в середине марта 1946 г. один такой "батько" – лидер украинских повстанцев – "выступал на собрании, крестьяне напали на него и убили. Вслед за тем крестьяне на сходе выдали бандитов и их пособников в этом селе"[30].

> В селе Лешневе 24 марта 1946 г. на сход стихийно собралось 600 человек, потребовавших выдать им бандита "КАЗАКА", чтобы он мог признаться во всех преступлениях, совершенных им вместе с бандой на селе.

---

[28] ДАЛО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 212. Л. 160.

[29] После этого выступления Пришляк и его многочисленные родственники стали мишенью для ответных ударов повстанцев. За несколько недель после выступления Пришляка были злодейски убиты девять человек по фамилии Пришляк. Это были две семьи, жившие по соседству с райцентром Ново-Милятино. Совершенно очевидно, что галичанам нельзя было служить примером односельчанам и агитировать за советскую власть на Западной Украине. См.: ДАЛО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 226. Л. 59-60.

[30] ДАЛО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 423. Л. 57-60.

> Видя, что крестьяне намереваются устроить самосуд против бандитов, был поднят отряд из 30 человек, у которого местное население тоже попыталось отбить бандитов для самосуда. На сходе выступали тринадцать человек из местных крестьян – особенно женщины, чьи мужья и дочери были убиты бандитами.
>
> Такие же собрания прошли в селах Корсуве, Шныреве и других[31].

Подобные показательные суды, дававшие выход озлобленности и гневу населения, стали на Западной Украине мощным орудием для создания опоры советской власти на селе. Приведем один из многочисленных примеров: в январе 1945 г. двое украинских националистов были публично казнены за военные преступления против советского народа. На центральной площади города Дрогобыча специально соорудили виселицы, затем туда вывели двух заключенных с табличками на груди, на которых было написано "разбойники" и "убийцы". Когда пленных подвели к виселицам, им связали руки за спиной и надели на шею петлю. Был зачитан приговор советского суда: смерть через повешение. Преступление этих людей состояло, в частности, в том, что они убили девятерых советских партизан из десанта, сброшенного в этом районе в 1944 г. Они также обвинялись в вооруженном бандитизме против местного населения. По рассказам гражданских лиц очевидно, что советская власть сознательно рисовала яркие картины содеянных преступлений для того, чтобы возбудить толпу: "Они [двое осужденных – *Дж.Б.*] убили несколько советских партизан, жестоко издевались над их телами: выкололи глаза и расчленили тела на куски…" Несколько очевидцев отметили, что оглашение приговора вызвало громкие аплодисменты среди толпы, состоящей из местных жителей, этнических украинцев[32].

---

31 ДАЛО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 423. Л. 57-60. Похожий случай см. также: ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 665. Л. 41-42.

32 Совершенно секретное особое сообщение зам. начальника Управления НКГБ по Дрогобычской области майора Мороза Первому секретарю обкома партии Олексенко 23 января 1945 г. ДАЛО. Ф. 5001. Оп. 6. Д. 46. Л. 27-29..

II
От Второй Мировой к Гражданской войне

З хати до хати, з рук до рук
ХРИСТОС ВОСКРЕС -
ВОСКРЕСНЕ Й УКРАЇНА
Из листовки ОУН-УПА 1944 г.[33]

Хотя сегодня нам трудно вообразить, что борьба за независимость Галиции могла бы увенчаться успехом, в 1944-1945 гг. ОУН надеялась на победу, уповая на три фактора. Первым из них считалась полная поддержка со стороны населения Галиции. Руководство ОУН было убеждено, что никакой оккупационный режим не сможет покорить Галицию, если сами галичане откажутся признать законность этой власти. Вторым фактором была вера в успех, основанная на многочисленности населения. ОУН рассчитывала на то, что послевоенная реконструкция Западной Украины и утверждение советской власти в регионе окажутся не по силам даже Сталину - если все недавно оккупированные Советами области станут очагами упорного сопротивления режиму. Третьим было упование на то, что западные союзники будут настаивать на демократическом решении задач послевоенной реконструкции Восточной Европы. Многочисленные статьи в подпольной националистической печати, а также перехваченные данные разведки повстанцев показывают: ОУН возлагала большие надежды на Третью мировую войну между “Россией” и Америкой. После августа 1945 г. украинские националисты особенно рассчитывали на угрозу применения США атомного оружия[34].

Тем не менее боевой дух украинского националистического подполья был значительно подорван уже одним размахом действий советской власти по установлению своего контроля на Западной Украине в первые шесть месяцев с начала повторной оккупации региона советскими войсками. Стремясь к тому, чтобы народ не прекратил сопротивляться укреплению

---

[33] ДАЛО. Ф. 3. Оп.1. Д. 70. Л. 42.

[34] См., например, отчет в: ДАЛО. Ф. 3. ОП.2. Д. 458. Л. 69.

советской власти на местах, руководство повстанцев было вынуждено вести борьбу сразу на нескольких фронтах.

1. Подпольная война

До тех пор пока украинские националисты открыто противостояли советской власти, задача советских вооруженных сил и органов безопасности была относительно очевидной. Прямой отказ подчиняться советскому режиму означал неповиновение и давал достаточные основания для ареста, тюремного заключения, депортации или смертной казни. Однако националистическое подполье достаточно умело приспособилось к политике железной руки, проводимой Советами. Уже осенью 1944 г. аналитики из советской контрразведки отмечали соответствующее изменение тактики ОУН-УПА:

> ...активная часть банд "УПА" и силы ОУН до сих пор не проявляли никаких признаков разложения и продолжали действовать. Исходя из складывающихся обстоятельств, они меняют тактику борьбы против советской власти.
>
> В настоящее время бандгруппы "УПА" стали избегать открытой борьбы с [советскими – *Дж.Б.*] погранвойсками. Подполье ОУН рекомендует всем бандеровцам вступать в Красную Армию, где они должны получить оружие, военную подготовку, завоевать доверие своих офицеров и незаконно проводить широкую пропаганду среди нерусских солдат [в Красной Армии], в особенности среди украинцев, массово дезертировать и присоединяться к отрядам "УПА"[35].

С февраля 1944 г. на протяжении многих месяцев и даже лет украинское националистическое подполье показало себя вполне способным адаптироваться к репрессиям со стороны советской власти. Тяжелые потери, понесенные в самом начале, заставили повстанцев изменить тактику и отказаться от прямых военных действий, которые они вели в первые шесть месяцев войны за освобождение Западной Украины от Советов. Подполье сумело

---

[35] Совершенно секретный доклад зам. начальника пограничными войсками НКВД Украинского фронта на имя Грушецкого, 6 октября 1944 г. ДАЛО. Ф. 3. Оп. 1с. Д. 70. Л. 5-6об.

эффективно отступить, выдвинув новую задачу – сохранить ряды борцов сопротивления и затаиться до тех пор, пока не представится возможность к наступлению. Новая тактика состояла прежде всего в переходе от открытой к тайной войне. Крупные тяжеловооруженные соединения распускались – вместо них создавались небольшие группы из трех-четырех человек для проведения небольших операций и нападений из засады. В особых случаях действовали более многочисленные отряды, но и их численность не превышала сорока – шестидесяти бойцов. Инструкции УПА начала 1945 г. указывали на резкую перемену тактики: “Мы будем продолжать нашу организационную, политическую и военную работу в полную силу, но более конспиративно, в глубоком подполье”[36].

2. Укрепление кадровой дисциплины

С осени 1944 г. националистическое подполье постоянно боролось с пораженческими настроениями, угрожавшими уничтожить массовую поддержку украинским повстанцам. На всей территории, ранее оккупированной Германией, новые и новые победы над немецкими войсками создали вокруг советской армии ореол непобедимости. Большинство жителей Галиции устали от войны и не желали воевать против непобедимой, как тогда казалось, Красной Армии. Секретное донесение агента БУРЬЯНА из Буска руководству ОУН, датированное 4 ноября 1944 г., отражает общую атмосферу, в которой приходилось действовать украинским националистам: “Отношение организованного населения к нашему движению сочувственное. Отношение неорганизованного населения отрицательное, поскольку большинство из этих людей не верит в нашу победу над сильным врагом”[37]. Две недели спустя, 13 ноября, БУРЬЯН вернулся к этой теме: “Все население теряет боевой дух… Отношение населения значительно изменилось по сравнению с прошлым месяцем. Люди сильно запуганы арестами и высылкой в Сибирь.

---

36 Из инструкций УПА всем отрядам и этническим украинским селам, расположенным на границе Западной Украины и Польши. Инструкции были захвачены пограничными войсками НКВД в районе Равы-Русской в июле 1945 г. ДАЛО. Ф. 3. Оп.1. Д. 213. Л. 162-164.

37 ДАЛО. Ф. 3. Оп. 1с. Д. 70. Л. 1.

Сейчас в целом они не хотят пускать к себе в дом потому, что боятся доноса. В прошлом месяце мы не вели никакой пропаганды, большевики же свою пропаганду ведут”[38]. На общий упадок духа заметно повлияли введенные советской властью военно-полевые суды, а также быстро ухудшающееся материальное положение людей. “В нашем районе много мужиков [в рядах подпольщиков – *Дж.Б.*], но все сидят без работы, нет никаких сношений по ночам”[39]. Другой повстанец сетовал на то, что советские власти так “запугивают нас, что многие уходят” из рядов сопротивления[40]. Поддержка ОУН-УПА со стороны населения таяла на глазах и это становилось главной угрозой подполью. Как показывает совершенно секретный доклад НКВД октября 1944 г., местное украинское “население также начинает проявлять неверие в пропаганду ОУН и постепенно уходит от них. Часть населения оказывает поддержку [советским – *Дж.Б.*] погранвойскам в борьбе с бандами [повстанцев]”[41].

Главную опасность для подполья – и успех в глазах советских агентов – представляли пессимистические настроения. Они все больше распространялись среди повстанцев, по мере того как широкие слои украинского населения, которые раньше им сочувствовали, теперь от них отрекались, чувствуя неизбежность поражения. Эта перемена обрекала движение на гибель.

> Население смотрит на нас (членов [украинского – *Дж.Б.*] подполья), как на приговоренных к смерти. Они сочувствуют нам, но не верят в наш успех и не хотят связывать с нами свою судьбу. Большинство населения, особенно старики, хотели бы жить так, как мы сейчас, но только чтоб никто им не мешал и не беспокоил[42].

Чтобы побороть предчувствие неизбежного поражения, подрывавшее моральный дух повстанцев, украинская СБ повсеместно прибегала к акциям устрашения. Эти акции были

---

38 ДАЛО. Ф. 3. Оп. 1с. Д. 70. Л. 2.

39 ДАЛО. Ф. 3. Оп. 1с. Д. 70. Л. 2.

40 ДАЛО. Ф. 3. Оп. 1с. Д. 194. Л. 59-60.

41 ДАЛО. Ф. 3. Оп. 1с. Д. 70. Л. 6.

42 Доклад районного командира повстанцев, Львовская область, март 1947 г. ДАЛО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 121. Л. 108- 113.

направлены против двух категорий людей, отколовшихся от движения, - против своих же бойцов и против населения в целом. Действуя в атмосфере фатализма, неся постоянные потери в столкновениях с превосходящими силами советской армии, руководство украинского националистического подполья принимало жесткие меры, чтобы предотвратить дезертирство. Так один из лидеров повстанцев БУРЬЯН предупреждал своего непослушного подчиненного в письме от 10 ноября 1944 г.:

> Друг Ульян! Приказываю тебе явиться на собрание оперативных сотрудников разведки [подпольщиков – *Дж.Б.*], которое состоится 11.12.44 в 16.00 часов. Ты должен взять с собой все донесения разведки за период с 11.1 по 11.12.
>
> Я спрашиваю: Почему ты не подчиняешься приказам? Тебя дважды вызывали на собрания, но ты даже не представил никаких объяснений причин неявки.
>
> Почему ты не явился, как тебе было приказано? Или ты думаешь, что можешь и дальше обманывать нас? Предупреждаю заранее, что мы этого больше не потерпим.
>
> Твои ссылки на то, что слишком занят, не годятся. Солдат на фронте так никогда не скажет. Иначе его ждет расстрел. Выполняй свой долг. Хорошенько прочитай общую инструкцию и узнаешь, в чем состоит твоя работа.
>
> Предупреждаю тебя в последний раз: если ты не подчинишься руководству и не станешь выполнять полученных приказов, мы будем считать тебя предателем Украинского государства и с тобой будут разговаривать по-другому. Догадываешься, каким образом.
>
> Собрание состоится в селе Подушаны. Напиши отчет по образцу.
>
> БУРЬЯН[43]

Прямые обвинения или угрозы были эффективны только в случае неповиновения. Приравнивая неподчинение или неисполнение приказов – признаки упадка боевого духа повстанцев – к предательству Украины, руководство

[43] ДАЛО. Ф. 3. Оп. 1с. Д. 70. Л. 3.

украинского национал-истического подполья пыталось поддерживать дисциплину среди повстанцев. Однако с течением времени эта тактика слишком часто приводила к тому, что лидеры повстанцев превращались в экстремистов, а рядовые бойцы все больше отрывались от своего руководства.

Когда руководители подполья подозревали своих людей в молчаливом соглашательстве с Советами или в действительном сотрудничестве с врагом, вместо выговоров они сразу прибегали к гораздо более жестким мерам - к тайному составлению и распространению "черных списков". В начале сентября 1944 г. начальник службы безопасности украинских националистов в Камен-Коширском районе ВЛАС направил неизвестному командиру повстанцев следующее сообщение, указывая на необходимость изучить и ликвидировать двух советских осведомителей в своем отряде:

> Настоящим сообщаю вам, что в вашем отряде есть сексоты. Проверьте следующих лиц:
>
> 1. БАХНЮК Павел Васильевич, род. в 1923 г. в селе Фаринок Камен-Коширского района.
>
> Вступил в УПА в сентябре 1943 г. До прихода Красной Армии был в отряде МАЗЕПЫ. Добровольно был завербован НКВД, собственноручно составил и подписал свою автобиографию. Кроме того, подписал обязательство сотрудничать с контрразведкой СМЕРШ 70-й армии, выбрав себе псевдоним МИРНЫЙ.
>
> Его обязательство засвидетельствовано начальником Пятого отдела СМЕРШ 70-й армии майором Даронкиным.
>
> Завербованный 24 июня 1944 г., он сообщил [Советам – *Дж.Б.*] местонахождение вооруженной группы "Дуба" [из состава УПА]. Все донесения направлял под псевдонимом МИРНЫЙ…[44]

---

44 Сообщение датировано 4 сентября 1944 г. ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 126. Л. 355. Похожие случаи см.: ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп.1. Д. 126. Л. 327-329. В документе указано отчество Бахнюка – Васильевич. Такая форма обращения обычно отождествлялась с русскими обычаями и не была характерна для Галиции. Зато она достаточно часто встречается в составленных повстанцами списках лиц, предназначенных к уничтожению.

Такого рода документы, достаточно часто встречающиеся в бумагах СБ, наглядно показывают поразительную осведомленность украинского националистического подполья относительно внутренней переписки НКВД и других советских структур, не подлежащей разглашению. Допрошенный сотрудником СБ повстанцев, Бахнюк признался в сотрудничестве со СМЕРШ, под пыткой выдал много другой полезной информации, а затем был казнен вместе с другим бойцом из своего отряда, односельчанином по имени Михайло Фарина[45].

Поскольку такие “черные списки” в основном составлялись на основе слухов и подозрений, повстанцы часто становились жертвами операции, которую советские органы безопасности называли “дезорганизацией” или “разворотом”. Дезорганизация была сознательно направлена на подрыв деятельности подпольщиков. Обычно такого рода операции состояли в том, чтобы сфабриковать доказательства сотрудничества повстанцев с советской властью[46]. Другой распространенной формой дезорганизации стали частые облавы, во время которых “подозреваемых” забирали на допрос в НКВД – одних задерживали на какое-то время, других сразу же отпускали. Такие облавы настолько вошли в обычную практику, что у них появилась двойная цель: таким образом одновременно скрывалась настоящая советская агентурная сеть и в то же самое время сеялись страх и подозрения в рядах подпольщиков. Бесконечные аресты и допросы заметно разрушали объективные критерии, по которым можно было бы судить о преданности украинских повстанцев своему делу. В итоге подозревать начинали почти каждого. Подрывая доверие людей друг к другу, систематическая дезорганизация наносила сокрушительный удар по движению сопротивления. В донесении из Буска, датированном 13 ноября 1944 г., отмечалось: “Отношение к нам большевиков отрицательное (враждебное). НКВД старается изо всех сил нас запугать: ежедневно они проводят облавы и аресты

---

45 См. протоколы допросов их обоих в: ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп.1. Д. 126. Л. 356-359.

46 Три примера советских операций, специально направленных на то, чтобы представить подпольщиков-националистов работающими на советские органы, см.: ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 1742. Л. 310-311; Д. 2884. Л. 53-54.

местных жителей - как правых, так и виноватых. Их задерживают в НКВД и допрашивают"[47].

3. Террор повстанцев: борьба с массовым дезертирством

> "Предупреждаем украинских граждан: все, кто связан с органами НКВД-НКГБ, все, кто каким бы то ни было образом сотрудничает с НКВД… все будут считаться предателями и мы расправимся с ними как с нашими самыми злейшими врагами."
>
> *Из листовки УПА, 11 июля 1945 г.*[48]

Как правило, акции устрашения, проводившиеся украинским подпольем, следовали строгому порядку, опред-еленному письменными инструкциями ОУН-УПА. Уже в августе 1944 г., в ответ на попытки НКВД проникнуть в ряды подпольщиков, ОУН ввела в действие "наши контрмеры… ликвидация [советских – *Дж.Б.*] сексотов всеми доступными средствами (расстрел, повешение и даже четвертование, с надписью на груди: "За сотрудничество с НКВД")"[49]. Согласно другой инструкции акции возмездия были направлены и против людей, которые сами не сотрудничали с НКВД: "В ходе ликвидации указанных лиц, не жалеть ни взрослых членов их семей, ни детей…"[50]. Эта угроза

---

47 ДАЛО. Ф. 3. Оп. 1с. Д. 70. Л. 1.

48 ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп.1. Д. 292. Л. 29об.

49 Из совершенно секретной инструкции командира ОУН БАТИ 11 августа 1944 г. ДАЛО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 70. Л. 37.

50 Из протокола допроса командующего СБ повстанцев во Млиновском районе Ровенской области Ивана Яворского 14 апреля 1944 г. (ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп.1. Д. 381. Л. 54). Приводится в совершенно секретном докладе о терроре ОУН-УПА, подготовленном начальником Первого отдела ГУББ НКВД генерал-майором Горшковым, 26 декабря 1944 г. (Там же. Л. 53-61). Копия оригинальной инструкции, составленной от имени ОЛЕКСЫ, находится в материалах, захваченных советскими войсками. См.: ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 126. Л. 326.

Народное возмущение, вызванное расправами с целыми семьями, заставило руководство ОУН-УПА к 1945 г. отказаться от подобных акций. В "Инструкции командирам отрядов", датированной 21 ноября 1944 г., их мягко упрекали: "Не следует впредь отрезать головы [советских – *Дж.Б.*] сексотов". (ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 126. Л. 306). Через пять месяцев последовали более четкие указания, выдержанные в гораздо более жестком тоне. Так, в мае 1945 г. инструкцией Верховного Командования УПА предписывалось:

со стороны украинского националистического подполья распространялась с помощью отпечатанных типографским способом листовок, таких как воззвание 1945 г. “К сексотам, доносчикам, истребителям и т.д.”[51].

Чтобы предотвратить утечку информации и не допустить сотрудничества населения с советскими властями, украинские подпольщики регулярно составляли списки подозреваемых в коллаборационизме. В обстановке тех лет эти списки служили сигналом для расправы, обычно осуществляемой во время ночных вылазок. Вот пример подобной акции возмездия – события произошли в окрестностях Буска, документ датирован 17 ноября 1944 г.:

> Друг Д-Р!
>
> В районе 2Д творятся неслыханные вещи, которые мы должны предотвратить! В селе Волица-Деревянска два человека согласились работать на КГБ: КОНЦ Илья – сочувствующий [ОУН – *Дж.Б.*] и КОНЮХ Степан – член. Их согласие работать на НКВД потрясло население, так что это может подействовать и на других. В селе Марощанка САХАРЕЛИЧ Микола первым дал согласие работать на НКВД. Чтобы скрыть это от нас, он велел большевикам его арестовать. Кроме того, он выдал двух соседей Хорька и Чайковского. Мы избавимся от этих трех предателей сегодня или завтра.
>
> В селе Спас 6 человек дали согласие работать на НКВД:

“Проводите массовое уничтожение сексотов, но не взваливайте вину на членов их семей. Допускается конфискация или уничтожение их имущества”. ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 292. Л. 14.

51 В совершенно секретных директивах ОУН, датированных февралем 1946 г. и сохранившихся в архивных фондах КГБ во Львове, командующий ОУН ЮЛИАН жестко критикует командиров отрядов за то, что они плохо распространяют эту листовку. ДАЛО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 436. Л. 44.

1. Ковалик Володимир - член
2. Терпий Иван - член
3. Дьяковский Василь - член
4. Буйциницкий Семен - член
5. Наконечный Иван - сочувствующий
6. Точно не знаю кто.

Друг К-Р

Приходи сегодня в Побужаны, Супрун (КУТАС) и я тоже там будем. Поговорим там более откровенно.

БУРЬЯН[52].

В многочисленных инструкциях УПА прямо описывается, как следует вершить расправу. Цель террора состоит не только в том, чтобы уничтожить заподозренных предателей, но и в том, чтобы запугать остальных и тем самым не допустить возможной измены в будущем. Поэтому ритуальное осквернение тел являлось важной частью террористических методов, применявшихся украинским националистическим подпольем. "Бандиты [повстанцы – *Дж.Б.*] надругались над трупами [заподозренных в сотрудничестве с Советами]. Со всех тел сняли обувь и одежду, руки и ноги связали как скотину, а лица раскромсали на части"[53]. В Ровенской области в июне 1944 г. отряды украинских повстанцев казнили местного крестьянина, заподозренного в сотрудничестве с Советами, повесив его посреди села. Затем повстанцы публично осквернили тело - "порубили труп повешенного бандита топором"[54]. Во Львовской области в августе 1944 г. у двух семей по очереди выкололи глаза – будто бы за то, что их близкие сообщили о передвижениях повстанцев

---

52 ДАЛО. Ф. 3. Оп. 1с. Д. 70. Л. 4.

53 Из совершенно секретного доклада руководителя Лопатинского района Маланчука 25 декабря 1944 г. ДАЛО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 66. Л. 47. О социальном и культурном значении некоторых форм насилия см.: N. Davis. Rites of Violence // *Society and Culture in Early Modern France.* Stanford: Stanford University Press, 1975. P. 152-188.

54 ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 381. Л. 58.

советским властям. Трупы затем изрубили в куски на виду у испуганных односельчан[55].

Ритуальное насилие в самых страшных формах применялось украинским подпольшем по отношению к приезжим, направленным советской властью на Западную Украину для послевоенного восстановления хозяйства. 13 сентября 1944 г. в Ровенской области повстанцы напали на пятнадцать сотрудников советского районного аппарата. Одному из них удалось сбежать, а четырнадцать остальных увели в лес и расстреляли. Затем повстанцы надругались над трупами, отрезав голову у одного убитого мужчины и ноги и лицо у женщины[56]. Подобные зверства слишком часто встречались повсюду в Галиции в послевоенную эпоху террора и контртеррора. Они дают достаточный материал для обвинений против обоих противоборствующих сторон[57].

Очевидно, конкретные формы надругательства над телами убитых соответствовали различным степеням предательства[58]. Когда осквернения трупов оказывалось недостаточно для передачи соответствующего символического смысла, подпольщики-националисты высказывались яснее. 21 ноября 1944, в два часа ночи, вооруженный отряд из сорока украинских повстанцев вошел в село Дубечно на Волыни. Обыскав дома председателя и

---

[55] ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 381. Л. 58.

[56] ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 381. Л. 60.

[57] Уделяя здесь внимание террору и зверствам, совершенным украинскими повстанцами с целью запугать людей, сотрудничавших с советской властью, автор отнюдь не утверждает, что украинцы отличались особой склонностью к насилию по сравнению с другими этническими группами (поляками или русскими). Речь идет не о вине той или другой стороны, а об изучении тактической роли насилия и террора.

[58] Ср. воспоминания Чарльза Симича о своем детстве, проведенном в Югославии в годы Второй мировой войны. (Ch. Simic. Anatomy of a Murderer // *The New York Review of Books.* Vol. XLVII. No. 1 (20 января 2000). P. 26). “Поразительно осознавать, что большинство из 700-800 тыс. югославов, погибших во время Второй мировой войны, были убиты не нацистами, а своими же. В 1944 г. в селе неподалеку от Белграда, где мы матерью гостили у деда, каждое утро мы просыпались и узнавали, что еще кого-то нашли убитым. У каждой из противоборствующих сторон были свои излюбленные способы устранения врагов – и мы пытались догадаться, кто совершил убийство, судя по тому, как оно произошло”.

секретаря сельсовета, повстанцы застрелили председателя на глазах односельчан. На спину убитому прицепили записку: "Расстрелянный – глава сельсовета. Если кто-нибудь займет это место - его ждет та же судьба". Затем вооруженные люди ворвались в забаррикадированное помещение сельсовета, где убили сторожа – украинца по имени Ткачук. На спину ему штыком прикрепили другую записку: "Это труп предателя украинского народа, защищавшего Советы. Если кто-нибудь придет работать на его место, он погибнет точно также". После этого повстанцы осквернили помещение сельсовета - расклеили антисоветские лозунги и призывы, сорвав со стен и разорвав на куски портреты партийных и советских руководителей. Лица на портретах замазали кровью убитого сторожа-украинца[59].

К ритуальному насилию можно также отнести принуждение членов советского актива выкрикивать бранные слова в адрес Сталина перед тем, как предать их страшной публичной казни, а также надругательство над телами убитых. Зачастую ритуальный террор состоял в осквернении тех или иных предметов – обычно это были символы советской власти. Когда отряд УПА в селе Добряны не смог отыскать комсомолку Теклю Балиас, спрятавшуюся на крыше своего дома, вместо нее повстанцы захватили ее комсомольскую форму. Эту форму они бросили на землю, совершив над ней символический акт осквернения[60]. Приказ № 1 командования дивизии "СХИД" УПА от 14 ноября 1944 г. содержал подробные указания командирам отрядов: писать на стенах красящими средствами разных цветов – кровью людей и животных, сажей, разведенной в молоке и т.п. – такие антибольшевистские лозунги, которые могут особенно сильно воздействовать на местное население[61]. Целью подобных действий всегда было наглядно подчеркнуть присутствие украинских повстанцев в том или ином районе. Как отмечалось в инструкциях УПА февраля 1944 г.: "Наши удары против врага

59 ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 381. Л. 60.

60 Из отчета Первого секретаря Львовского горкома партии Шиптяка 27 августа 1944 г. ДАЛО. Ф. 3 Оп. 1. Д. 66. Л. 12.

61 Из совершенно секретного доклада о терроре ОУН-УПА, подготовленного начальником Первого отдела ГУББ НКВД генерал-майором Горшковым 26 декабря 1944 г. ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 381. Л. 54.

[т.е. против Советов – *Дж.Б.*], против вражеской системы, против сексотов и сочувствующих им должны быть заметны на каждом шагу”[62].

Конечно, у конкретных актов возмездия часто был свой собственный символический смысл. Так А.В. Грицук – повстанец из 10-го Ровенского областного отряда СБ, украинец по своей этнической принадлежности - позднее признался на допросе советским следователям: в январе 1944 г. в селе Грушвица он удавил молодую женщину-украинку той же веревкой, какой советские спецгруппы казнили двух членов областной СБ - НЕЧАЯ и КРЮКА. Женщину подозревали в том, что она выдала двух контрразведчиков повстанцев Советам[63].

Какими бы чудовищными ни были эти акции, ритуальный характер этих казней наглядно показывает, что украинские повстанцы применяли насилие против отдельных лиц в показательных целях. Запугивая этим все население, они пытались предотвратить его сотрудничество с врагом. Инструкции УПА начала 1945 г. требовали: “Не проводить широкого террора против масс. Уничтожать злодеев поодиночке”[64]. Лидеры украинских националистов хорошо осознавали, что политика массового террора против всех подряд, проводимая силами недисциплинированных местных отрядов, может лишить подполье массовой поддержки. Поэтому они стремились совершенно однозначно внушить местному населению: следуйте нашим правилам и вас не тронут. Террора против отдельных лиц, как метод, особенно эффективно применялся для запугивания повстанцев, арестованных советскими органами и начавших сотрудничать с властями[65].

Однако постоянная угроза мести повстанцев, направленная против отдельных лиц, оказалась также и наиболее результативной формой психологического террора по отношению ко всему населению в целом. Например, осенью 1946 г., во

---

62 ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 2968. Л. 201-203.

63 ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 381. Л. 57.

64 Из инструкции ОУН 1945 г. ГАРФ. Ф.Р-9478. Оп. 1. Д. 292. Л. 29.

65 Директива Министра Государственной Безопасности УССР Савченко областному руководству МГБ 15 июня 1948 г. ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 5465. Л. 307-313.

время советской кампании по хлебозаготовкам, украинское подполье распространяло такие листовки: "Скоро большевики будут проводить хлебозаготовки. Каждый из вас, кто сдаст зерно на заготовительный пункт, будет убит как собака, а вся его семья забита насмерть"[66]. "Не выполняйте приказов Советов, потому что всякий, кто их выполнит, будет повешен как предатель украинской земли… Если кто из вас сдаст зерно, мы убьем вас как собак, а всю вашу семью повесим или порежем на куски"[67]. Такого же рода угрозы были обращены к тем, кто занимал должности в сельских советах. Результаты запугивания отмечались в советском докладе осени 1946 г.: "Никто не хочет быть руководителем на селе, потому что днем его выбрали, а на следующее утро он повешен"[68]. В многочисленных интервью с жителями Западной Украины, записанными в последние годы, присутствует одна и та же деталь: на выборах в сельсоветы крестьяне по возможности старались сделать так, чтобы руководителями оказались холостые мужчины, у которых не было родственников на иждивении. До самого конца 1940-х гг. большинство сельсоветов существовали лишь на бумаге, поскольку местные жители обычно отказывались занимать должности, освобождавшиеся после убийства предыдущих руководителей повстанцами.

Жесткие террористические методы применялись националистическим подпольем по большей части против самих же украинцев и членов их семей, подозреваемых в сотрудничестве с советской властью. Из 11725 зарегистрированных убийств, совершенных украинскими националистами за 24 из первых 35 месяцев после ухода немецких войск (февраль 1944 – декабрь 1946 гг.), в больше чем в половине случаев (6250) жертвами были местные жители- украинцы. Если же сюда отнести и погибших бойцов истребительных батальонов, то доля украинцев

---

66 ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 1741. Л. 48.

67 Реконструкция следователей НКВД по рассказам лиц, присутствовавших на сельском сходе, насильно созванном в конце июня 1945 г. в селе Лишневичи Бродского района Львовской области, на котором выступал полковник ОУН-УПА. ДАЛО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 212. Л. 166.

68 Шестистраничное совершенно секретное сообщение генерал-лейтенанта МГБ Воронина из Львова в Дрогобычский обком партии (сентябрь 1946 г.). ДАЛО. Ф. 5001. Оп. 7. Д. 279. Л. 119-121об.

среди жертв возрастет почти до 2/3 всех случаев (6980)[69]. На основе менее точных данных, не разделяя убитых на местных жителей и приехавших советских сотрудников, один киевский историк недавно привел такую оценку: украинские подпольщики-националисты совершили 14500 диверсионных и террор-истических операций против советских органов власти и лиц, сотрудничавших с ними, убив к концу 1945 г. более 30 тыс. коммунистов, военнослужащих Красной армии и местных жителей, сотрудничавших с Советами[70].

Напротив, советская власть использовала другие методы – массовый террор путем публичной демонстрации военного превосходства. В первые послевоенные месяцы советская власть не наносила точечных ударов по повстанцам - вместо этого установление контроля над обществом достигалось запугиванием всего населения. В то же самое время особые отряды, маскировавшиеся под бандитов-повстанцев, совершили множ-ество диверсий, операций по дезорганизации и актов саботажа. Целью этих преступлений Советов было сбить с толку местное население, стремившееся к тому, чтобы справедливость была восстановлена иными методами.

Советские органы также практиковали свою особую форму ритуального насилия и надругательства над трупами. Хотя в документах украинского националистического подполья мы не находим на это прямых указаний, рассказы литовских повстанцев, боровшихся с советской властью, отражают стандартную практику руководства НКВД-НКГБ, примен-явшуюся в кампаниях по усмирению всех западных при-граничных областях СССР после войны:

---

69 Сведения с февраля 1944 по апрель 1945 г. заимствованы из совершенно секретного доклада Леонтьева, датированного 17 мая 1945 г. ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 352. Л. 43-45. Данные за 1946 г. почерпнуты из совершенно секретных ежемесячных докладов Министра Внутренних Дел СССР С. Круглова Сталину, Молотову, Берии, Жданову и Кузнецову (12 мая 1946 г. – 28 января 1947 г.). ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 136. Л. 5; Д. 137. Л. 176; Д. 138. Л. 133-134; Д. 139. Л. 48-49, 143, 267-268, 105; Д. 168. Л. 94. Всего за период до апреля 1947 г. было совершено свыше 18 тыс. убийств. Однако только 11725 жертв классифицировано по категориям.

70 М.В. Коваль. Україна у другій світовій і Великій Вітчизняній війні (1939–1945). Київ, 1994.

> ... недавно отряды НКВД стали надругаться над телами погибших партизан, пытаясь таким образом предотвратить постоянный рост рядов вооруженного сопротивления [Советам – *Дж.Б.*]. Такое решение было принято 15 февраля 1946 г. С тех пор тела всех партизан стали забирать и свозить на ближайшую площадь, где их выставляли всем напоказ.
>
> Один из первых случаев такого рода произошел с семью бойцами из отряда Виесуласа, убитыми в бою с НКВД. Их тела быстро доставили в село Гарлява, где их сначала бросили на площади на поругание энкаведистам, с грубой бранью пинавшим трупы и плевавшим на них. Затем тело командира отряда привязали стоймя так, чтобы казалось, будто командир обращается к остальным. Наконец, внесли последний штрих – в рот ему засунули трубу, после чего сцену можно было показать всем жителям поселка[71].

В другом случае тела пятерых партизан, которые, прежде чем погибнуть, убили тринадцать советских сотрудников, "подверглись тем жутким надругательствам, на которые коммунисты были такие мастера. Одним продели в ноздри четки, другим засунули в рот молитвенники, а на телах у всех у них вырезали… литовские [национальные – *Дж.Б.*] символы"[72]. Советская практика выставлять на показ трупы убитых повстанцев не сводилась к одной лишь символической демонстрации террора и жестокости с очевидной целью запугать потенциальную оппозицию. Эта практика была также частью советских методов оперативной работы: сотрудники НКВД-НКГБ "с легкостью распознавали выражения лиц зрителей, проходивших мимо один за другим. Поскольку им нужно было установить личность

---

71 См. захватывающий и в целом достоверный рассказ одного из лидеров литовских повстанцев Юозаса Даумантаса: Juozas Daumantas. *Fighters for Freedom: Lithuanian Partisans versus the U.S.S.R (1944-1947).* 2nd ed. Toronto, 1975. P. 125. Подобные методы использовались во всех западных приграничных областях СССР, поскольку офицеры НКВД/НКГБ часто переводились из одной республики в другую, в зависимости от того, насколько сильно было там сопротивление советской власти.

72 Ibid. P. 138.

погибших партизан, то они [тайно – *Дж.Б.*] установили наблюдение и стали забирать на допрос всех людей, кто выглядел потрясенным или опечаленным этим зрелищем”[73]. Сотрудники советских органов также устанавливали наблюдение за захоронениями партизан, стараясь не допустить, чтобы убитые “бандиты” превратились в мучеников антисоветского повстанческого движения[74].

Со стороны Советов террор не был делом рук отдельных офицеров-садистов или не подчинявшихся приказам командования отрядов оккупационных сил, склонным к крайним проявлениям насилия. Советский террор был следствием недвусмысленных указаний сверху – на это указывают учебные руководства для советских групп специального назначения. Иначе никак нельзя объяснить омерзительные фотографии, попадающиеся в архивных фондах советских частей особого назначения, - “трофеи” спецгрупп, на которых запечатлено систематическое надругательство над трупами повстанцев, осуществляемое с очевидной целью внушить страх и запугать население[75].

4. Операции контрразведки украинских повстанцев

Несмотря на неограниченное использование массового террора с целью подавления сопротивления на местах, советская власть на Западной Украине с самого начала постоянно страдала от череды крупных провалов своей разведки и от общей неспособности выследить и окончательно уничтожить украинское националистическое подполье. Очень низкое качество советской агентуры на Западной Украине в первые послевоенные годы было обусловлено несколькими различными причинами,

---

73 Ibid. P. 125.

74 Ibid. P. 125-126. Сегодня по всей Западной Украине в глухих горных районах и в лесах можно встретить кресты или другие памятники павшим в те годы повстанцам.

75 Основное учебное руководство по подготовке спецгрупп, в котором описывались методы “дезорганизации” сопротивления повстанцев, было написано в 1944 г. майором НКВД А.М. Соколовым, служившим в то время в Тернопольской области. См. 74-страничный машинописный текст “Наставление по использованию войск НКВД при проведении чекистско-войсковых операций”. Архив СБ, Украина.

совокупность которых в корне подрывала усилия советских властей. В первую очередь сюда можно отнести уже сам масштаб проблемы управления этим регионом, с которой столкнулась советская власть. Вся ограниченность первых шагов советской власти по установлению своего контроля на Западной Украине становится очевидной на фоне множества попыток коренного переустройства оккупированных районов, которые предпринимали как советские, так и немецкие власти, прибегавшими для этого к тактике выжженной земли[76]. Следует также напомнить о том, что большая часть территории СССР была окончательно освобождена Красной Армией к началу весны 1944 г. – больше чем за год до окончательной победы над Германией.

Задачи, стоявшие перед советскими органами безопасности, намного превосходили их возможности, а потому самое незначительное сопротивление на местах становилось для них серьезной угрозой. На Западной Украине почти все население отказывалось повиноваться советской власти. Патологическая ненависть к русским служила питательной средой для массовой оппозиции. Этот регион был отвоеван у немцев и повторно присоединен к СССР, но не был усмирен и поставлен под советский контроль. К тому же, Западная Украина не была одна.

На всей ранее оккупированной немецкими войсками территории, советская власть столкнулась с трудно разрешимыми проблемами: нужно было ликвидировать уголовные банды (борьба с ними достигла апогея в 1947 г.), найти и уничтожить коллаборационистов (до мая 1945 г. продолжавших диверсионную работу в тылу советских войск), восстановить гражданский правопорядок и дисциплину в районах, уставших от войны, где население хорошо научилось сопротивляться мероприятиям государственной власти. Когда Советы пытались призвать в армию местное население, мужчины уходили в леса,

---

76 Последствия опустошения западных окраин СССР рассмотрены в нескольких работах: A. Nove. *An Economic History of the USSR.* New York: Penguin Books, 1989-1991; J.R. Millar. Conclusion: Impact and Aftermath of World War II // S.J. Linz (ed.). *The Impact of World War II on the Soviet Union.* Rowman & Allanheld, 1985. P. 283-291; W.Moskoff. *The Bread of Affliction: The Food Supply in the USSR During World War II*. New York: Cambridge University Press, 1990. P. 47.

присоединяясь к партизанским группам, или дезертировали в массовом порядке, скрываясь от властей. Когда после войны Советы пытались добиться более высокой явки на выборах, большинство жителей края на время исчезало в неизвестном направлении.

Существовала также проблема кадров. Наиболее опытные специалисты до конца 1945 г. были на фронте. Позднее на всей занятой советскими войсками территории Центральной и Восточной Европы Советы столкнулись с большими проблемами формирования оккупационных правительств и подавления протестов со стороны местного населения. Работать на местах направлялись партийные работники и руководители районного звена, не имевшие почти никакого боевого опыта и практически не получавшие поддержки со стороны местных жителей. И от этих людей ожидали, что они смогут выследить и уничтожить испытанных в боях подпольщиков-повстанцев. Немногие настоящие специалисты поначалу оказывали лишь самое незначительное влияние на положение в регионе[77].

Сильно страдая от нехватки кадров, относительно слабые органы советской власти излишне полагались на принудительные меры воздействия, прибегая к насилию и террору для усмирения отвоеванных областей. Поэтому в течение первых двух-трех послевоенных лет советская власть была не в состоянии использовать методы поощрения, культурную инициативу и пропаганду, чтобы создать на западных окраинах страны себе опору среди измученного войной населения, которое первоначально было готово встретить советские войска как своих освободителей.

Подробные списки состава оперативных сотрудников спецгрупп шести из семи областей Западной Украины

[77] В архивных материалах встречаются неоднократные жалобы командиров частей НКВД по поводу недостатка квалифицированных кадров для проведения агентурных операций против местных этнических групп. См., например, совершенно секретный доклад Министра Общественной Безопасности Польши И.А.Серова на имя Л.П.Берии от 16 октября 1944 г., воспроизведенный в: *НКВД и польское подполье, 1944-1945. (По “особым папкам” И.В. Сталина).* М., 1994. С. 37-42. См. также жалобы начальников районных отделов НКВД на различных совещаниях во Львове 1944-1945 гг.: ДАЛО. Ф. 3. Оп.1. Д. 191, 192, 193, 194, 195, 196, 198, 201.

показывают, что на регион площадью 79 тыс. кв. км. (что приблизительно соответствует площади штата Южная Каролина) с населением, составлявшим в 1946 г. свыше 5 300 000 человек приходилось только 101 офицеров в звании лейтенанта и выше, командовавших всего лишь несколькими тысячами солдат из особых частей МВД[78]. Руководители украинского подполья понимали, что советский контроль в регионе держался на относительно немногочисленных сотрудниках, призванных организовать остальное население. Это подсказывало повстанцам характерную тактику борьбы: сосредоточить усилия своей контрразведки на убийствах ключевых кадров советского аппарата. В инструкции ОУН/УПА января 1945 г. эта логика была сформулирована предельно четко: "Вылазки следует проводить против руководителей, против [советского – *Дж.Б.*] режима и его самых слабых мест. Подобные нападения приводят ряды противника и его строй в замешательство. У большевиков ведь нет людей, которые могли бы заменить руководящие кадры, - они должны посылать за ними в другие регионы [Советского Союза]. Такие новички должны долго учиться [чтобы хорошо узнать местные условия], за ними нужен присмотр и [постоянное] руководство в делах"[79].

Благодаря сверхъестественной способности украинского подполья проникать в структуры советских карательных органов повстанцы добивались невероятных результатов. Статистика поражает воображение. Некогда совершенно секретные данные

---

[78] Совершенно секретный доклад Рясного и Леонтьева Министру Внутренних Дел СССР Круглову, датированный маем 1946 г. ГАРФ. Ф. Р- 9478. Оп. 1с. Д. 527. Л. 109-117.

[79] ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 92. Л. 68. Материалы и инструкции УПА. Копии этих документов под грифом совершенно секретно были направлены 6 января 1945 г. Рясным Берии, а затем Сталину. Из свыше семидесяти документов в "Особой папке" Сталина за 1944-1948 гг., относящихся к Западной Украине, это единственный случай дословного перевода инструкций ОУН для личного ознакомления Сталина. Очевидно, такое внимание вызывалось тем, что подобные карательные отряды повстанцев представляли серьезную угрозу безопасности советского присутствия на Западной Украине. См. также: Yu.Tys-Krokhmaliuk. *UPA Warfare in Ukraine: Strategical, Tactical and Organizational Problems of Ukrainian Resistance in World War II*. New York, 1972. О тактике подпольщиков глазами Советов см.: А.П.Козлов. Тревожная служба. 2-е изД. М., 1975. С. 159-228.

НКВД показывают, что за 24 из 35 первых месяцев повторной оккупации Западной Украины Советами (февраль 1944 – декабрь 1946) украинские подпольные террористические группы убили 11 725 советских офицеров, осведомителей или лиц, сотрудничавших с советской властью. За тот же самый период получили телесные повреждения 3914 сотрудников советских органов власти, а еще 2401 "пропали без вести" – предположительно они были похищены силами ОУН-УПА[80]. Даже позднее, в 1947-1948 гг., только в одной Львовской области было зафиксировано 635 случаев вылазок подпольщиков и 853 убийства советских агентов или местных жителей, сотрудничавших с властями[81].

Статистика советских потерь по отдельным районам наглядно показывает, какие значительные последствия имела применявшаяся националистическим подпольем тактика убийств активистов. Так за осень 1944 – январь 1945 гг. было зафиксировано двадцать одно нападение повстанцев на Пониковецк – один из районных центров Львовской области. Периодически украинские повстанцы "освобождали" город от Советов. При этом были убиты десять человек из советского партийного актива, один секретарь райкома и похищены еще четверо советских служащих. Это означает, что всего было убито пятнадцать человек из управленческого аппарата, в котором по штату полагалось в лучшем случае тринадцать сотрудников! Из-за постоянных убийств в составе советского административного персонала районного звена редко насчитывалось более шести человек, которые не были бы местными уроженцами. В результате штаты районного руководства всегда были укомплектованы менее чем на половину, что серьезно подрывало усилия советской власти по установлению своего присутствия в регионе. Так в Пониковецком районе не были сформированы суды и прокуратура, а местный отдел НКВД состоял из трех – вместо положенных шести офицеров. В районе, насчитывавшем

---

80 ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 352. Л. 43-45; ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 136. Л. 5.; Д. 137. Л. 176; Д. 138. Л. 133-134; Д. 139. Л. 48-49; Д. 139. Л. 143; Д. 139. Л. 267-268; Д. 139. Л. 105; Д. 168. Л. 94.

81 Данные за предшествующие 23 месяца см. в докладе 10 декабря 1948 г.: ДАЛО. Ф. 3. Оп. 2с. Д. 467. Л. 92.

четырнадцать сельсоветов и тридцать четыре населенных пункта, удаленных от райцентра на расстояние до 40 километров, присутствие советской власти было скорее номинальным. Антисоветские повстанцы свободно перемещались по его территории. Кроме того, тридцать восемь местных жителей было убито в ходе налетов, а пять человек было похищено – считалось, что они тоже погибли. В целом всего за несколько месяцев здесь погибло семьдесят три советских сотрудника и местных жителя, сотрудничавших с советской властью[82].

Борьба Советов с сопротивлением украинских националистов на Западной Украине напоминала битву с многоглавым чудовищем, у которого на месте отрубленных тут же вырастали новые головы. Многие годы день за днем органы безопасности уничтожали очаги сопротивления. Власти постоянно получали достоверные донесения, что наконец уничтожены организационные структуры украинского подполья. Из внутренних документов ОУН-УПА Советы узнавали о лишениях, отчаянии и потерях, понесенных врагом, о подавленном настроении в рядах повстанцев, о полной безнадежности дальнейшего сопротивления. И все же снова и снова украинское националистическое подполье чудесным образом сохраняло жизнеспособность. Можно было убить, посадить в тюрьму или депортировать его лидеров и членов их семей, но на их место всегда приходил кто-то другой. Значительную финансовую и организационную поддержку повстанческому движению оказывала украинская диаспора за рубежом, которой уже в 1943 г. помогали американская и британская разведки[83]. Формы повседневного сопротивления Советам оказалось обнаружить гораздо сложнее и они показали себя гораздо более эффективными в борьбе с режимом.

Сам размах подпольного сопротивления заставил советскую власть полагаться на агентуру. Война против хорошо окопавшегося и законспирированного украинского подполья

---

82 ДАЛО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 191. Л. 13-15.

83 См. инструкции зам. Министра Внутренних Дел СССР генерал-лейтенанта В. Рясного Министру Внутренних Дел УССР Т. Строкачу, датированные 17 декабря 1946 г. – “О разработке ОУН в связи с ориентировкой ее на англичан и американцев”. ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1с. Д. 521. Л. 279-280.

могла быть выиграна только при наличии широкой опоры режиму из осведомителей и агентов на местах.

III
Основные особенности советской агентуры на Западной Украине

> Несколько случаев из практики и захваченные секретные распоряжения органов НКВД-НКГБ говорят о том, что, кроме указанных выше видов агентуры, на территории Галиции организован и действует особый вид агентуры, созданный из неполнолетних (дети 12-14 лет). Этих детей ловят во время облав и под разными предлогами отвозят в Райотделы НКВД-НКГБ, во время допросов грозя им смертью, если они не расскажут, в чьих хатах расквартировываются бандеровцы, кто в селе варит им кушать, где есть ихние магазины, кто станичный, где связь и другое. При исключительной массовости нашего движения, много детей по селам, действительно, на некоторые из этих вопросов (а то и на все) могут ответить, ибо они в таком возрасте в большинстве бывают наблюдательными и имеют хорошую память. Это учитывают и используют работники НКВД.
>
> *"Агентура НКВД-НКГБ в действии"*[84]

Как мы уже видели, Советы полагались на окружавший их ореол непобедимости для того, чтобы подорвать боевой настрой массового движения сопротивления во всех западных приграничных областях, - на миф не только о своем могуществе, но и о неизбежности своего прихода. Помимо значительного превосходства в вооруженной силе и многочисленных тактических преимуществ, советские спецгруппы также хорошо умели играть на настроениях населения, продиктованных многовековым соперничеством различных этнических групп.

---

84 ГАРФ. Ф.Р-9478. Оп. 1с. Д. 643. Л. 14-34. О систематическом использовании детей в советских оперативных агентурных сетях см.: "Справка о вербовке и использовании Уголовным Розыском агентуры из числа несовершеннолетних" – совершенно секретный доклад Начальника Уголовного Розыска Комиссара Овчинникова, февраль 1949 г. ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 5. Д. 207. Л. 85-90.

В Галиции давняя вражда и междоусобные раздоры этнических поляков и украинцев не исчезли с приходом советских войск. Обе стороны лишь приспособились к новым условиям, используя немецкий или советский режим для того, чтобы расправиться с соперником. В начале периода, в 1944-1945 гг., на сотрудничество с советскими властями шли в основном те этно-националисты, чьи интересы, по крайней мере в этом вопросе, совпадали с интересами Советов. В этом смысле, польские националисты в Галиции проявляли гораздо большую склонность к тому, чтобы считать украинское подпольное движение сопротивления своим общим с советской властью врагом в регионе, который они традиционно относили к юго-восточной Польше.

Советские власти действительно стремились использовать межэтнические конфликты в своих целях. Это наглядно показывает шестистраничный отчет начальника штаба партизанских бригад НКВД на Украине Тимофея Строкача, датированный 23 марта 1944 г. Познакомившись с основными польскими националистическими партизанскими отрядами и политическими группировками, Строкач рекомендовал следующую тактику по подрыву боеспособности польского подполья в Восточной Европе:

> Украинский штаб партизанского движения в настоящее время дает нам большие возможности:
>
> 1. Для заброски квалифицированной агентуры в Польшу, Германию;
> 2. Для направления в Польшу [этнических – *Дж.Б.*] польских партизанских формирований;
> 3. Помогая партизанским отрядам польской “Гвардии Людовой” обеспечить быстрый рост и широкий разворот партизанского движения на территории Польши[85].

Для оперативных сотрудников на местах эти малопонятные формулировки означали четкую установку: НКВД использовало

[85] Совершенно секретный доклад Строкача Берии от 29 марта 1944 г. о деятельности польского подполья на территории Польши. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 64. Л. 227.

этнические конфликты на вновь завоеванных территориях Центральной и Восточной Европы как орудие укрепления советского контроля. Классификация противника по национальным категориям широко применялась в НКВД, чей аппарат был убежден в “наличии связи между [антисоветской – *Дж.Б.*] шпионской деятельностью и этническим или социальным происхождением”[86]. Все послевоенные годы сталинского правления основной тактикой советской власти было разжигание вражды между этническими группами, давно соперничающими между собой за господство в различных частях Восточной Европы. На Западной Украине это означало прежде всего использование этнических украинцев против этнических поляков и наоборот.

Многочисленные отчеты и инструкции украинского подполья за период 1944-1945 гг. отражают подозрения украинцев, что поляки сотрудничают с советскими властями. “Поддержку [органам НКВД – *Дж.Б.*] можно встретить в основном среди [этнических] поляков или среди польской общественности, но также и со стороны [этнических] украинцев - тайных агентов”[87]. “Поляки из истребительных батальонов наносят нам большой урон, поскольку активно разыскивают нас по селам”[88]. Точно также в сообщении ОУН-УПА, датированном 22 сентября 1944 г., руководители повстанцев утверждали, что главная угроза в Галиции исходит от этнических поляков:

> ФАКТОРЫ УСПЕХА [советских антиповстанческих] ОПЕРАЦИЙ.
>
> 1. Перед операцией НКВД готовит предназначенный отряд к ее проведению. Грабители-нквдисты приходят во многие села с готовыми списками честных украинских граждан и наших членов.
>
> Откуда большевики получают эти сведения?

---

86 G. Rittersporn. The Omnipresent Conspiracy: On Soviet Imagery of Politics in the 1930s // J. Arch Getty, R. Manning (eds.). *Stalinist Terror: New Perspectives.* Cambridge: Cambridge University Press, 1993.

87 25 ноября 1944 г. Приложение к инструкции, датированной сентябрем 1944 г. ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 292. Л. 35об.

88 ДАЛО. Ф. 3. Оп. 1с. Д. 70. Л. 2об.

> а. Местные сексоты доносят обо всем на селе. (Недостаточная конспирация в сельской местности. Мы должны быть осторожны даже с нашими).
>
> б. Даже при первом приходе в село НКВД часто удается узнать все о работе наших действующих отрядов, отношении [местного – *Дж.Б.*] населения к УПА, размещении складов, о раненых и т.д. Это вызвано общим отсутствием конспирации на селе – люди расскажут любому все, что знают…
>
> в. Много местных [этнических] поляков в НКВД. Необходима чрезвычайная осторожность перед смешанными [польско-украинскими] семьями[89].

Как заявил весной 1945 г. один из украинских академиков в разговоре с человеком, тайно сотрудничавшим с советскими органами: “Вы не знаете поляков. Они еще более бесстыжие, чем евреи…”[90].

Вот лишь один из множества примеров, показывающих решающую роль, которую играли давние межэтнические противоречия на уровне одного села. В январе 1945 г. советские части провели операцию в Сновичах – большом селе в Львовской области, насчитывавшем 578 дворов. Агентурной информацией их снабдили поляки из числа местных жителей, сотрудничавших с новой властью. В предыдущих докладах Сновичи всегда назывались исключительно пассивным селом, где украинские повстанцы почти не действовали. Однако донесения разведки, основанные на тайных сообщениях местных жителей-поляков, сотрудничавших с Советами, вскрыли только в одном этом селе повстанческое подполье из 120 активных членов. Части Красной армии окружили Сновичи ночью 17 января 1945 г., а затем ранним утром 18 января вошли в село.

---

89 Подчеркнуто автором. ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 126. Л. 320об. Инструкция ОУН-УПА региональным пропагандистам, 22 сентября 1944 г.

90 Из доклада И.Богородченко (Львовский обком партии) в ЦК Компартии УССР, датированного 24 сентября 1945 г. ДАЛО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 214. Л. 111.

Результаты проведенных обысков позволяют представить, с чем приходилось бороться советским войскам. Только в одном селе в 578 дворов было выявлено 104 “схрона”. Командующий операцией был уверен в том, что удалось отыскать далеко не все укрытия. Найти эти 104 “схрона” помогло то, что все они были похожи один на другой. Каждое такое убежище представляло собой в буквальном смысле могилу, вырытую в каменной стене погреба, где хранился картофель, куда вел лаз всего в 40 см. шириной. Украинские повстанцы протискивались внутрь такого укрытия, а затем члены семьи заделывали проход, так что оставалось только небольшое отверстие для воздуха[91].

Находки в Сновичах заставили советское военное руководство на местах пересмотреть свои оценки численности оппозиции. До этой операции военная разведка полагала, что в Поморянском районе активно действовало всего лишь 140 повстанцев. Однако только во время операции в Сновичах было обнаружено 74 украинских повстанца, что заставило совсем по-другому оценивать численность повстанцев в районе. Новые данные почти в восемнадцать раз превышали старые. Теперь предполагалось, что здесь действует 2500 повстанцев – и это только в одном из двадцати пяти районов Львовской области![92] Как объяснял автор отчета об операции: повстанцы так хорошо спрятались, что “…если бы не агентурные данные, то мы бы ничего не нашли”[93]. Без местных осведомителей Советы были беспомощны. Дополнительным препятствием к установлению советского контроля на Западной Украине было то, что необъявленная война с украинским националистическим подпольем не оставляла новым властям времени наслаждаться плодами своих побед. Уже через несколько дней после операции в Сновичах УПА нанесла ответный удар: в селе было сожжено десять крестьянских хат, а девять человек - восемь мужчин и одна женщина, все этнические поляки – были преданы мучительной казни. Их связали и похоронили заживо в собственном доме – страшный памятник предательству, при-

91 Реконструкция на основе доклада Первого секретаря Поморянского райкома партии Куница. ДАЛО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 192. Л. 121-122.

92 ДАЛО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 192. Л. 126.

93 ДАЛО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 192. Л. 122.

званный запугать тех, кто отважится на сотрудничество с Советами[94].

Политическое решение о депортации этнических поляков с территории Западной Украины, принятое в Москве в ноябре 1944 г., стало настоящей катастрофой для агентурных сетей НКВД в регионе. Это произошло по двум причинам. Во-первых, депортация поляков нанесла сокрушительный удар по советскому присутствию в сельских районах. Прямым последствием новой волны полонизации края после Первой мировой войны стало относительно равномерное расселение этнических поляков-"колонизаторов" по селам Галиции. К 1939 г. в большинстве западно-украинских сел население было смешанным: от 10 до 30% жителей составляли этнические поляки, а от 70 до 90% - украинцы. Именно эта особенность галицийских сел и порождала в послевоенные годы постоянный приток агентурной информации, которую использовали советские власти: вражда на этнической почве подталкивала обе стороны доносить друг на друга. К концу 1945 г. оперативные сотрудники НКВД жаловались на то, что у них больше не осталось никакой агентуры, чтобы отслеживать перемещения местных повстанцев[95]. Работу по созданию сети осведомителей на Западной Украине пришлось начинать заново[96].

Во-вторых, решение высшего советского руководства о депортации поляков пагубно сказалось на советской агентуре также и потому, что с достижением этнической однородности населения в пользу украинцев силам ОУН-УПА больше не

---

94 ДАЛО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 192. Л. 123.

95 О многонациональном составе населения юго-восточной Польши в межвоенный период см.: S. Horak. *Poland and Her National Minorities, 1919-1939.* New York: Vantage Press, 1961.

96 В долговременной перспективе депортация поляков (переселенных в те области Польши, где ранее проживали этнические украинцы, которых теперь вывезли в массовом порядке в СССР) способствовала установлению советского контроля на Западной Украине, поскольку тем самым лишались своих баз повстанческие отряды, действовавшие в пограничных районах Польши – за пределами юрисдикции советских органов. О высылке поляков из Западной Украины и Западной Белоруссии см.: K. Sword. *Deportation and Exile: Poles in the Soviet Union, 1939-1948*. New York: St. Martin's Press, 1994; K. Kersten. *The Establishment of Communist Rule in Poland, 1943-1948.* Berkeley: University of California Press, 1991.

нужно было сражаться на два фронта – против польских партизан, с одной стороны, и против советских частей, с другой[97]. Отряды украинских националистов могли теперь полностью сосред-оточиться на борьбе с советской властью. Как это ни парадоксально, советские оценки сил украинских повстанцев резко возросли к концу 1946 г., что в основном соответствует темпам депортации этнических поляков с Западной Украины.

Агентура по приказу

Советские инструкции региональным отделам НКВД показывают, что сеть советских осведомителей была создана на послевоенной Западной Украине в основном по приказу сверху. В сущности, оперативным сотрудникам НКВД было велено к такому-то числу - обычно в течение 7-10 дней - завербовать определенное число агентов и осведомителей на местах[98]. В результате, до того как в середине 1947 г. на Западной Украине стали создаваться так называемые параллельные агентурные сети, система внутренней слежки существовала лишь на бумаге, почти не представляя никакой реальной оперативной ценности. Давление на рядовых сотрудников НКВД, от которых требовали быстро добиться значительных успехов, имело целый ряд последствий. Во-первых, нажим из Москвы вызвал резкий рост насилия со стороны советских властей по отношению к местному населению. Вынужденные выбирать между Сциллой и Харибдой, рядовые сотрудники органов предпочитали крайние меры более последовательным методам создания агентурных сетей. Во-

97 По иронии истории советская власть смогла добиться того, чего так и не достигли этнические украинцы за многие годы междоусобных конфликтов с поляками, - “освобождения” Западной Украины от поляков. Как в 1945 г. заявила советскому осведомителю одна актриса – этническая украинка: “Это первый разумный шаг со стороны большевиков после освобождения Львова. Если бы большевики с самого начала освобождения Львова не возились бы так с бандеровцами, а вместо этого арестовали бы поляков, то сегодня не осталось бы ни единого бандеровца - они все бы перешли на сторону советской власти”. См.: ДАЛО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 214. Л. 7об.

98 См., например, инструкцию оперативным сотрудникам НКВД “Массовая вербовка осведомителей”, датированную 10 декабря 1945 г. ДАЛО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 226. Л. 71-72.

вторых, это давление приводило к созданию множества не существующих на самом деле сетей. Иначе говоря, вместо того чтобы докладывать о неудаче, советские оперативные сотрудники часто фабриковали успешные результаты. В итоге к концу 1940-х гг. борьба с украинским националистическим подпольем оказалась подчинена количественным показателям, спускаемым сверху по областям и районам. В статистических сводках и новых формах отчетности результаты работы оценивались в зависимости от числа произведенных арестов, уничтоженных "бандитов" и обнаруженных "схронов". В-третьих, давление из Киева и Москвы приводило к значительным нарушениям правил вербовки, так что советские агентурные сети оказались буквально нашпигованы двойными агентами, работавшими на украинское подполье. В результате, очень часто гибли оперативники, преданные осведомителями, которые работали на обе стороны. Наконец, личные дела сотрудников НКВД показывают, что в совокупности все эти факторы оказывали разлагающее влияние на кадры. Даже на общем фоне множества опасностей, подстерегавших советских государ-ственных служащих в конце сталинской эпохи, служба на Западной Украине была очень тяжелой. Среди оперативных сотрудников спецгрупп НКВД был выше процент просьб о переводе в другое место, встречалось больше случаев алкоголизма, нервных срывов и прекращения деятельности (т.е. отказа от службы)[99].

Советская сеть внутренней разведки на Западной Украине на бумаге выглядела внушительно. На 1 июля 1945 г. по данным НКВД в составе агентурной сети на Западной Украине насчитывалось 11 214 местных жителей, сотрудничавших с органами: 175 резидентов, 1196 агентов и 9843 осведомителя. Почти половина из них (47,2%) была завербована в первые шесть месяцев 1945 г. - 156 резидентов (89,1%), 527 агентов плюс еще 41 агент-"маршрутник" и 84 агента-"внутренника" (всего 652 человека или 52,3%), а также 4483 осведомителя (45,6%)[100]. Как

---

99 См. личные данные сотрудников ГУББ в: ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 527 "Переписка по штатам и личному составу периферийных органов НКВД" (1946).

100 Из совершенно секретного доклада Леонтьева Круглову 3 августа 1945 г. ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1с. Д. 352. Л. 75-76.

сообщалось в совершенно секретном докладе, датированном 14 сентября 1946 г., почти 9% (2968 чел.) из 33 740 галицийских крестьян в составе истребительных батальонов были на тот момент тайными осведомителями, работающими на Советы[101].

Однако на практике эти впечатляющие данные часто не соответствовали ожиданиям. Подавляющее большинство советских спецопераций на Западной Украине с самого начала были под угрозой срыва. Приведем только один пример для иллюстрации.

В октябре-ноябре 1944 г. органы НКГБ на Украине приступили к операции с целью внедрить своего человека в руководство бандеровской ОУН – самого сильного крыла украинского подполья. Основная задача состояла в том, чтобы задействовать двух женщин-агентов – ИРИНУ в Луцке и АПРЕЛЬСКУ из Киева. Эти женщины затем должны были подтвердить надежность третьего агента – СВИЯ, выходца с Восточной Украины, работавшего на НКВД с 1924 г. По легенде, АПРЕЛЬСКА была ключевым посредником между СВИЕМ – руководителем вымышленной украинской националистической подпольной организации, якобы базирующейся в окрестностях Киева, - и региональным штабом ОУН в Луцке[102].

---

101 Совершенно секретный доклад Сараева, озаглавленный "Справка о состоянии оперативно-боевой деятельности истребительных батальонов западных областей УССР". См.: ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 2967. Л. 53-54.

102 Полное досье по этому делу, включая протоколы допросов агентов сотрудниками НКВД, а также протоколы допросов, проводившихся повстанцами, сохранилось в: ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 643. Л. 237-311. В соответствии с законом Российской Федерации о государственной тайне, принятым в августе 1993 г., доступ к делам по личному составу ограничен в течение 75 лет. Поэтому, по требованию сотрудников ГАРФ и уважая право граждан на тайну личной жизни, автор приводит здесь только оперативные псевдонимы ("клички") основных лиц, сотрудничавших с советскими органами. По всей видимости, сотрудники НКГБ ошибочно опознали труп убитого начальника контрразведки повстанцев как ЧУПРИНКУ. На самом деле главнокомандующий УПА Роман Шухевич– иначе известный как Тарас Чупринка – был убит подо Львовом 5 марта 1950 г. См.: Armstrong. Op.cit. P. 223. Как утверждает Павел Судоплатов, возглавлявший управление НКВД, которое занималось диверсиями и саботажем, и руководивший операцией по уничтожению Шухевича: "Организованное сопротивление повстанцев на Западной Украине распалось после его смерти". P. Sudoplatov, A. Sudoplatov. *Special Tasks*. New York: Little, Brown, and Co., 1994-1995. P. 256.

Неудачно спланированная операция была обречена почти с самого первого дня. В итоге сорвалась она в первую очередь благодаря командующему УПА Тарасу ЧУПРИНКЕ. ИРИНА и СВИЙ были допрошены повстанцами, а затем казнены. АПРЕЛЬСКА реабилитировала себя тем, что согласилась сотрудничать с УПА. Хотя ей запретили участвовать в новых операциях, украинское подполье даровало ей жизнь и разрешило служить своему делу, рассказывая женщинам на Западной Украине о тех мучениях, которые ей пришлось пережить.

Эта история особенно интересна тем, что региональный начальник контрразведки подпольщиков был убит в своем убежище во время очередной облавы, устроенной советскими частями против повстанцев спустя две недели после допроса и казни ИРИНЫ и СВИЯ. Тогда была захвачена большая пачка документов, относящихся к этой операции, - в том числе и протоколы допросов всех трех советских агентов. Оценивая результаты в марте 1946 г., заместитель главы Первого отдела ГУББ полковник НКВД В. Константинов анализировал причины провала. Сделав вывод о том, что операция НКВД по проникновению в центральные командные структуры ОУН "была недостаточно продумана и подготовлена", Константинов подчеркивал три главных изъяна. Во-первых, как указывал Константинов, двое из трех агентов НКВД не были достаточно проверены. ИРИНА была капризной девицей двадцати трех лет. Под давлением со стороны подпольщиков она раскололась также легко, как сделала это раньше – когда ее арестовали и допросили сотрудники НКВД. Став агентом НКГБ в октябре 1944 г., она никогда не проходила серьезной подготовки к подпольной войне и совсем не годилась для такой крупной операции, начавшейся всего месяц спустя после того, как ее завербовали. Оперативный сотрудник НКВД по фамилии Бриккер, руководивший операцией, по всей видимости полагал, что роль ИРИНЫ не слишком важна – от нее требуется просто подтвердить принадлежность к подполью АПРЕЛЬСКОЙ и устроить той первую встречу. Однако почти сразу же после того, как Ирину арестовали органы НКВД, об этом узнали повстанцы - на нее донесла ее подруга по работе. Таким образом, амбициозные планы НКВД с самого начала оказались под угрозой срыва. ИРИНЕ предстояло убедить подпольщиков в том, что она будто бы по своей собственной инициативе стала двойным агентом, на самом деле работающим

против НКВД на стороне повстанцев. Константинов поражался: как можно было всерьез рассчитывать на то, что ИРИНА сможет это сделать! На самом деле единственное, в чем они убедились, - так это в том, что она скомпрометировала себя сотрудничеством с советскими органами и ей стало невозможно доверять с того самого момента, как ее арестовали. Точно также и АПРЕЛЬСКА – более серьезная женщина двадцати двух лет – проработала на НКВД всего шесть месяцев до начала операции.

Во-вторых, Константинов критиковал общий недостаток конспирации и слишком большую осведомленность участников обо всей операции в целом. Очевидно, что каждый агент должен был располагать только той информацией, которая была ему строго необходима. Однако на практике все они знали гораздо больше, чем требовалось. В данном случае это обернулось особенно плачевными последствиями: хотя АПРЕЛЬСКА и не знала остальных агентов, тем не менее она смогла на допросе сообщить повстанцам важные сведения. Эти данные позволили Службе безопасности установить их личность. АПРЕЛЬСКА стала сотрудничать с НКВД в апреле 1944 г. Ее выдал советским властям на жестоком допросе один из ее близких друзей в Киеве. Она сама, однако, держалась очень стойко, несмотря на пытки и другие применявшиеся к ней чрезвычайные меры воздействия, в том числе и почти двухмесячное одиночное заключение. АПРЕЛЬСКА пошла на сотрудничество с советскими органами против украинских националистов только тогда, когда ее связи с подпольщиками стали угрожать жизни ее родителей, живших на селе под Житомиром. В этом, как и в других случаях, Советы чрезмерно полагались на завербованных на свою сторону агентов украинского подполья, совершая ту же ошибку, что и Большой брат в классическом романа Дж. Оруэлла “1984 год”. Иными словами, они, кажется, действительно верили в то, что если сопротивление человека удалось сломить, то он останется таким навсегда. На самом деле, как показывает история с АПРЕЛЬСКОЙ, перевербованный агент испытывал глубокий внутренний конфликт. Обычно это приводило к тому, что он с радостью встречал свое разоблачение повстанцами. После разоблачения АПРЕЛЬСКА, как и многие другие, всячески сотрудничала с подпольщиками, чтобы поддержать их в борьбе с советской властью. Даже такой неопытный советский агент, как она – а АПРЕЛЬСКА была скорее нормой, чем исключением, – мог

оказаться большим приобретением для контрразведки повстанцев.

В своем заключении Константинов прямо осудил всю операцию, а также исходные посылки, на которых она основывалась. Если бы совершенно случайно в ходе совсем другой операции не были обнаружены ЧУПРИНКА и его архив, то украинское подполье скорее всего смогло бы перевербовать всех трех советских агентов и тем самым проникнуть в тайны многочисленных операций НКГБ, а не наоборот. Только случайность спасла НКГБ от такого потенциально катастрофического развития событий[103].

Этот пример показывает, какие серьезные препятствия стояли на пути советской власти, стремившейся установить свой контроль на Западной Украине. Информация из органов НКГБ на Украине утекала как из решета, и с этим нужно было что-то делать. Не решив эту очевидную проблему, советская власть не могла по-настоящему вступить в схватку с противником. Общим принципом советской политики усмирения враждебно настроенных регионов было одновременное использование шпионов и осведомителей вместе с беспощадным подавлением протестов населения в целом. Однако, хотя Советы располагали преимуществом в вооруженной силе, им обычно не хватало надежной информации. Складывается впечатление, что в течение первых трех лет вторичной советской оккупации Западной Украины проводилось множество случайных операций. Местное население подвергалось беспощадному террору, однако отрядам повстанцам или их руководству был нанесен лишь незначительный урон. В докладе на имя Н.С. Хрущева (в то время занимавшего пост Первого секретаря Коммунистической партии УССР), датированном 8 августа 1946 г., его заместитель в ЦК, курировавший Западную Украину, А.А.Стоянцев горячо

---

[103] ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 643. Л. 307-311. Об огромных успехах украинских повстанцев по внедрению в советские органы безопасности свидетельствуют многочисленные жалобы районных управлений НКВД-НКГБ. См.: ДАЛО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 191. Л. 9-10. В совершенно секретном донесении Хрущеву, датированном 13 июля 1946 г., Министр Внутренних Дел УССР Круглов сетовал на то, что секретари райкомов и обкомов партии на Западной Украине не заботятся о сохранении в тайне агентурных операций. ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 2966. Л. 78-79.

критиковал советские операции в этом регионе. По его словам, они в основном сводились к праздной болтовне: “Учитывая их слабую агентурную подготовку, [советские – *Дж.Б.*] военные операции в большинстве случаев не приносят никаких результатов: Из 3753 операций, проведенных в июле [1946 г.] во всех [семи] западных областях [Украины], 2813, или 75%, - совершенно никаких результатов, из 4238 столкновений 3929, или 93%,- также без результата”[104].

Эти показатели нельзя расценивать как нетипичные или случайные. В сентябре 1946 г. в совершенно секретном докладе Хрущеву Стоянцев указывал, что из 42 175 операций и вылазок на Западной Украине, в которых участвовали истребительные батальоны, менее 10 процентов (4210 операций) дали удовлетворительный результат. В большинстве же случаев столкновения с противником не происходило или же повстанцы разоружали такой отряд, а поддерживающих советскую власть командиров убивали или похищали[105]. В своих выводах Стоянцев подвергал эти операции резкой критике: “Органы МВД, МГБ, внутренние и пограничные войска на сегодня не перешли в своей работе от активных военных операций к глубокому агентурному проникновению в подполье ОУН. Большинство акций бандитов [повстанцев – *Дж.Б.*] оставались без расследования, ответные меры не проводились и бандитам [повстанцам] удавалось уйти без всякого наказания. Командиры воинских частей МВД стараются уклониться от руководства своими отрядами, которые в большинстве случаев наносят удары вслепую”[106]. Стоянцев жестко критиковал органы МВД/МГБ западных областей за то, что они отказались от проверенных на практике методов - держать оппозицию “на крючке” и проводить массовые аресты с целью вербовки осведомителей. Он указывал также на недостоверные и чрезмерно оптимистичные отчеты, на неспособность восстановить потерянные источники информации

---

104 Из совершенно секретного доклада Стоянцева Хрущеву 8 августа 1946 г. ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 2966. Л. 73.

105 Из совершенно секретного доклада Стоянцева Хрущеву 14 сентября 1946 г. ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 2966. Л. 24-34.

106 Там же. Л. 30.

и полноценно использовать сохранившиеся - и даже на “трусость и нерешительность” в работе органов.

В целом эти данные наглядно показывают, как много в советских органах безопасности по всей Западной Украине было осведомителей, сочувствовавших повстанцам. Вплоть до 1947 г. контрразведка украинского националистического подполья до такой степени контролировала осведомительные сети противника, что фактически сводила на нет советское превосходство в вооруженной силе. При помощи осведомителей НКВД украинские повстанцы устраивали преднамеренные утечки дезинформации. Часто им удавалось водить за нос советские органы безопасности, играя в опасные игры, где ставками были жизни людей.

Более того, как показывают эти же материалы, районное и областное советское руководство на Западной Украине, не желая рисковать, гораздо чаще имитировало энергичные меры, нежели делало конкретные шаги по действительному уничтожению украинской националистической оппозиции. Проанализировав данные за июль 1946 г., Стоянцев приходил к малоприятному заключению: “Многие секретари обкомов и в особенности райкомов [на Западной Украине – *Дж.Б.*], несмотря на активизацию банд ОУН-УПА, ослабили борьбу [с подпольем]. Не учитывая изменившихся вражеских методов борьбы - … бегства в глубокое подполье, индивидуальный террор, операции и вылазки местных отрядов из 3-4 человек… - они продолжают проводить массовые операции без достаточной агентурной подготовки, которые в большинстве ничего не дают”[107]. Двумя днями ранее Стоянцев писал о том же другому секретарю ЦК Компартии УССР, Д.С.Коротченко: “Нужно подчеркнуть, что хотя есть послабление в борьбе против [украинских повстанческих – *Дж.Б.*] банд, в ряде случаев [партийные функционеры на местах] больше стремятся продемонстрировать, что борьба ведется успешно”, нежели действительно пытаются ликвидировать повстанцев. Местные партийные руководители на Западной Украине “вяло относятся к делам у себя под боком”[108].

---

107 Из совершенно секретного доклада Стоянцева Хрущеву 8 августа 1946 г. ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 2966. Л. 73-74.

108 ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 2971. Л. 11.

Поэтому информация и дезинформация стали мощным оружием в руках украинского националистического подполя, сознательно работавшего над тем, чтобы отрезать командные структуры Советов на Западной Украине от своих сил на местах. Повстанцы стремились во что бы то ни стало добиться неуклонного соблюдения конспирации среди своих членов: "Соответственно необходимо: (1) Избавиться в организации [повстанцев – *Дж.Б.*] от неоправданного доверия, от нестойких элементов, уничтожить агентуру в наших рядах. БОЛЬШЕВИКИ ЗНАЮТ, ЧТО ОНИ НЕ МОГУТ ЛИКВИДИРОВАТЬ НАС ТОЛЬКО ВООРУЖЕННОЙ СИЛОЙ И ТЕРРОРОМ"[109]. Без надежной агентуры советские вооруженные операции не могли принести никаких результатов.

Параллельные агентурные сети

Для Советов положение дел должно было стать критическим, прежде чем ситуация начала исправляться. В письме от 25 апреля 1947 г. Министр Внутренних Дел СССР Круглов подверг резкой критике своего коллегу на Украине Строкача (в то время занимавшего пост Министра Внутренних Дел УССР) за резко возросшее число зарегистрированных случаев уголовного бандитизма и вылазок повстанцев. В первом квартале 1947 г. соответствующие статистические показатели по всей Украине выросли более чем на 100% по сравнению с данными за последний квартал 1946 г.! "Агентурная работа и усилия по ликвидации активно действующих банд слабые", – констатировал Круглов[110]. К этому времени программа по радикальной перестройке тактики советской агентуры действовала уже почти год. К ее реализации приступили в основном по инициативе Строкача, наметившего ее общие принципы в совершенно секретном сообщении, датированном 20 июля 1946

109 Член украинского националистического подполья БОГУН в письме к ЗОВУ (полковнику УПА Василю Сидору), сентябрь 1946 г. Из документов, захваченных у повстанцев и направленных секретарем Дрогобычского обкома Горобцом Хрущеву 15 октября 1946 г. ДАЛО. Ф. 5001. Оп. 7. Д. 220. Л. 142.

110 Документ с грифом "совершенно секретно". ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 755. Л. 51-52.

г.[111] Катастрофическое положение дел в начале 1947 г. дало Строкачу возможность, которой он давно добивался, - испытать новые методы работы в регионе, ограниченном семью западными областями Украины.

Развитие параллельных агентурных сетей стало поворотным моментом в борьбе советской власти с украинским подполем. Документы советских органов безопасности, дополненные захваченными материалами украинского националистического сопротивления, наглядно показывают, что Советы одержали победу благодаря созданию на Западной Украине эффективной разведывательной сети. Тайная война советских органов безопасности за проникновение в структуры украинского подпольного движения сопротивления и уничтожение его изнутри, при помощи своей агентуры, стала основным средством, благодаря которому была подавлена украинская оппозиция. 16 апреля 1947 г. состоялось собрание районного руководства МВД и МГБ Львовской области. Стенограмма этого совещания отражает всю ярость и отчаяние советских властей, вызванные упорным сопротивлением украинских националистов, которое они продолжали оказывать и два года спустя после победы СССР в Европе[112]. Именно под влиянием раздражения от постоянных неудач и огромного давления из Москвы местное руководство выработало новую тактику борьбы, усилив работу по внедрению своей агентуры. Учитывая высокие ставки, связанные с этим экспериментом, Хрущев временно был устранен со своего поста Генерального Секретаря Компартии УССР на период с апреля по декабрь 1947 г. Его покровитель Лазарь Каганович в основном и осуществлял надзор за сменой тактики подавления оппозиции на Западной Украине[113].

---

111 ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 521. Л. 87-88.

112См. полный текст стенограммы совещания: ДАЛО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 90. Л. 1-98.

113 За отсутствием конкретных фактических данных историки, как правило, принимают на веру утверждение самого Хрущева о причинах его смещения с поста: Сталину не нравилось сочувственное отношение, которое Хрущев будто бы испытывал к украинцам. На самом деле временная опала Хрущева стала явным сигналом, означавшим осуждение его политики использования массового террора для подавления националистического подполья. За три года руководства Хрущева на Украине не только уцелели вожди и основная

К 1948 г. новая политика Советов стала несомненно приносить результаты. Среди украинских подпольщиков возникла атмосфера недоверия из-за участившихся случаев проникновения в их ряды советских сексотов. Об этом говорится в документах одного из бойцов ОУН РУСЛАНА, обнаруженных после того, как их владелец погиб в перестрелке с отрядом МВД:

> Большевики стараются взять нас изнутри, через агентуру. Это страшный, ужасный прием: никогда точно не знаешь, в чьих руках ты окажешься. На каждом шагу можно ждать [вражеского – *Дж.Б.*] агента. Из-за такой шпионской сети работа всех отрядов часто оказывается раскрытой… Агентура нанесла огромный ущерб [украинской подпольной] организации[114].

В ноябре 1948 г. новая тактика внедрения советской агентуры принесла две большие победы, ставшие действительно поворотным моментом в установлении советского контроля в регионе. 4 ноября 1948 г. был уничтожен ФЕДИР и еще трое повстанцев, возглавлявших самые активных из оставшихся группировок ОУН-УПА на Западной Украине. Эти отряды действовали в Львовской и Дрогобычской, а также в некоторых районах Станиславовской и Тернопольской областей. Еще больший удар по подполью был нанесен 10 ноября 1948 г., когда был ликвидирован МИРОН – печально известный руководитель СБ (контрразведки подпольщиков) в регионе.

Агентурные источники сообщили, что секретарь Гриневского сельсовета Бобркского района Львовской области – местный крестьянин по фамилии Тишишин – был связан с повстанцами. Применив “особые агентурно-оперативные меры” (иначе говоря, пытки), следователи МВД заставили Тишишина

инфраструктура украинских повстанцев - антисоветская оппозиция заручилось активной поддержкой местного населения. Новая политика, проводимая с 1947 г., состояла в нанесении тайных точечных ударах по подполью. Одновременно принимались меры к тому, чтобы завоевать сочувствие нас-еления в целом и достичь относительного согласия между ним и властью. В обобщенном виде различные версии о причинах временного смещения Хрущева со своего поста представлены в: D.R. Marples, *Stalinism in Ukraine in the 1940s*. New York: St. Martin’s Press, 1992. P. 82-96.

114 ДАЛО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 456. Л. 190.

выдать укрытие-бункер, где прятались пятеро его односельчан. В их числе был и сын Тишишина, убитый вместе с остальными повстанцами 10 ноября 1948 г. в ходе советской спецоперации[115]. Последующее расследование показало, что на этот раз Советам наконец удалось уничтожить своего главного врага во Львовской и соседних с ней областях – некоего МИРОНА. Позднее было установлено, что под этим псевдонимом скрывался уроженец села Девятники Дрогобычского района Ярослав Дьякон[116]. По данным МГБ, МИРОН "отличался крайней жестокостью и деспотизмом, он без колебаний использовал самые отвратительные методы пыток и убийств…"[117], применяя их как против советских военнослужащих и гражданского персонала, так и против местных жителей – этнических украинцев, заподозренных в коллаборационизме. МИРОН был не просто беспощаден – именно он разработал множество различных приемов контрразведки повстанцев, которые так успешно себя зарекомендовали по всей Западной Украине. С их помощью повстанцы проникали во вражеские структуры и ликвидировали советские источники информации[118].

---

115 ДАЛО. Ф. 3. Оп. 2с. Д. 467. Л. 92-93. См. также совершенно секретный доклад Грушецкого Хрущеву, датированный 27 ноября 1948 г. ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 5047. Л. 5-9. К сожалению, все документы, касающиеся этого ключевого агента контрразведки украинских повстанцев в Львовской, Дрогобычской и Станиславовской областях, погибли, когда повстанцы почти полностью уничтожили свой архив, облив его фосфорной кислотой.

116 См. информационную сводку в материалах В.И.Лукашевича, подготовленных для процессов над военными преступниками: ДАЛО. Ф. Р-239. Оп. 2. Д. 8. Л. 1-45. Вместе с Дьяконом, в ходе спецоперации 1948 г. были убиты еще трое повстанцев, находившихся в розыске, – Богдан Прокофьев (СТЕПАН), Михайло Ковалик (СТАЛЕВОЙ) и Василь Сохань (ДОВБАЧ). Множество данных указывает на то, что МИРОН был автором руководства, упомянутого в самом начале этой главы, – "Агентура НКВД-НКГБ в действии".

117 ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 5047. Л. 3-4.

118 Биография МИРОНА является замечательным примером того, как формировались руководители контрразведки украинских националистов. Он родился в 1912 г. в крестьянской семье в селе Девятники Ново-Стрелищенского района Дрогобычской области. До 1941 г. работал учителем в школе расположенного неподалеку села Юшковцы. С приходом немцев его назначали бургомистром главного магистрата Бобркского района Львовской области. Позднее Дьякон стал начальником полиции Бобрки – на этом посту

Чтобы нейтрализовать деморализующее воздействие страшной вести о гибели МИРОНА и ФЕДИРА, ОУН в ответ стала распространять слухи о том, что эти лидеры повстанцев на самом деле не погибли. Им будто бы удалось бежать и скрыться в Карпатах, где они активно продолжают борьбу в рядах сопротивления[119]. Сохранившиеся в архивах фотографии и данные патологоанатомической экспертизы опровергают эту версию.

IV
Отказ от насилия

В течение нескольких лет областные и районные власти семи западных областей Украины, следуя указаниям свыше, совершали массовые преступления против местного населения. В 1948 г., однако, высшее руководство СССР приступило к систематической чистке местного аппарата за использование "порочных методов" массовой политической работы и неправильное обращение с крестьянами. В ходе этой кампании - западно-украинского варианта борьбы с "головокружением от успехов" – местное начальство обвинялось во всех "перегибах", допущенных советской властью в регионе за послевоенные годы. Новая политика, направленная на достижение консенсуса и формирование более привлекательного облика советской власти, проводилась за счет публичного шельмования областного и районного руководства за допущенные нарушения. Одновременно с этой кампанией состоялся целый ряд широко освещавшихся в печати показательных судебных процессов, всячески очернявших украинское националистическое подполье.

Хотя война между советской властью и украинским подпольем продолжалась и в 1950-е гг., положение в большинстве областей Западной Украины более или менее стабилизировалась к концу 1948 г. Уже в конце июля этого года из Киева и Москвы поступили отчетливые сигналы о том, что подошло к

он оставался до конца немецкой оккупации. См.: ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 5047. Л. 3-4. Возглавляя полицию Бобрки, в апреле 1943 г. Дьякон руководил бесчеловечным уничтожением местного еврейского населения, проводившегося объединенными силами немецких солдат и украинских националистов. См.: ДАЛО. Ф. 3. Оп. 2с. Д. 467. Л. 94.

119 ДАЛО. Ф. 3. Оп. 2с. Д. 467. Л. 92-93.

концу то время, когда советская власть поощряла использование на Западной Украине чрезвычайных методов. Война закончилась и наступала пора активного кадрового строительства. Категоричное заявление 24 июля 1948 г. резко контрастировало с той жесткой критикой, которой Хрущев подверг в 1945 г. районных руководителей за недостаточное применение силы. В нем отвергались "порочные методы" и ставшее уже хроническим неправильное отношение к крестьянству в массовой политической работе. Особенно досталось руководителям Сокальского района за "нарушение принципа добровольности в организации колхозов, за подмену массовой политической работы одними лишь приказами и администрированием, за запугивание, жестокое обращение и неправильный подход к бедным и средним слоям [западно-украинского – *Дж.Б.*] крестьянства"[120].

А вслед за этим 10 сентября 1948 г. машинистка из местного отдела МГБ подала 19-страничное заявление о преступлениях, совершенных сотрудниками МГБ по отношению к местному населению Западной Украины под прикрытием "борьбы с бандитизмом". Этот документ повлек за собой арест и заключение под стражу прокурора области и его сотрудников. Обвинения, которые позднее подтвердились, включали неоправданное применение силы, несколько убийств, вы-могательство и незаконное присвоение денежных средств[121].

В совершенно секретном сообщении на имя Хрущева, датированном 15 февраля 1949 г., военный прокурор войск МВД Украинского округа полковник юстиции Кошарский подробно сформулировал, в чем состоит новая официальная политика. В разделе "Факты, окружающие вопиющие нарушения советского законодательства спецгруппами МГБ" Кошарский осудил систематическое насилие, применяемое против этнических украинцев сотрудниками особых секретных подразделений органов госбезопасности:

120 ДАЛО. Ф. 3. Оп. 2с. Д. 467. Л. 43-45. Ср. с протоколами совещания Хрущева с руководителями обкомов партии и областных управлений НКВД в мае 1945 г., на котором он неоднократно призывал к эскалации насилия. ДАЛО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 196. Л. 1-73.

121 ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 5174. Л. 86-104.

> В ночь на 23 июля 1948 года этой же спецгруппой [замаскированной под бандитов – *Дж.Б.*] из с. Подвысоцкое была уведена в лес гражданка РЕПНИЦКАЯ Нина Яковлевна, 1931 г.р. В лесу РЕПНИЦКАЯ была подвергнута пыткам.
>
> Допрашивая Репницкую, участники спецгруппы тяжко ее избивали, подвешивали вверх ногами, вводили в половой орган палку, а затем поочередно ее изнасиловали.
>
> В беспомощном состоянии Репницкая была брошена в лесу, где ее нашел муж и доставил в больницу, в которой Репницкая находилась продолжительное время на излечении.
>
> *Из приведенных выше примеров видно, что действия т.н. спецгрупп МГБ носят ярко выраженный бандитский, антисоветский характер и, разумеется, не могут быть оправданы никакими оперативными соображениями.*
>
> Не располагая достаточными материалами, т.н. спецгруппы МГБ действуют вслепую, в результате чего жертвой их произвола часто являются лица, не причастные к украинско-бандитскому [повстанческому] националистическому подполью[122].

К концу 1948 г. Советы изменили свою тактику усмирения Западной Украины, перейдя от массового террора и устрашения населения к пропаганде и просвещению. Насилие, аресты, угрозы

---

[122] Курсив автора. ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 16. Д. 68. Л. 10-17. Автор благодарен Ю.И.Шаповалу, обратившему его внимание на этот поразительный документу. Полный текст на русском языке приводится в книге: Ю.И.Шаповал. Людина і система (Штрихи до портрету тоталітарної доби в Україні). Київ, 1994. С. 52-61. Этот и многие другие подобные примеры позволяют утверждать, что Норман Наймарк в своем интересном исследовании, посвященном изнасилованиям, совершенным военнослужащими Красной Армии в годы послевоенной оккупации Восточной и Центральной Европы, поторопился с выводами. Наймарк полагает, что "…в целом… женщины-славянки… не испытали на себе тех бесчинств со стороны Советов, которым подвергались неславянки – немки и венгерки". N.Naimark. *The Russians in Germany: A History of the Soviet Zone of Occupation, 1945-1949.* Cambridge: Harvard University Press, 1995. P. 107. Ср.: A.-M. de Zayas, *A Terrible Revenge: The Ethnic Cleansing of the East European Germans, 1944-1950.* New York: St. Martin's Press, 1994. P. 34-63.

и запугивание продолжали использоваться и позднее, но беспощадную резню первых послевоенных лет власть теперь отвергала.

-3-
"Москальки":
женщины-агенты и националистическое подполье на Западной Украине, 1944-1948

"Война обнажает проявления насилия мужчин над женщинами, которые обычно не привлекают к себе внимания в социальных отношениях мирного времени"

— *Клаудия Опитц, "От женщин на войне к войне против женщин"*[1]

Вступление

21 января 1947 г., прорабатывая данные, полученные от надежных осведомителей, спецгруппа Главного управления по борьбе с бандитизма (ГУББ) Министерства внутренних дел (МВД) узнала место нахождения МИХАЙЛО - руководителя грозной Службы безпеки, или контрразведки украинских повстанцев, и члена главного командования Организации украинских националистов (ОУН) и Украинской повстанческой армии (УПА)[2]. Свыше пяти лет Советы охотились за МИХАЙЛО с целью ареста или ликвидации. Теперь они приняли все меры

---

[1] C. Opitz. Von Frauen im Krieg zum Krieg gegen Frauen: Krieg, Gewalt und Geschlechterbeziehungen aus Historischer Sicht // *Homme.* 1992. Vol. 3. No. 1. P. 31-44. Ср. Рут Сейферт: "Военные преступления против женщин имеют символическое значение. Их следует анализировать в символическом контексте, связанном с нацией и гендерными отношениями". См.: R. Seifert. The Second Front: The Logic of Sexual Violence in Wars // *Women's Studies International Forum.* 1996. Vol. 19. Nos. 1-2. P. 35-43.

[2] Двумя основными учреждениями советской тайной полиции были Народный комиссариат внутренних дел (НКВД) и Народный комиссариат государ-ственной безопасности (НКГБ). В марте 1946 г. они были переименованы в Министерство внутренних дел (МВД) и Министерство государственной безопасности (МГБ). До 21 января 1947 г. спецгруппы подчинялись Государ-ственному управлению НКВД/МГБ по борьбе против бандитизма (ГУББ). После этого они были переданы под контроль МГБ, которому они и подчинялись вплоть до реорганизации советской полицейской системы, последовавшей после смерти Сталина в 1953 г.

предосторожности к тому, чтобы не дать ему ускользнуть. Место, где скрывался МИХАЙЛО, находилось всего в двух километрах восточнее деревни Жуково, Бережанского района, Терноポль-ской области.

Ночью 21 января, тяжеловооруженная советская часть окружила бункер МИХАЙЛО и приказала находящимся внутри сдаться. Один из людей в укрытии ответил пулеметным огнем и был немедленно убит. В следующие минуты, оказавшись в безвыходном положении, МИХАЙЛО, его жена “ВЕРА” и связн-ая “НАТАЛКА” стали жечь документы. Затем, одну за другой, МИХАЙЛО убил свою жену и связную выстрелами из революьвера, после чего застрелился.

Четыре тела были позже идентифицированные по имеющимся в МВД “трофейным фотографиям”. МИХАЙЛО оказался Миколой Арсеньевичем Березовским. Он родился в 1910 г., получил высшее образование, присоединился к ОУН в 1939 г., после того как бежал от Советов и пересек оккупир-ованную Германией Польшу. Когда в 1940 г. Германия стала готовиться к нападению на СССР, МИХАЙЛО прошел специаль-ную подготовку в немецкой разведшколе в Кракове, где готовили агентов для заброски в тыл противника, обучая их методам диверсии и саботажа. После окончания школы, с 1940 г., МИХ-АЙЛО начал работать в Центральном разведывательном командовании Украинского подполья. Вернувшись на Украину в составе германской армии в июне 1941 г., как офицер специального отряда саботажа, МИХАЙЛО уже к концу первого года войны был назначен главнокомандующим всей СБ.

Жена МИХАЙЛО Вера была руководителем женского отряда в Львовской городской команде ОУН, а Наталка - офицером связи центрального штаба ОУН. Лицо еще одного человека, убитого вместе с ними, было изуродовано взрывом гранаты, поэтому его не смогли опознать.

Перед тем как покончить с собой, МИХАЙЛО отчаянно пытался уничтожить архив СБ. Однако, несмотря на все его усилия, в ходе успешно завершившейся советской операции по обнаружению и ликвидации повстанцев в убежище было найдено два планшета с документами. Среди них были подлинные совет-ские паспорта, выданные на имена различных вымышленных лиц, партийные и комсомольские билеты, удостоверения сотрудников милиции и офицеров МВД, списки местных

жителей, уничтоженных Советами и другие документы[3]. Наиболее ценным из них было письмо на восемь страниц, которое МИХАЙЛО написал Роману Шухевичу, главнокомандующему Украинской повстанческой армии, за неделю до смерти. В этом письме, МИХАЙЛО проницательно оценивал положение украинского повстанческого движения. Главную угрозу он видел в советской агентуре: "Тайные осведомители — наиболее многочисленные и опасные из доносчиков. Эти "москиты" разлагают здоровые ряды нашей организации. От этой формы агентуры мы понесли самые большие потери". МИХАЙЛО был уверен в том, что тайные информаторы были повсюду среди повстанцев: "Если допустить, что в каждой деревне имеется не меньше пяти таких осведомителей, то станет понятно все их значение"[4].

Ни сам он, ни руководство повстанцев, ни историки на протяжении последующих пятидесяти лет не догадывались о том, что в ближайшем окружении МИХАЙЛО находился осведомитель. Связная НАТАЛКА была советским агентом - она и сообщила о местонахождении МИХАЙЛО войскам НКВД[5].

---

[3] См. подлинное сообщение, переданное шифрованной телеграммой с места событий и датированное 27 января 1947. ГАРФ. Ф. Р-9478 (фонд ГУББ МВД/НКВД СССР, 1938-1950 гг.). Оп. 1. Д. 888. Л.111-112. См. также секретный доклад наркома МВД С. Круглова Сталину, датированный 29 января 1947 г. ГАРФ, Ф. Р-9401 (фонд МВД СССР, 1934-1960). Оп. 2. Д. 168. Л.145-146. Это сообщение подтверждается источниками, опубликованными ОУН. См.: P.R. Sodol'. *Ukrains'ka Povstancha Armiia, 1943-1949.* Dovidnyk, 2 vols. New York: Proloh, 1994-1995. Vol. I. P. 64. Как утверждает эмигрантная печать, МИХАЙЛО умер "героической смертью". О его жене и связной в этом источнике вовсе не упоминается.

[4] Архив МВД СССР. Ф. 488 (Управление внутренних войск МВД Украинского военного округа). Оп. 1. Д. 227. Л.76-95.

[5] Данные советских органов безопасности - проблематичные источники. Обзор мнений по этой проблеме см.: Б.В. Ананьич. Историк и источник: Проблемы достоверности и этики // *Archives, Documentation, and the Institutions of Social Memory: Essays from the Sawyer Seminar.* Ed. by: F. X. Blouin, W.G. Rosenberg. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2006. J.Burds. Ethnicity, Memory, and Violence: Reflections on Special Problems in Soviet and East European Archives // Ibid. P. 466-479.

Вербовка агента "Наталки" Советами

История НАТАЛКИ была слишком типичной. Она была завербована в июне 1945 г. выдающимся контрразведчиком майором А.М.Соколовым - основным разработчиком тактики советских спецгрупп на Западной Украине. Соколов прекрасно справлялся со своей работой, заставляя работать на себя непреклонных украинских националистов. Он даже написал стандартное пособие для советских полевых офицеров МВД/МГБ по тактике спецгрупп в борьбе с повстанцами[6].

Как уже было показано выше, в конце Второй мировой войны Советы эффективно использовали агентуру, или сеть осведомителей, для того чтобы посеять взаимные подозрения среди украинских националистических повстанческих групп на Западной Украине. Агентура стала мощным тактическим оружием, к которому прибегали Советы, провоцируя террор повстанцев. Таким образом советская власть старалась вбить клин между организованными силами повстанцев и местным гражданским населением, которое их поддерживало. В этой главе мы сосредоточимся на том, как Советы использовали агентуру. Мы увидим, как они заметили благоприятную

---

[6] "Наставление по использованию войск НКВД при проведении чекистско-войсковых операций". НКВД СССР. Совершенно секретно. 1944. Третья копия машинописного текста этого документа сохранилась в Архиве СБ (Львов, Украина). Из личного дела майора А.М.Соколова в материалах ГУББ следует, что в начале 1946 г. он занимал пост начальника органов МВД-ГУББ по Тернопольской области. В том же году его перевели со специальным заданием в Литву, "как лицо, имеющее практический опыт, касающийся организации и работы спецгрупп" —т.е. секретных подразделений ГУББ, которые специализировались на нелегальных операциях внутри страны. Соколов был специалистом по дезорганизации противника. См. приказы А.А. Леонтьева, возглавлявшего ГУББ, о временном переводе Соколова в Литву, датированные 26 марта 1945 г. ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 527. Л. 14. О выдающейся роли Соколова, как руководителя советской спецгруппы, замаскированной под членов антисоветского подполья в Литве в послевоенные годы, см.: Juozas Daumantas [он же Juozas Luksa]. *Fighters for Freedom: Lithuanian Partisans versus the U.S.S.R (1944-1947).* 2nd ed. Toronto: The Lithuanian Canadian Committee for Human Rights, 1975. P. 81-82; см. также: K. V. Tauras. *Guerilla Warfare on the Amber Coast.* New York: Voyager Press, 1962. P. 78-80. Также см. совершенно секретное сообщение заместителя наркома МВД В. Рясного генерал-майору МВД Литвы Варташунасу в Вильнюс, 29 июня 1946. ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 527. Л. 27.

возможность, открывшуюся с переходом украинского подполья к тактике вербовки агентов по половому признаку. Будет также показано, как в итоге советские органы безопасности стали использовать этнических украинок в качестве советских сексоток, или “секретных агентов”, для того чтобы спровоцировать украинское националистическое подполье к террору и репрессиям против своих же членов.

К счастью, майор Соколов в написанном от руки совершенно секретном докладе на имя начальника Первого отдела ГУББ генерал-майора А.Р. Горшкова оставил подробное сообщение о том, каким образом ему удалось завербовать агента НАТАЛКУ[7]. Вот что писал Соколов, беспристрастно оценивая итоги операции:

> В это время Бережанским РО была задержана связная - «НАТАЛЬКА», которая на допросе показала, что она связная областного проводника ОУН «НЕСТЕРА»…

НЕСТОР был псевдоним Ивана Шиняды, областного командира УПА в Тернополе[8].

> …Она [Наталка – *Дж.Б.*] пыталась убежать из КПЗ— прострелила из пистолета милиционера, ее охраняющего, и, как видно из информации, фигура была интересная.
>
> Я вместе с подполковником т. [А.И.] Матвеевым— выехали в Бережани ее посмотреть[9].

---

[7] Поразительный итоговый доклад был первоначально написан Соколовым собственноручно – документ хранится в: ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 487. Л.175-199. Впоследствии, когда Соколов был представлен к награждению медалью, доклад был напечатан и направлен от его имени Леонтьеву вместе с сопроводительным письмом Горшкова. См. исправленный текст доклада: ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 487. Л.212-223. В документе кратко излагается история создания Соколовым спецотряда “Быстрый” в Тернопольской области в 1945 г.

[8] В ходе этой операции Нестора задержать не удалось – он был ликвидирован позднее, в марте 1946 г. Сведения о его биографии см. в: П.Содоль. *Українська Повстанча Армія, 1943-1949. Довідник*. Нью-Йорк: Пролог, 1995. Т.I. С. 132.

[9] Доклад Соколова звучит достаточно двусмысленно. “Фигура была интересной” обычно означает “личность была интересная”, но здесь, как и в сообщение о вербовке Наталки, присутствуют и сексуальные коннотации. Поэтому эту фразу можно понять и как “у нее была хорошая фигура”.

По рассказам солдат, за время недолгого пребывания в плену у Советов Наталка уже заслужила репутацию “девушки с характером”. Очевидно, Соколова привлек брошенный ею вызов – противника нужно было сломить.

Уверенный в себе после целого ряда успехов, Соколов принял решение завербовать НАТАЛКУ, взяв ответственность на себя.

> Когда мы приехали в Бережани, то ее допрашивали сотрудники ОББ НКВД УССР и подполковник Каганович. Она так ставила свои показания, что по ним никаких оперативных мероприятий провести было нельзя. Ясно было, что она все равно врала, скрывая что-то крупное.
>
> Я свое мнение сказал т. Матвееву, который со мною согласился, и мы решили ее взять в Чертков. На допросе в Черткове она тоже существенного ничего не показала, т. Сараев мне приказал ее забрать в спецгруппу и взять с собой в Бережани, найти возможности заставить ее признаться и реализовать данные, которые она нам дает при допросе.

В донесении Соколова не говорится, что изменилось за это время. Что бы ни произошло между Соколовым и НАТАЛКОЙ за эти несколько дней, до того как он решил вернуть ее в Бережаны, она, очевидно, возвратилась убежденная в том, что ей удалось ввести Соколова в заблуждение. Ей казалось, Соколов поверил в ее готовность сотрудничать с советскими органами безопасности. Однако хитрый Соколов так не считал: в своем донесении он снова и снова признавал тот факт, что одними угрозами и насилием НАТАЛКУ не сломить. Похоже, он относился к этому с уважением. Обработку НАТАЛКИ нужно было вести более искусно:

> Я решил с ней сделать так, по прибытии в Бережани сделать видимость ее вербовки, дать ей задание убить «Нестера» [ее командира у подпольщиков – *Дж.Б.*], я был уверен, что она будет бежать, и в то время, когда она будет бежать от нас, задержать ее [одним из моих оперативников] под видом «СБ» [т.е. под видом повстанцев] и допрашивать как сикcотку [так!] —другого с ней сделать было нельзя.
>
> По дороги в Бережани мы ее везли так, что она не

> видала всей группы, обращение с ней было хорошее, в Бережанах я оформил ее вербовку, дал задание убить «Нестера», дал ей пистолет с отломанным бойком и отправил выполнять задание[10].

НАТАЛКА постаралась обмануть Соколова, играя роль успешно завербованной советской сексотки. Притворяясь, что согласилась сотрудничать, она показала, что часто встречалась с некоторыми повстанцами из группы НЕСТОРА в одном из крестьянских домов в селе Бышки. Повстанцы, как она утверждала, проведут ее оттуда к укрытию НЕСТОРА в лесу. Соколов для видимости согласился с этим планом, но втайне от НАТАЛКИ приказал, чтобы отряд НКВД окружил село и не выпускал бы оттуда никого.

> Как я предполагал, так оно и получилось--«НАТАЛКА» побыла в хате несколько минут, вышла через заднюю дверь, спряталась в кукурузе, что все видел Городецкий [агент Соколова, выдававший себя за офицера СБ повстанцев – *Дж.Б.*], который, дав ей посидеть в кукурзе некоторое время, как-бы случайно ее задержал, обнаружил у нея пистолет и сразу же ее объявил сиксоткой [так!].

НАТАЛКА, очевидно, была в сильном замешательстве – уловка Соколова удалась. Она немедленно сообщила этому человеку, которого принимала за офицера СБ повстанцев, что является связной центрального штаба ОУН, и что ей нужно увидеть своего командира как можно скорее. Она уже пропустила первые две назначенные встречи со своими товарищами. Теперь у нее в запасе оставалась только одна последняя – если она на нее не придет, члены ее подпольной группы поймут, что она арестована и порвут с ней все связи.

---

[10] Для НКВД/НКГБ "оформление вербовки" превращалось в настоящий ритуал. Завербованный должен был подписать особый документ - присягу на верность советской власти. Процедура также включала выбор оперативного псевдонима для работы в качестве советского агента. Психологически, все эти шаги должны были помочь новоиспеченному агенту освоиться со своим положением. Фактически эти действия также ставили его под тотальный контроль советских органов: любая утечка информации автоматически влекла за собой вынесение смертного приговора - как человеку, подписавшему соглашение, так и его родным и близким.

Сведения, которые она должна была передать, были жизненно необходимы повстанческому движению и она умоляла начальника СБ помочь ей.

Продолжая выдавать себя за сотрудника СБ повстанцев, Городецкий обозвал НАТАЛКУ провокатором и лгуньей, отчаянно пытающейся спасти свою шкуру. Действуя также, как поступала в таких случаях СБ, НАТАЛКЕ завязали глаза и повели к убежищу в Бережаны, где ее наконец допросили.

Доведенная до отчаяния, НАТАЛКА перешла роковую черту и стала невольной сообщницей НКВД: она призналась, что ей известно местонахождение место тайных встреч подпольщиков в селе Августовка, где она должна была встретиться с их руководителем БЕЛЫМ.

Это было все, что нужно было узнать Соколову. Хорошо замаскированный “схрон” отряда БЕЛОГО был затем захвачен, большинство бойцов взято живыми. Командир повстанцев РЫНЧАК был убит в ходе операции, но его заместитель ЧАД был захвачен в плен и сломлен на допросе. Шаг за шагом, операция по вербовке НАТАЛКИ стала приносить плоды. Допрошенный советскими органами безопасности, Чад показал местонахождение убежища повстанцев около села Рай, где, предположительно, находился командир повстанцев БЕЛЫЙ. Последнего там не оказалось, но вместо него в окружение попал его адъютант АРТЕМ. Артем оказал ожесточенное сопротивление, поджег имевшиеся при нем документы, большое количество денег, спрятанных в тайнике, и все укрытие. Он даже убил бывшую при нем женщину-связную – ЛЕГЕТУ, после чего пытался бежать, но был ранен в ногу и взят живым[11].

[11] АРТЕМ (оперативный псевдоним Василия Чижевского) сначала стойко сопротивлялся попыткам Советов попыткам наладить контакт, но в конце концов был завербован. Вскоре после этого, в апреле 1945 г., он стал отвечать за связь между отрядами УПА на Западной Украине, возглавляемыми Романом Шухевичем, и заграничной базой УПА в Германии, в Мюнхене. Согласно эмигрантским источникам, АРТЕМ - постоянно перемещавшийся между Галицией и Мюнхеном – был арестован МГБ на границе между Чехословакией и Западной Германией 4 декабря 1945 г. Возможно, уже в апреле 1945 г. АРТЕМ стал двойным агентом, работавшим на советские органы безопасности, - как это следует из донесения Соколова. В таком случае его “арест” в декабре 1945 г. был нужен только для того, чтобы он смог отчитаться перед своими советскими контролерами. В любом случае,

Тем временем заместитель командира повстанцев ЧАД был завербован спецгруппой НКВД и стал сотрудничать с Соколовым, использовавшим его хорошее знание местных повстанческих отрядов. ЧАД привел сотрудников НКВД к ЧАБАНУ - бывшему руководителю жандармерии отряда “Быстрый”. ЧАБАН был также завербован в советскую спецгруппу. Его широкие контакты с повстанцами Тернопольской области помогли органам в течение месяца провести несколько успешных операции по их ликвидации. Так всего лишь один завербованный Советами двойной агент позволил нанести сокрушительный удар по контрразведке повстанцев в Тернополе.

С этого момента след НАТАЛКИ теряется. Сведений о ней в рассекреченных советских документах мы не находим вплоть до самой ее гибели в ходе операции по уничтожению МИХАЙЛО, восемнадцать месяцев спустя. Несомненно, Соколов сообщил своей невольной помощнице о том, какие последствия повлекла за собой раскрытая ею информация. Известие об этом должно было сломить НАТАЛКУ психологически. Украинское подполье не прощало предательства, не слушало никаких оправданий – какими бы мотивами или обстоятельствами оно не объяснялось. НАТАЛКА была поставлена перед выбором: пойти на сотрудничество с Соколовым - или умереть самой и допустить, чтобы репрессиям подверглись ее родные и близкие. Такова была неумолимая и бесчеловечная логика операций советской агентуры.

Артем продолжал работать на Советы до лета 1947 г., когда он был убит в Германии украинской СБ. Сведения о его биографии см.: Содоль. Op.cit. Т. II. С. 108-109.

Гендерный вопрос и украинское националистическое подполье

Одна из наиболее заметных черт гендерной истории украинского подполья 1940-х гг.— почти полное молчание о роли женщин в этом движении. Советские оперативные данные показывают, что женщины постоянно принимали участие – порой весьма значительное – в операциях повстанцев. Напротив, в эмигрантской печати и публикациях украинских националистов почти не содержится информации женщинах в рядах подпольщиков. Замечательно, что во множесте изданий агиографического характера в сонме украинских героев мы почти не встречаем женщин-воинов. Так, например, в последнем двухтомном биографическом справочнике Петра Содоля "Украинская повстанческая армия ", вышедшем в 1995 г., названы имена имена 338 "героев" (и предателей), но только семнадцать из них - женщины. Из этих семнадцати женщин- членов УПА – по данным справочника - лишь немногие "пали смертью храбрых" на поле брани, сражаясь против польских, советских или немецких врагов. И все они без исключения были причислены к героям совсем не потому, что были убиты, или отбывали тюремные сроки, или работали на различных второстепенных для движения направлениях – в сфере культуры, образования или заботы о детях. Почти во всех из этих семнадцати случаях женщины удостоились упоминания об их причастности к подпольной борьбе, потому что они были женами, дочерьми или другими родственницами героев-мужчин. Так же трактует "героизм" и другое издание—"Тернопольская область: список героев Украинской революции, павших в борьбе с русской большевистской оккупационной властью, 13.3.1944—31.12.1948", выпущенное в свет впервые в сентябре 1949 г. в виде машинописного текста. В этой книге памяти названо 718 "павших героев" – среди них только восемнадцать женщин[12].

Перед нами редкий пример, когда героическая роль украинских женщин, участвовавших в борьбе, обсуждается под-

---

[12] Издано исправленное издание: Е.Штендера, П.Потічний. *Тернопільщина. Список упавщих героів української революціі в боротьбі з москвовсько-більщовицькім окупантом за час від 13.3.1944 р. до 31.12.1948 р.* Торонто, 1985.

робно. Марта Н (псевдоним, под которым писала героиня УПА Галина Савицкая-Голояд) в своих выводах солидарна с наблюдениями советских органов: украинские женщины были точно такими же храбрыми и стойкими на поле битвы как и мужчины. "Женщины [в украинском подполье – Дж.Б.], — писала она в конце 1940-х гг., - всегда держались героически на допросах у большевиков или у поляков, не выдавали ни тайн, ни своих соседей, были готовы скорее пойти на муки и смерть"[13]. Точно так же и оперативные работники советской и немецкой разведки и контрразведки постоянно отмечали, что при допросе, "женщины-агенты обычно более упрямо придерживались своих рассказов, чем агенты-мужчины. Логические аргументы, которые приводил проводящий допрос офицер, пытаясь объяснять, что слова агента не могут соответствовать действительности, не оказывали на них такого воздействия, какое они оказывали на агентов-мужчин"[14]. Все сотрудники, проводившие допросы, были уверены, что женщин труднее сломать логическими доводами или угрозой применить силу. Вместе с тем, женщины и детей легче поддавались шантажу, угрозам расправы с их близкими или искушению[15].

---

[13] Марта Н. [Галина Савіцька-Голояд]. Жінка в Україньскому визвольному Русі // *Українська Повстанська Армія: Збірка документів за 1942-1950 рр.*. Мюнхен, 1957, С. 90.

[14] D. Karov. *Interrogation Methods Used by German Counterintelligence in Kharkov, Russia, 1941-1943 /* Historical Division of the U.S. Army Europe, Foreign Military Studies Branch. 1953. No. 14. P. 12-13. Рассекречено Министерством обороны США 31 октября 1997 г. MS# P-138.

[15] Ср. 20-страничный анализ методов советских органов безопасности на Западной Украине, озаглавленный "Агентура НКВД/НКГБ в действии", проведенный Украинской СБ. ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 643, Л.13-24. См. Прил. 2.

В единственных на сегодняшний день подробных воспоминаниях женщины-участницы повстанческого движения на Западной Украине автор не высказывает своих мыслей о роли женщин – вместо этого приводится рассуждения о героизме мужчин. См.: М.Савчин. *Тисяча доріг (спогади) / Літопис УПА*. т.28. Торонто – Львів: Літопис УПА, 1995. Точно так же из двадцати пяти автобиографий женщин–членов украинского подполья, переживших 1940-е гг., только в одной подробно обсуждается вопрос об участии женщин в этом движении. Подавляющее большинство этих текстов представляют собой рассказы о тех мучениях, которые писательницам

Итак, перед нами загадка: если в большинстве советских источников утверждается, что женщины играли такую значительную роль в украинском освободительном движении после войны, то почему об их участии так мало написано? Почему мы так мало знаем об этих женщинах, и особенно об их участии в движении – кроме того, что они играли вспомогательную роль в снабжении продовольствием, обеспечении связи между отрядами, в оказании медицинской помощи?

Выяснение вопроса о том, какую роль в западноукраинском повстанческом движении играли женщины, не сводится к простому признанию их вклада. Необходимо также понять, почему женщины мирились с постоянным замалчиванием их участия.

Женщины на Западной Украине

> "Во время войны женщинам приходится совершать такое, что они и представить не могли в мирное время. Нам всем нужно было выжить".
>
> — *Беженка с Западной Украины, июнь 1945*[16]

Оперативные сводки НКВД, донесения осведомителей, захваченные документы украинского подполья за военные и послевоенные годы показывают, что роль женщин в украинском антисоветском повстанческом движении резко возросла в 1944-1945 гг. По зрелому размышлению, это наблюдение кажется обоснованным. Для этнических украинцев на Западной Украине вероятность погибнуть между 1939 и 1950 гг. составляла один

прешлось претерпеть от рук советских властей. См.: *Літопис нiскореної Украини: Документи, Материали, Спогади*. т.1. Львів: Просвіта, 1993.

Другой знаменитый пример женского служения украинскому националистическому движению также оперирует образом женщины-жертвы. Во время восстания заключенных в советском исправительном трудовом лагере в Кенгире в 1953 г. более 150 украинских женщин и девушек, принявших участие в мирной демонстрации, погибли под гусеницами советских танков, брошенных на подавление "бунта". Этот случай часто упоминается в эмигрантской печати и в современных украинских публикациях для демонстрации мужества украинских женщин.

[16] Цит. по: W.Lotnik, *Nine Lives: Ethnic Conflict in the Polish-Ukrainian Borderlands* (London: Serif, 1999), 191.

шанс из трех - в ожесточенных конфликтах с этническими поляками, в ходе массовых арестов и казней, которыми отмечена советская оккупация региона в 1939-1941 гг., или же в период нацистской оккупации, сменившей советскую с июня 1941 г. и продолжавшейся до июля - августа 1944 г. Трудоспособная молодежь при Советах рисковала быть высланной в Сибирь, в исправительно-трудовые лагеря, а позднее, при немцах, - быть направленной на работу в Германию в качестве "остарбайтеров". С возвращением советских войск в регион осенью 1944 г. любой украинский мужчина старше тринадцати лет рисковал тем, что его могли арестовать, расстрелять, призвать в Красную Армию или в органы НКВД/НКГБ. В итоге большинство западно-украинских мужчин в возрасте от четырнадцати до сорока пяти лет скрывались в лесах или в подземных укрытиях-"схронах", где и дожилались окончания войны. Кем бы они ни были – друзьями или врагами, советская власть была уверена в одном – ее противник, безусловно, мужского пола[17].

В разгар советского наступления на Западной Украине, за которым последовало изгнание немецких войск, командир одного из отрядов украинских повстанцев, базировавшегося в районе Равы-Русской на юго-восточной границе Польши, писал в обширном рапорте, датированном 21 августа 1944 г.: "Евреи-коммунисты-большевики считают нас [украинцев – *Дж.Б.*] врагами. Ни один молодой мужчина [украинец] не может остаться незамеченным большевиками [без того чтобы быть задержанным, избитым, расстрелянным, или высланным]. НКВД проводит аресты с помощью секретных агентов (сиксотов) [так!] и террора. Таким образом, на 13.VIII.44 в селе Лаврикив 9 человек были арестованы с помощью двух осведомителей—один из них белорус, который находился здесь начиная с 1941 г., а другой дурак из нашей собственной штаб-квартиры, который

---

[17] Сходное поведение описано в весьма познавательной статье: L.Viola, "We Let the Women Do the Talking": Bab'i Bunty and the Anatomy of Peasant Revolt // *Peasant Rebels Under Stalin: Collectivization and the Culture of Peasant Resistance.* New York: Oxford, 1996. P. 181-204. Как объясняет Виола, сравнительно мягкое обращение советской власти с женщинами приводило к тому, что в крестьянской среде развивались отчетливо женские формы сопротивления. Часто именно женщины выражали общее недовольство, в то время как мужчины держались в задних рядах.

сдал и разрушил всю нашу сеть”. Советы - продолжал он - “окружают села, затем хватают любого, кого они могут найти. Они так грубо высмеивают [сельских жителей], что в конце концо удается выяснять все, что они знают: кто был ответственный офицер местной группы, где он скрывается, где все люди. Большевики использовали этот метод в Билка Масовицка. На 16.VIII.44 они окружили почти 200 людей в селе, но арестовали только 50 людей и били их очень сильно. Они отделили от остальных 10 человек, и оставили двух очень сильно избитых. Некоторые были освобождены в тот же самый день, но оставшиеся 25 человек были задержаны до 21.VIII.44. Таким же образом на 18.VIII.44 [большевики] окружили село Лыпна, схватили всех мужчин в деревне и отделили их от остальных, сожгли три дома, одного человека застрелили и затем уехали в Раву-Русскую”. С того времени, писал он, “всякий раз, когда [люди] видят даже одного [советского]солдата, они убегают из дома. Ночью они [местные жители] не спят”[18]. Ниже читаем: “В селе Лисец [в Станиславской области в начале августа 1944 г. – *Дж.Б.*] появился вербовщик, который забрал много людей. Старики были освобождены”, в то время как остальные мобилизованы в Красную Армию[19].

Повторное вступление советской войск в западные пограничные области привело к массовому бегству местных жителей из деревень. Это наблюдение подтверждается многочисленными сообщениями очевидца. Врач Зигмунт Клуковский из Щебжешина в Восточной Польше в дневниковой записи от 10 октября 1944 г. оставил описание той же самой модели поведения советских оккупационных сил, имевшей совершенно отчетливую гендерную направленность: “Поздно вечером в

[18] Рапорт командира роты УПА ЕРЕМЫ, датированный 21 августа 1944 г., найденный на трупе повстанца роты ОРЛИКА, убитого в ходе перестрелки с советскими войсками 24 августа. После перевода на русский язык документ был направлен заместителю командира 5-ого Отдела НКВД Украины подполковнику Тарасенко. ДАЛО. Ф. 3 (Львовский обком партии). Оп. 1. Д. 70. Л.56-56 об.

[19] См. рапорт командира отряда повстанцев КОЧЕВИКА из Лисецкого района в штаб-квартиру ОУН, датированный 15 августа 1944. Впоследствии документ был захвачен НКВД. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17 (ЦК ВКП(б)). Оп. 125. Д. 336. Л. 181.

воскресенье советские войска окружили село Мазов. Передвигаясь от дома к дому, они арестовали приблизительно трехсот мужчин - все призывного возраста - и отправили их воинские казармы в Замостье. Кажется, что это новый способ мобилизации"[20]. В марте 1945 г. в письме к родственникам этническая украинка З.Ф. Шевчук писала из села в Дрогобычской области: "Весна здесь будет трудная. Немцы забрали всех наших лошадей и телеги, а советы - мужчин до сорока пяти лет в армию. Только несколько [мужчин – *Дж.Б.]* остались, [кто] работали в лесу"[21]. В таком же духе другая крестьянка из Дрогобыча, М.С. Васюрко, писала мужу 4 апреля 1945 г.: "Здесь очень тепло, погода весенняя. Но это ничего не значит, так как у нас нет лошадей в селе и нет мужчин. В селе остались только женщины и несколько стариков"[22].

Когда советские войска только вошли на Западную Украину в 1944 г., применение насилий и репрессий имело гендерный характер. Сначала от вторжения советских сил пострадали в первую очередь мужчины-украинцы. Женщины, хотя и становились прямо или косвенно его жертвами, все же были в известной мере значительно свободнее в своих передвижениях. В таких обстоятельствах, украинское националистическое подполье, не имея другого выбора, все больше и больше полагалось на женщин и девушек, поручая им выполнение жизненно важных для повстанческого движения задач.

Так было не всегда. В своем исследовании Дж.Армстронг поддерживает сложившееся о том, что до 1944 г. украинское подполье не уделяло особого внимания женщинам в своих рядах: "В целом, наблюдатели, принадлежащие к украинскому националистическому движению, согласны в том, что женщины

20 Z.Klukowski. *Red Shadow: A Physician's Memoir of the Soviet Occupation of Eastern Poland, 1944-1956.* Jefferson: McFarland & Co., 1997. P. 24.

21 Письмо украинской женщины З.Ф. Шевчук из села Долгое Меденицкого района Дрогобычской области родственникам в Кировоградскую область, датированное 20 марта 1945 г. Задержано и скопировано военной цензурой. ДАЛО. Ф. 5001 (Дрогобычский обком партии). Оп. 6. Д. 46. Л.96-96 об.

22 Письмо украинской женщины М.С. Васюрко из деревни Лышняя Дрогобычского района той же области своему мужу, датированное 4 апреля 1945 г. Задержано и скопировано военной цензурой. ДАЛО. Ф. 5001. Оп. 6. Д. 46. Л. 97.

были менее политически активны чем мужчины. Поскольку имеется слишком мало доказательств, чтобы категорически утверждать подобное, можно только предположить, что [украинское – Дж.Б.] националистическое движение пренебрегло полезным источником поддержки, которым, конечно же, воспользовалось коммунистическое подполье”[23].

Но нужда—мать изобретений. На Западной Украине это привело к тому, что в украинском националистическом подполье стало возрастать число женщин и девушек, целенаправленно вступавших в ряды повстанцев и выполнявших насущные задачи этого движения. Разработчиком принципиально новой тактики ОУН-УПА, связанной с переходом к вербовке женщин-агентов, был Григорий Прышляк (оперативный псевдоним МИКУШКА), возглавлявший весной 1944 г. Службу безпеки (СБ), или службу безопасности западно-украинского подполья[24]. В расшифровке стенограммы допроса НКВД начальника СБ города Львова Иосифа Панькова, захваченного Советами 28 октября 1944 г., совершенно определено говорится о новой, основанной на гендерном принципе, тактике украинского подполья накануне возвращения советский войск на Западную Украину: “«МИКУШКА», исходя из той же оценки положения, что для мужщин [так!], в частности участников СБ с приходом Красной Армии в гор. Львов будет затруднено легальное нахождение в Львове, решил переориентироваться [т.е. переориентировать тактику повстанцев – *Дж.Б.*] на использование женщин для работы в СБ”[25]. Впоследствии Паньков приказал ликвидировать существующие контакты, которые поддерживали агенты-мужчины. Этих людей реорганизовали в боевые отряды, мобилизовав для партизанской войны против Советов. На их место Паньков завербовал и обучил исключительно агентов женщин. Поскольку он сам готовился покинуть Львов, его родная сестра Юлия

---

23 J.A.Armstrong. *Ukrainian Nationalism, 1939-1945*. Englewood: Ukrainian Academic Press. 1990. P. 187-188; K.D. Slepyan. ‘*The People’s Avengers’: Soviet Partisans, Stalinist Society and the Politics of Resistance, 1941-1944.* Ph.D. Diss. University of Michigan, 1994. P. 250-265.

24 Одним из этих новых членов была Мария Савчин (оперативный псевдоним МАРИЧКА), оставившая пространные воспоминания о вступлении в ряды подпольщиков и о последующей работе. См.: M. Savchyn. Op.cit.

25 ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 135. Л. 193.

Панькова (оперативный псевдоним УЛЬЯНА) была назначена руководителем СБ по городу Львову. В это время ей было двадцать три года[26].

Вскоре, по приказу руководства украинского националистического повстанческого движения, начался массовый призыв женщин в ряды подпольщиков. Первоначально массовая вербовка привлекла большее число женщин на вспомогательные роли. Например, в июле 1944 г. появились указания об увеличении числа женщин на экономической работе[27]. Директивы повстанцев, датированные 14 августа 1944 г., раскрывали роль женщин в поддержании связи между отрядами: "Как можно скорее организуйте систему коммуникаций с подрайонными отрядами ОУН. Каждая линия связи должна быть составлена из четырех девушек: одна из района и три из подрайонов"[28]. 11 августа 1944 г. и повторно в начале октября 1944 г. были даны точные инструкции о расширении *"жіночої сітки"* — повстанческой "женской сети"[29]. Для создания этих расширенных сетей требовалось привлечь надежных женщин, которым можно было бы поручить тайные задания – передавать сообщения, доставлять секретные грузы по указанным маршрутам, следить за объектами, работать санитарками в отрядах, снабжать бойцов продовольствием, и даже участвовать в диверсионных операциях. В инструкции, датированной октябрем 1944 г., женщинам отводился более широкий спектр ролей: "Под различными предлогами послать часть кадров [повстанцев – *Дж.Б.*] (особенно женщин) в

---

[26] Очевидно, в июне 1945 г. УЛЬЯНА была перевербована и стала советским агентом Хотя ее агентурные данные были переданы в центральный архив Комитета Государственной Безопасности (КГБ), сохранилось личное дело агента вместе с информационным сообщением о ее вербовке. Доклад Народного комиссара внутренних дел Украины. Т.А. Строкача показывает, что УЛЬЯНА была самым важным агентом, которым он руководил непосредственно. См. личное дело и доклад Строкача, датированный 13 июня 1945, в: ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 487. Л.75-76 ("Дубликат личного дела агента УЛЬЯНА").

[27] Секретные повстанческие "временные инструкции", как следует действовать в случае вступления Красной Армии на Западную Украину, датированы 7 июля 1944. ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 126. Л. 234

[28] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 336. Л. 48.

[29] ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 126. Л.226-228 об.; Л.315-315 об.

города и рабочую среду."[30]. Другие директивы, появившиеся в том же месяце, требовали привлекать украинских женщин к работе в УКК—Украинском Красном Кресте[31]. С конца 1944 г. женщины-агенты украинского националистического подолья, прошедшие курс элементарной подготовки, регулярно направлялись на Восточную Украину для проведения тайных операций[32]. Скоро в практику оперативной работы повстанцев вошло положение о том, что украинские "женщины точно также обязаны служить подполью, как и мужчины... Все женщины в подполье должны носить пистолеты и, в зависимости от наличия, другое оружие"[33]. К июлю 1945 г. органы НКВД регулярно сообщали данные о вооруженных отрядах повстанцев, состоящих преимущественно или исключительно из молодых украинских женщин[34].

---

30 Инструкции из центральной штаб-квартиры ОУН-УПА, датированные 10 октября 1944 г., сохранены в МВД в 'Особых папках' Сталина. Совершенно секретный доклад Берии Сталину датирован 6 января 1945. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 92. Л. 55. Есть основания полагать, что "феминизация подполья" происходила во всех регионах, попавших под советский контроль. См. многочисленные упоминания о женщинах в: Klukowski. Op.cit. См., например, его высказывания на с. 41: "Это возможно [главный] контакт. . . только через женщин- связных".

31 ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 126. Л.316-317 об.

32 ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 292. Л. 15.

33 ДАЛО. Ф. 5001. Оп. 7. Д. 220. Л. 143.

34 См., например, написанное от руки донесение офицера Яковлева, руководившего операциями НКВД в Шумском районе, на имя начальника Шумского районного отдела НКВД капитана Треско. Яковлев описывал диверсионную группу УПА из десяти женщин, вооруженных автоматами и одетых в военную форму, которые иногда выдавали себя за советский партизанский отряд. ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 487. Л.203-203 об.

Феминизация украинского подполья

> “Женщина, когда стремиться к подлости, способна опуститься намного ниже, чем самая гнусная мужская особь”.
>
> — Хамиль Грант. “Шпионаж и разведка” (1915)[35]

Еще накануне “освобождения” Советами Западной Украины, в конце июля-августа 1944 г., донесения немецкой военной разведки с удовлетворением отмечали явный сдвиг в повстанческой тактике в пользу привлечения женщин к работе в подполье. Так в середине 1944 г. в совершенно секретном меморандуме имя обер-группенфюрера СС Ханса Прущмана бригаденфюрер Бреннер писал о том, что “УПА приостановила все атаки на части немецкой армии. УПА систематически посылает разведчиков, в основном молодых женщин, на занятую противником территорию, и полученные разведданные передаются в Отдел 1С группы армии” вермахта на Южном фронте[36]. (Ханс Пруцман был главой СС на Украине – им были

---

[35] Цит. по: J. Wheelwright. *The Fatal Lover: Mata Hari and the Myth of Women in Espionage.* London: Collins & Brown, 1992. P. 1. Об образах женщин-шпионок см. новаторскую работу: Ch.Bold. Under the Very Skirts of Britannia: Re-Reading Women in the James Bond Novels // *Queen’s Quarterly.* 1993. Summer. P. 311-328; а также: J.Wheelwright. Poisoned Honey: The Myth of Women in Espionage // *Queen’s Quarterly.* 1993. Summer. P. 291-310. О смене ролей в разведке и появлении вместо традиционной коварной соблазнительницы, заманивающей потенциального информатора в свои сети, “шпионов-Ромео”, вербующих женщин, см. автобиографию руководителя внешней разведки ГДР Маркуса Вольфа: M.Wolf. Spying for Love // *Man Without a Face: The Autobiography of Communism’s Greatest Spymaster.* New York: Random House, 1997. P. 123-150.

[36] ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 4152. Л. 340. Об ‘отделах Пруцмана’ см.: P.Biddiscombe. *Werewolf! The History of the National Socialist Guerrilla Movement, 1944-1946*. Toronto: University of Toronto Press, 1998.

Сами немцы, напротив, по всей видимости избегали использовать агентов-женщин на Востоке: “Агенты женщины. Существовали опасения, что женщина – хотя она и скорее может пойти навстречу немецким предложениям – столь же легко поддается и воздействиям других сил. Кроме того, использование женщин наносило вред дисциплине в группе. Поэтому в отделе F[ront] A[uf] K[laerung] III агенты-женщины использовались только в особых случаях, когда не удавалось найти никакого другого способа”. Отдел FAK отвечал за фронтовую разведку и контрразведку абвера. См.: *German Methods of Combating the Soviet Intelligence Services*. 3 May 1946. NARA RG 319

созданы так называемые отделы Пруцмана, т.е. оставляемая в тылу противника диверсионная сеть или отряды "вервольфов"). Доклад Бреннера попал в руки Советов и постоянно входил в состав "особой папки" НКВД за военный период и послевоенные годы, когда проводились разведывательные операции на Западной Украине[37].

Явный гендерный сдвиг в тактике украинского повстанческого движения почти сразу же был замечен боевыми частями НКВД, действовавшими на Западной Украине. В совершенно секретном докладе в НКВД, датированном 11 ноября 1944 г., майор государственной безопасности В.А.Чугунов обобщал данные, полученные во время допросов ключевых фигур украинского подполья. Благодаря его докладу Советам стали понятнее изменения в тактике повстанцев, которые шире, чем прежде, привлекали в свои ряды украинских женщин и девушек:

> После изгнания немецких оккупантов из западных областей Украины и проведения мобилизации мужского населения в

Records of the Army Staff. Records of the Office of the Assistant Chief of Staff. G-2, Intelligence. Records of the Investigative Records Repository. Security Classified Intelligence and Investigative Dossiers, 1939-76. NND921046 Heinrich Schmalschlaeger. IRR Box 11. Folders 1-2, 5-6. ["Немецкие методы борьбы с советской разведкой". 3 мая 1946 г. NARA RG 319. Документы Главного штаба вооруженных сил. Документы канцелярии заместителя начальника штаба. G-2. Разведка. Документы архива следственных дел. Секретные досье разведки и следствия, 1936-1976 гг. NND921046. Генрих Шмальшлегер. IRR. Ящик 11. Папки 1-2, 5-6].

Немецкая тактика изменилась к концу войны. "Среди стажеров [отрядов "вервольфов" – *Дж.Б.*] были женщины и большое число членов гитлерюгенда". NARA. RG319. Records of the Army Staff, Records of the Office of the Assistant Chief of Staff, G-2, Intelligence, Records of the Investigative Records Repository. Security Classified Intelligence and Investigative Dossiers, 1939-76. U.S. Army Interrogation of Josef L. Roosen, 29 May 1945. Extract, 3. [NARA. RG319. Документы Главного штаба вооруженных сил. Документы канцелярии заместителя начальника штаба. G-2. Разведка. Документы архива следственных дел. Секретные досье разведки и следствия, 1936-1976 гг. Материалы допроса Йозефа Л. Роозена военной разведкой, 29 мая 1945 г. Отрывок, с. 3.].

[37] О разведывательных операциях западных спецслужб на Западной Украине во время и после Второй мировой войны см.: J.Burds. *The Early Cold War in Soviet West Ukraine, 1944-1948* / The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies. No. 1505. Pittsburgh: University of Pittsburgh, 2001.

> Красную Армию, по приказу местного командования ОУН были созданы сельские, подрайонные, районные, окружные и областные руководства ОУН из числа [местных – *Дж.Б.*] женщин, которые имеют следующие референтуры: хозяйственную, связи и разведки.

В настоящее время женская хозяйственная референтура играет основную роль в сборе продовольствия и других вещей, необходимых УПА, так как они в своей хозяйственной деятельности находятся вне всяких подозрений. Все собранное продовольствие и вещи затем передаются в распоряжение бандитов.

Основная задача женской разведки—это сбор информации о передвижении частей Красной Армии, и о выездах из районных центров сотрудников НКВД на операции. Станичная [т.е. назначенная из числа местных жителей – *Дж.Б.*] женщина каждый день назначает в порядке очередности по несколько разведчиц. Каждая разведчица обязана три раза в день являться в назначенный ей населенный пункт (утром, в обед и вечером) узнать, что там нового, нет ли там [советских] войск и проинформировать станичную [женщину] соседнего села о положении в селе, из которого она пришла. Эта информация проверяется [каждый день непосредственно станичной] на встрече с каждой разведчицей. Ежедневно информация концентрируется у станичной, которая принимает решение в части предупреждения бандитов, скрывающихся [в окрестностях] нелегалов.

> Связные из числа женщин являются постоянными и должны сохранять полную секретность. Связная одного населенного пункта знает только одну связную, с которой ей поручено поддерживать связь. По этой эстафетной связи из села в село передается корреспонденция [повстанцев]: различные распоряжения, листовки, и националистическая литература. Эти же связные являются руководителями различных посыльных, которые следуют по делам организации и следят за передвижением членов ОУН[38].

---

[38] Совершенно секретное донесение заместителя начальника Шестого отдела ОВВ НКВД СССР майора МГБ Чугунова 11 ноября 1944 г. ГАРФ. Ф. Р-9478.

Местные женщины и дети обычно подавали сигнал тревоги, предупреждая повстанцев, скрывающихся от новых властей в их или ближнем селе. Так как традиционный крик “Хлопцы, ворог близко!” все чаще приводил к репрессиям, к концу 1944 г. были появились новые способы привлечь внимание и при этом защититься от возмездия со стороны советов: “Бандиты!”, “Грабят!” или “Убивают!”

Конечно, собрать информацию еще не означает выработать успешные методы борьбы с противником. В конце 1944 – начале 1945 г. советская разведка все чаще отмечала, что повстанцы все больше полагаются на женщин и детей. Советы пытались найти решение этой проблемы. В совершенно секретном докладе, датированном 6 октября 1944 г., командир пограничного отряда НКВД на Украинском фронте подчеркивал трудности, создаваемые украинскими женщинами и детьми, которые своей шпионской деятельностью серьезно подрывали эффективность советских операций: “Многие дети в возрасте 12-15 лет и женщины работали и продолжают работать как активные осведомители и посыльные между бандами и подпольными организациями ОУН и УПА. Они также организовывают доставку продовольствия для банд и предупреждают их относительно появления [советских – *Дж.Б.*] пограничных дозоров в их областях и о возможных военных действий последних против них. Это соответствует инструкциям центра ОУН, который приказал [местным командирам], использовать [больше] женщин для подпольной работы — главным образом для связи периферии и центра”[39].

Мер, принимаемых советскими войсками, было явно недостаточно для решения специфической проблемы, вызванной участием женщин и детей в повстанческом движении. Подобная мысль стала настойчиво повторяться в докладах, поступавших в

Оп. 1. Д. 381. Л.164-168. Доклад основан на материалах допросов членов ОУН-УПА Петра Дьячишина и Михайло Гачкевича, проведенных в октябре 1944 г. Биографические данные см.: Содоль. Op.cit. Т. II. С. 21. Копия допроса Дьячишина хранится в: ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 487. Л.79-96.

[39] Из совершенно секретного доклада командира пограничного дозора НКВД на Украинском фронте Грушецкому, 6 октября 1944. ДАЛО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 70. Л. 5 об.

центр из самых разных районов Западной Украины. В январе 1945 г. в докладе, обращенном непосредственно к Первому секретарю ЦК КПУ(б) Никите Хрущеву, секретарь Жолкевского райкома Бычков писал: украинское подполье "имеет большую женскую организацию—так называемую женскую сеть (*жіноча сітка*)... [Женщины *Дж.Б.*] - их главная сила — в сигнализации, продовольствии, и так далее. Я встречал их. Однако мы арестовали очень немного женщин". Обращаясь прямо к Хрущеву, Бычков мрачно замечал: "Мы должны сделать что-нибудь больше относительно этих женщин!"[40].

В регулярных докладах МВД Сталину о борьбе с движением сопротивления на Западной Украине мы не встречаем ни одного упоминания о женщинах среди убитых или захваченных повстанцах вплоть до февраля 1945 г.[41] С этого времени женщины появляются в этих сводках все чаще. Это соответствует свидетельствам с мест, отмечающим рост числа убитых советскими войсками женщин, подозреваемых в принадлежности к подполью[42]. Хотя в советских источниках общая численность потерь повстанцев указывается без раз-

---

[40] Из стенографического отчета о встрече Хрущева с руководством советской кампании по умиротворению Западной Украины, 10 января 1945. ДАЛО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 191. Л. 51.

[41] Этот вывод основан на обзоре периодических докладов НКВД Сталину, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации в Москве, составленном В.А. Козловым и С.В. Мироненко. См.: *"Особая папка" И.В. Сталина.* Москва: Благовест, 1994. Первой украинской женщиной-шпионкой, упомянутой в донесениях Сталину, была доктор Мария Коцуба (оперативный псевдоним "Марта"), задержанная в Станиславове в феврале 1945 г. "Марта" была дочерью известного украинско-галицийского генерала Первой мировой войны М. Тарновского. См.: ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 93. Л.54-62. Л.55-56 (совершенно секретный доклад, датированный 12 февраля).

[42] О "героическом" участии женщин в украинском антисоветском подполье, см.: Марта Н. [Галина Савіцька-Голояд]. Жінка в Україньскому визвольному Русі. Р. 88-102, С.Ф.Хмель. *Українська партизанка з крайових матеріалів* Лондон, 1959.

Марта Н. также приводит множество примеров гибели украинок, замученных Советами, но так и не выдавших сведенний о повстанцах. См. также двадцать пять автобиографических очерков об украинских женщинах-подпольщицах: *Літопис ніскореной Украини.* Т. I. С. 424-640; а также пятнадцать биографий женщин-повстанцев в: Содоль. Op. Cit. Т. I. С. 70-73, 79, 83-84, 104-5, 116-117; Т. II. С. 10, 20, 26-27, 35-36, 44-45, 81.

деления погибших по половому признаку, можно попытаться оценить долю женщин среди жертв советского насилия, используя данные сообщений об отдельных операциях.

К марту 1945 г. ОУН-УПА, ранее полагавшиеся на женщин лишь в отдельных случаях, стали полностью зависеть от них во всех областях нелегальной деятельности. Вот лишь один пример: с 20 февраля по 24 марта 1945 г. местные органы НКВД и НКГБ арестовали сто пятнадцать членов подполья ОУН в Лопатинском районе (в окрестностях Львова). Из них двадцать пять вели подпольную работу для ОУН в районном центре, передавая информацию военным отрядам. Большинство этих секретных агентов повстанцев были женщины[43].

Возрастающее участие женщин не осталось незамеченным местными советскими кадрами, ответственными за подавление повстанческой деятельности. Например, первый секретарь Струмиловского райкома партии Боргунов (также из окрестностей Львова) определял женщин как главного врага советской власти за пределами непосредственных боевых столкновений: "Мы имеем огромное число женских сетей (*жіноча сітка*) [украинских повстанцев – *Дж.Б.*]. Из данных явствует, что в селах, скажем, с 1000 жителей имеются 50-60 членов ОУН, и значительная доля их - женщины. В некоторых селах они руководят [подпольной] работой. Женские сети [как правило] не военные части, а скорее формируют организационную, вспомогательную силу из бандитов [т.е. повстанцев], с которыми, - угрожающе заключает Боргунов, - мы должны рассчитаться, если не теперь, то позже"[44].

"Грехи их отцов": борьба советской власти с семьями повстанцев

Беспрецедентный рост числа украинских женщин в подпольном движении в 1944-1945 гг. превышал потребности подполья. Возрастание доли украинских женщин в рядах пов-

---

43 Из доклада секретаря Лопатинского райкома Костенко. ДАЛО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 195. Л. 115.

44 ДАЛО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 195. Л. 125. Подробные данные см.: ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 126. Л. 201-202. В числе названных здесь 300 членов "банд" ОУН-УПА 80 - женщины.

станцев вызывалось общим пробуждением политического самосознания западно-украинских женщин в жестоких условиях советской оккупации. Женщины начинали поддерживать повстанческое движение по ряду причин. Однако политика новых властей, не проводившая различий между повстанцами и гражданским населением в целом, здесь - как и в других регионах - в значительной мере способствовала вовлечению многих женщин в борьбу с Советами. Главная проблема состояла в том, что к ответственности за действия повстанцев привлекались и наказывались их жены и другие близкие родственники. Как заметил один из офицеров УПА в августе 1944 г.: "Большевики, сами не понимают, что они делают: или заставляют людей прятаться, или арестовывают их. Мы должны принять это во внимание, так как в этом [в злоупотреблениях советской власти – *Дж.Б.*] заключаются и наша сила, и наша надежда"[45].

Репрессии против членов семей подпольщиков являлись насущной частью методов проведения советской политики в областях, охваченных повстанческим движением. Уже в январе 1945 г. Советы ясно осознали некоторую противоречивость своих методов. На совещании руководителей районов и сотрудников НКВД-НКГБ Львовской области непосредственные проводники этой политики усмирения региона подверглись острой критике за недостатки в работе с семьями повстанцев. "В нашей работе имеется одна ошибка, - доказывал командир 88-ого пограничного отряда НКВД, - Мы убиваем повстанцев, мы видим мертвого повстанца, но за каждым [мертвым] повстанцем остается жена, брат, сестра и так далее". Членов семей погибших объединяет чувство преследования со стороны властей – в будущем оно порождает бесчисленные очаги сопротивления. Когда же, спрашивал командир отряда, советские войска начнут наказывать семьи повстанцев?[46]

Советские должностные лица на Западной Украине пришли

---

[45] Рапорт командира роты УПА ЕРЕМЫ, датированный 21 августа 1944 г., найден на трупе повстанца роты ОРЛИКА, погибшего во время перестрелки с советскими войсками 24 августа. ДАЛО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 70. Л. 56.

[46] ДАЛО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 191. Л. 46. Как следует из донесения из Дрогобыча, датированного 27 декабря 1945 г., многие жители поддерживали эту точку зрения. ДАЛО. Ф. 5001. Оп. 6. Д. 53. Л. 233-234.

к выводу, что недостаточно ликвидировать одних лишь активных участников повстанческого движения: зараза должна быть вырвана с корнем — нужно всячески преследывать, арестовывать, сажать в тюрьмы, подвергать пыткам и депортировать членов их семей. В феврале 1946 г., на встрече Н.С.Хрущева с районными и областными партийными руко-водителями, начальниками областных управлений НКГБ и НКВД и командующими военными округами на Западной Украине, первый секретарь Дрогобычского обкома Олексенко обратился прямо к Хрущеву: "Я прошу Вас, Никита Сергеевич. Дайте нам эшелоны, чтобы мы могли выслать семейства повстанцев. Это имеет большое значение и поможет нам достигнуть [нашей цели – *Дж.Б.*]. Мы готовы провести массовые высылки ..."[47].

В течение недели Хрущев дал свое официальное согласие на расширение акций против националистического подполья, после чего резко возросло число членов семей повстанцев, депортированных с Западной Украины. Начиная с июня 1945 г. 10 139 украинских семей (26 093 человек), заподозренных в антисоветской деятельности, уже были высланы в Сибирь[48]. Первоначально "многие полагали, что мы [советские должностные лица] фактически не будем высылать их, а только попугаем"[49]. Понимание пришло, как только увеличились темпы высылок. К концу 1947 г. из семи областей Западной Украины на Дальний Восток было выслано 26 644 семей повстанцев, что поставляло 76 192 человека —18 866 мужчин; 35 152 женщины и 22 174 ребенка. Таким образом, число женщин и детей превосходило число взрослых мужчин больше чем в три раза. По распоряжению от 10 сентября 1947 г. 21 380 семьи (61 814

---

[47] Фрагмент "Стенограммы совещания секретарей обкомов КПУ(б), нач[альников] облуправлений НКВД, НКГБ, командующих военных округов, от 14 февраля 1946 г." Центральный Государственный Архив Общественных Организаций Украины (Центральний державний архів громадських об'єднань України – далее ЦДАГОУ). Ф. 1 (ЦК Компартии Украины. Особый сектор. Секретная часть). Оп. 23. Д. 2884. Л. 39.

[48] Данные для семи областей Западной Украины составлены на основе отчетов в: ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 349. Л. 1; Д. 352. Л.69-77.

[49] Настроения населения обобщались в регулярных докладах. См., например, доклад секретаря Дрогобычского обкома Олексенко Хрущеву, датированной 27 декабря 1945 г. "О реагировании населения и бандитов на выселение семей бандитов". ДАЛО. Ф. 5001. Оп. 6. Д. 53. Л.233-234.

человек) из западно-украинских областей направлялись на работы на шахты Дальнего Востока[50]. На практике депортации означали, что советское законодательство карало не только предполагаемых повстанцев, но также и членов их семей[51]. Схваченные этой “ловушкой-22”, в результате жестокой советской оккупационной политики, женщины и девушки все больше и больше вставали в ряды украинского антисоветского повстанческого подполья.

Женщины-шпионы

Гендерный сдвиг в тактике повстанцев диктовал ответные меры советской власти - разрушать украинское подполье, нанося удар по системам связи повстанцев, состоящим в основном из женщин. В то же время благодаря целому ряду факторов, в том числе и связанных с особенностями проведения боевых операций, для женщин и девушек открылись новые возможности в рядах подпольщиков. Возросшее значение женщин в украинском повстанческом движении, в свою очередь, позволило советским органам безопасности, используя женщин-украинок, разработать новые способы внедрения своих агентов и ликвидации сил противника.

---

[50] Совершенно секретное донесение начальника МВД Круглова Сталину и Берии, датированное 7 февраля 1948 г. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 199. Л.205-209. Западно-украинские семьи депортировались по резолюции Совнаркома № 35, датированной 8 января 1945 г. о политической высылке или спецпереселенцах. Только в октябре 1947 г. 13592 сотрудников органов государственной безопасности и войск МВД приняли участие в массовых высылках членов семей лиц, подозреваемых в активном участии в повстанческом движении. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 199. Л.288-298; Ф. Р-9479 (Отдел спецпереселенцев НКВД СССР). Оп. 1. Д. 257 (“Сводные статистические данные”). См. также: “Докладная записка о проведенных мероприятиях по обеспечению выселения семей активных националистов бандитов”, составленная наркомом МГБ Украины Савченко на имя Л. Кагановича и датированная 14 октября 1947 г. РГАСПИ. Ф. 81. (Фонд Лазаря Моисеевича Кагановича (1920-1957 гг.) [1893-1957]). Оп. 3. Д. 129. Л. 226-232.

[51] Наиболее полное исследование, посвященное советской политике массовых депортаций, см: В. Алферова. *Государственная политика в отношении депортированных народов (конец 30-х — 50-е гг.).* Дисс… канд. ист. наук. М., МГУ, 1998. Ср.: T.Martin. The Origins of Soviet Ethnic Cleansing // *The Journal of Modern History.* 1998. Vol. 70. № 4. P. 813-861.

Осознав связанную с женщинами угрозу, Советы противопоставили ей систематические облавы и массовые повторные аресты местных украинских женщин. При этом советские органы безопасности преследовали две главных цели. Во-первых, в соответствии с общими принципами своей агентурной работы, Советы стремились посеять взаимные подозрения в рядах повстанцев. Аресты, которым подвергались практически все без исключения, подрывали механизм проверки Службой безпеки повстанцев надежности своих людей. Во-вторых, такими методами Советы могли найти "иголку в стоге сена". Задерживая и допрашивая большое число женщин, действительно работающих на подполье, советские органы безопасности, очевидно, считали каждую задержанную украинскую женщину или девушку врагом. На жесточайших допросах, которым подвергались местные женщины, советские следователи выражали "твердую уверенность" в том, что арестованные активно работали на подполье. Если задержанная была на самом деле ни в чем не виновна, то в этом – с точки зрения советской власти – не было особой беды. Спустя несколько дней ее отпускали - избитую, но свободную. Пережитые мучения, скорее всего, должны были отвратить женщину от какого бы то ни было сотрудничества с повстанцами в будущем. Если же она действительно была виновна, то примененные к ней меры воздействия – лишение сна и пищи, изоляция от внешнего мира (в том числе и пребывание взаперти в темноте в одном помещении с трупами казненных), жестокое обращение и постоянные угрозы - обычно ломали заключенную[52].

Особенности женского опыта, приобретенного в рядах украинских повстанцев, становятся лучше понятны, если мы обратим внимание на то, как переплетались работа в подполье и

---

[52] В этом отношении материалы советских органов госбезопасности заметно отличаются от утверждений, представленных в постсоветских мемуарах задержанных украинских женщин. Автору, однако, удалось найти воспоминания, в котором задержанный (или задержанная) признается в том, что он(а) сломался(-лась) на допросе. Напротив, советские источники подтверждают, что экзекуция была стандартным методом воздействия на заключенных, не желающих сотрудничать со следствием. Большинство заключенных, как мы и предполагали, ломались во время допроса.

личная жизнь этих женщин. Каждая такая судьба, будучи лишь отдельным небольшим эпизодом на общем фоне происходивших процессов, тем не менее ярко показывает всю сложность эпохи и позволяет увидеть множество взаимопереплетающихся причин, приводивших некоторых украинских женщин-повстанцев в ряды советских сексотов.

В условиях массовых злоупотреблений и насилия со стороны власти, допрос и вербовка агента отличались значительным разнообразием сценариев. Архивы советских органов безопасности позволяют лучше разобраться в сложном процессе вербовки женщины-сексота и понять мотивы, по которым этнические украинки предавали своих бывших товарищей по подполью. Замечательным примером для анализа служит история вербовки Людмилы Фоя. Этническая украинка, Фоя более двух месяцев стойко держалась на допросах, неоднократно подвергаясь насилию и побоям. Она согласилась работать на органы только тогда, когда были арестованы ее родители. Этот случай представляет особый интерес для исследователя, поскольку ее личное дело отличается необыкновенной полнотой данных. В архиве сохранились не только ее отчет советским органам безопасности, но также и протоколы позднейшего допроса Фои украинскими подпольщиками (этот документ попал в руки Советов две недели спустя во время операции против повстанцев).

Людмила Фоя родилась 3 сентября 1923 г. в селе Топора Ружанского района Житомирской области (Центральная Украина). Замужем не была. Ее отец, этнический украинец, был учителем в школе, прошел Первую мировую войну, сражаясь в австрийской армии с 1914 г., а в 1918 г. участвовал в борьбе за независимость Украины. В 1942 г., в возрасте девятнадцати лет, Людмила вступила в ОУН. В апреле 1944 г., после трех месяцев ареста, насилий и лишений, она стала агентом НКГБ. Следователи поставили девушку перед выбором: или сотрудничество с органами – или из-за ее упрямства пострадают родные. До того как в конце мая 1945 г. ее задержала украинская СБ, Людмила Фоя действовала под оперативным псевдонимом

АПРЕЛЬСКА[53].

В отличие от многих других женщин-сексотов, сотрудничавших с Советами, Фою не казнили. Арестованная контрразведкой украинских повстанцев, она чистосердечно отвечала на вопросы. Ее красота и искренность произвели впечатление. В ходе проверки Людмила сумела завоевать уважение допрашивавшего ее главнокомандующего УПА Романа Шухевича. Шухевич настолько увлекся Фоей, что привлек ее для культурной работы в подполье. Ее направили выступать с рассказами о пережитом перед женскими группами повстанцев по всей Западной Украине. Далее следы Людмилы Фоя в советских источниках теряются.

Увы, но другим советским агентам-женщинам повезло меньше. Алле Линевич (оперативный псевдоним ГАЛКА), было только восемнадцать, когда ее арестовали в октябре 1944 г. Ее выдал на допросе другой местный житель, принадлежавший к ОУН. Этническая украинка из села Большая Цепцевиха Владимирецкого района Ровенской области, Линевич на момент ареста была рядовой связной ОУН в своем регионе. Она привлекла внимание советских офицеров не только своей красотой, умом и хорошими манерами, но и тем, что состояла в родстве с влиятельными в украинском подполье людьми. Ее брат, Алексей Линевич, которому в то время было сорок лет, ранее занимал пост заместителя командира отрядов УПА Ровенской области. Незадолго до ареста Аллы Линевич он был назначен командиром местной СБ в отряде БАРСУКА. Одной из самых близких подруг ГАЛКИ была Мария Демидович (оперативный псевдоним РУСАЛКА) – убежденная националистка, руководившая связью ОУН в Сарненском, Рафаловском и

[53] Сведения о биографии Л.Фоя содержатся в материалах дела о проваленной НКГБ операции по внедрению своих агентов в северо-западный сектор ОУН-УПА в 1945 г. См.: ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 643. Л.237-311. В деле находятся донесения Фои НКГБ, расшифрованная стенограмма ее допроса украинским подпольем, а также подобные отчеты двух других арестованных двойных агентов. Досье также включает проницательный анализ проваленной операции, сделанный заместителем начальника Первого отдела ГУББ подполковником В.Константиновым.

Владимирецком районах[54].

Первым заданием ГАЛКИ стало завербовать ее брата, агента БУРАКА, для работы в советской разведке, что она и проделала в октябре 1944 г. В советских источниках сообщается лишь о вербовке агента. Отсутствуют какие бы то ни было упоминания о том, что этот процесс в большинстве случаев сопровождался угрозами расправы с близкими, захватом в заложники членов семьи – до тех пор пока объект вербовки не подписывал текста присяги и не доказывал свою верность ей в действии. Сотрудничество с органами вообще предполагало, что этническим украинцам приходилось преодолевать "роковую черту", за которой уже не было возврата. Действия против националистического подполья автоматически влекли за собой смертный приговор, выносимый контрразведкой повстанцев не только самому агенту, но членам его семьи. Личные дела агентов показывают, что Советы могли попытаться завербовать любого человека – мужчину или женщину, старого или молодого. Противостоять вербовке могли немногие. Поэтому так много членов ОУН-УПА выбирало борьбу не на жизнь, а на смерть, предпочитая сдаче в плен самоубийство. Советы обладали удивительной способностью ломать сопротивление захваченных повстанцев, подавляющее большинство из которых - будь то мужчины или женщины - обычно начинало сотрудничать с органами.

После того как агент ГАЛКА завербовала родного брата для работы на НКВД, ей было дано новое задание, отражающее весь трагизм и жестокость судьбы советского сексота. 2 ноября 1944 г. она получила приказ ликвидировать свою близкую подругу РУСАЛКУ. ГАЛКА выполнила поставленную задачу ранним утром 11 ноября в Цепцевихском лесу, убив РУСАЛКУ выстрелом из пистолета, который выдали ей сотрудники НКВД. Труп был уничтожен советской спецгруппой. Предполагалось, что уничтожение РУСАЛКИ откроет путь для одного из советских агентов и поможет ГАЛКЕ стать руководителем связи

---

[54] Биографические данные агента Галки взяты из личного дела агента. См.: ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 487 ("Материалы о работе спецгрупп, действовавших в западных областях У[краинской]ССР (1945 г.)). Л.53-54, 59. Операция проводилась офицером государственной безопасности третьего ранга Рясным, будущим заместителем наркома МВД СССР.

повстанцев в этом секторе. Совершить убийство должна была сама ГАЛКА – это было составной частью стандартного метода вербовки советского агента. Вынужденный пойти на предательство, человек превращался из убежденного повстанца в надежного сотрудника органов безопасности. После такого "боевого крещения" агент ГАЛКА была физически и психологически подготовлена к выполнению более сложных задач. Такой *фигурант* (эвфемизм, которым в материалах НКВД обозначали агента, действующего в боевых условиях) был готов плясать под дудку контролирующих его органов.

К несчастью для Советов и самой ГАЛКИ, планы по ее внедрению в "банду" КОРЫ с целью разложения этого отряда были сорваны. В то время как одна группа сотрудников НКВД пыталась внедрить Линевич в "банду" КОРЫ, другая группа НКВД старалась выполнить ту же самую задачу с их собственным агентом ГАЛКОЙ, бывшей КАПУСТЯНСКОЙ (настоящее имя Анастасия Спицына). Спицына была завербована в конце 1944 г. и уже в декабре направлена в отряд КОРЫ. Менее подготовленная к выполнению поставленной задачи, ГАЛКА-Спицына, видимо, выдала себя почти сразу же. Ее задержала и допросила СБ повстанцев. От одного из своих осведомителей Советы получили сведения о том, что ГАЛКУ разоблачили. Тогда, чтобы спасти операцию, ГАЛКУ-Линевич пришлось отозвать.

Проблема заключалась в том, что из-за срочного исчезновения с места событий была разоблачена вся "легенда" ГАЛКИ-Линевич – выражаясь языком сотрудников НКВД, она была *расшифрована*. Ответный удар повстанцев последовал незамедлительно. СБ задержала и допросила брата Линевич Алексея. Его пытали, а затем зверски убили. Были убиты также ее мать и тетка, проживавшие в селе Цепцевихи, а их тела подверглись ритуальному надругательству. Так украинское подполье мстило семьям предателей. Все имущество Линевичей члены карательного отряда или уничтожили, или забрали с собой. Как обычно, в этом селе СБ постаралась уничтожить само имя предателей.

На этом личное дело ГАЛКИ-Линевич заканчивается. Деморализованная и испуганная ГАЛКА спряталась на советской явочной квартире в Ровно, ожидая новых инструкций. Ей не исполнилось еще и девятнадцати лет – и она уже убила свою

лучшую подругу и косвенно была повинна в гибели ближайших родственников – брата, матери и тетки. Однако ее руководство из советских органов безопасности все еще имело на нее виды. Это видно из материалов ее дела: “ее следует использовать [снова – Дж.Б.]… для операций против ОУНовского подполья”[55].

По-видимому, агенту ГАЛКЕ-Спициной жилось лучше. Командир СБ, проводивший допрос Спицыной, убедил ее написать обращение в резко антисоветском духе на имя начальника НКВД Владимирецкого района. К нему командир СБ приложил свое письмо, в котором сообщал, что ГАЛКУ-Спицыну оставят в живых. Он издевался: “Не думайте, что украинские повстанцы рубят головы русским и другим из-за их национальности. Нет. Мы, украинцы, любим народ разных наций, но презираем ваши коммуны и колхозы”[56]. Хотя сотрудники НКВД прилагали большие усилия к тому, чтобы арестовать ГАЛКУ-Спицыну, им это так и не удалось. Поиски продолжались несколько месяцев, но Советы потеряли все ее следы.

Ответ повстанцев: ликвидация опасности, связанной с использованием женщин

> “Всякий, кто помогает сталинистской клике, будет утоплен в народной крови”.
> — *Инструкции ОУН-УПА, октябрь 1946*[57]

Успешное внедрение советских агентов-женщин в ряды украинского подполья поставило перед руководством повстанцев сложную проблему. Поскольку подполье находилось в полной зависимости от женщин и девушек, как оно могло избавиться от нависшей над ним угрозы, исходящей от тех его членов, которые считались “слабыми” или “ненадежными”? К таким кадрам повстанцы относили в первую очередь женщин, завербованных

---

[55] Совершенно секретный доклад капитана государственной безопасности Артюнова, датированный 17 апреля 1945 г. ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 487. Л. 59.

[56] Совершенно секретный доклад из Ровно, от подполковника ГУББ Гриценко, в Москву, на имя Леонтьева и Задоя, датированной 22 февраля 1945 г. ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 487. Л.62-63.

[57] ДАЛО. Ф. 5001. Оп. 7. Д. 220. Л. 143.

Советами с помощью вероломства. Холодный расчет и изобретательность методов советских спецгрупп заключались не только в беспощадном применении насилия, но и в умении возбудить взаимные подозрения в рядах подпольщиков. Насилие порождало насилие, и советская вербовка сексотов среди местного населения провоцировала кровавые репрессии со стороны повстанцев, жертвами которых становились свои же бойцы, особенно молодые женщины и девушки – украинки по национальности. Важной составляющей советской тактики дезорганизации было заставить повстанцев нарушить свои обязательства; спровоцировать эскалацию террора со стороны украинского националистического подполья против своих собственных членов. В результате в рядах движения сопротивления сеялись взаимные подозрения, разрушалось доверие, вбивался клин между повстанцами и местным гражданским населением.

Сама психологическая культура сопротивления играла на руку советским провокаторам. В подпольную войну на Западной Украине включались мужественные бойцы, считавшие священным долгом до последнего дыхания сохранять верность своему делу. Происходило столкновение двух сил - сотрудников советских органов безопасности, готовых на все ради того, чтобы разгромить подполье, и руководителей повстанцев, призывавших людей пойти на муки ради национальной идеи. Так возникала среда, в которой разыгрывались сцены, подобные той, какая описывается в одном из источников. Летом 1945 г. бывший сотрудник советской спецгруппы, действовавшей на Западной Украине, хвастался перед своими товарищами по Высшей партийной школе в Москве: “Я повесил одного националиста вверх ногами и поджаривал его на медленном огне; я отрезал куски мяса от него... И он, этот сукин сын, умер, крича “Слава Украине!” Каков сукин сын! Сколько их я замучил!”[58]

Руководство повстанцев ожидало, что все украинцы – как мужчины, так и женщины – мужественно встретят советский

---

[58] Слова слушателя Высшей партийной школы в Москве приводит в своем дневнике известный украинский режиссер Александр Довженко, запись датирована временем между 30 июня – 11 июля 1945 г. Цит. по: *Літопись УПА*, Т. 1 Киев-Торонто, 1995. С. ix, xx. Отрывок первоначально опубликован в: А.Довженко. Дневник. 1945, 1953, 1954 // Искусство кино. 1989. № 9 С. 48.

террор. Чтобы внушить эту мысль населению, командование украинского подполья даже подготовило специальный “Справочник подпольной партизанской войны”, призванный помочь правильной подготовке бойцов-националистов. В нем подробно описывались испытания, ожидавшие подпольщиков в реальной жизни:

> Существуют различные пытки. Регулярные побои, лишение сна, пытка водой, другие физические пытки (иглы под ногтями, пальцы между дверями, вырывание волос...) и в заключение, моральные пытки (деньги, иностранные паспорта, семья, идеи...). Много их. Каждый должен быть готов к ним теперь и в полном сознании (без колебаний) сказать сам себе этот кардинальный девятый пункт наших десяти заповедей—”Ни просьбы, ни угрозы, ни пытка, ни смерть не заставят меня выдать секреты”[59].

В других многочисленных инструкциях повторялась та же мысль: “Запретить подпольным кадрам действовать в одиночку. Каждый должен быть приписан к назначенному отряду, готовому бороться до самого конца, и должен знать, что *никто не должен сдаться живым в руки врага* [т.е. Советов – *Дж.Б.*]”[60].

В таком контексте сдача в плен рассматривалась как предательство, которое повстанцы карали смертью – часто не только самого этого человека, но и членов его семьи.

Многие надеялись на то, что женщины-повстанцы,

---

[59] Из 29-страничного справочника партизана, составленного в 1942 г. И.И.Здоровенко, Санітарні вказівкі в наглíх захворіннях (популярний доклад). Несколько копий этого документа сохранились в Государственном историческом архиве Львова (ДИАЛ). Ф. 201. Оп. 1. Д. 269. (Все копии читаются с трудом). Мы использовали копию на л. 32-47. Цитата на л. 46.

И.И.Здоровенко был одним из псевдонимов Василия Кука, высокопоставленного офицера ОУН-УПА. Хотя Василий Кук призывал повстанцев покончить с собой, но не сдаваться в плен врагу, сам он, однако, был захвачен живым, провел двадцать пять лет в советских тюрьмах и был выпущен на свободу после отбытия всего срока наказания в 1972 г. Сейчас он проживает в Киеве.

[60] Инструкции ОУН-УПА, датированные 10 октября 1944 г., скопированы и переведены на русский язык в МВД для “Особых папок” Сталина. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 92. Л. 52. Курсив в оригинале.

подчиняясь своему долгу, предпочтут пойти на смерть или сами лишат себя жизни, лишь бы не попасть в руки Советов. В многочисленных директивах повстанцев своим членам – как мужчинам, так и женщинам – постоянно напоминалось об их святом долге сражаться до последней капли крови. Однако в то же самое время руководство движения принимало целый ряд мер, направленных на то, чтобы избавиться от необходимости полагаться на женщин-подпольщиц. Внимательное изучение вопроса показывает, что взгляды повстанцев претерпели значительную эволюцию. До 1944 г. женщины считались в целом непригодными для выполнения большинства задач. После вступления советских войск на Западную Украину в июле-августе 1944 г. позиция резко поменялась: женщинам стали поручать самые разнообразные задания. По мере того, как советской разведке удавалось внедряться в подполье, привлекая в свою агентуру, или сеть осведомителей, этнических украинцев (будь то мужчины, женщины или дети), росло недовольство женщинами в повстанческом руководстве[61]. К концу 1946 г. отрицательное отношение к женщинам среди повстанцев привело к тому, что число женщин, занятых на выполнении важных для движения задач, значительно сократилось, упав до исходных значений.

Негативное отношение проявлялось и на уровне отдельных отрядов. Например, командир отряда СБ СТЕПАН приказал своим сотрудникам "уволить женщин от работы в организации"[62]. Точно так же и в распространявшейся в конце 1946 г. инструкции о необходимости строгого соблюдения конспирации подпольщиками, в последнем, восьмом, пункте подчеркивалась

[61] В многочисленных исследованиях о роли женщин в общественных движениях содержится целый ряд примеров того, как во время социального или экономического кризиса менялась роль женщин, а затем, после окончания кризиса, происходило возвращение к традиционному антагонизму. Лучшая из большого количества работ по этой теме написана Дж.Ландес. См.: J.B. Landes. *Women and the Public Sphere in the Age of French Revolution.* Ithaca: Cornell University Press, 1988. Ландес показывает, что в годы Великой французской революции возможности женщин значительно расширились, при этом, однако, предполагалось, что после победы революции женщины вернуться к своим традиционным ролям.

[62] Инструкции, найденные на трупе бойца ОУН, убитого в перестрелке ночью 27 мая 1945 г. в Калушкойском округе. ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 292. Л. 66.

особая опасность, исходившая от женщин: “Не говорите с девушками об организационных вопросах. Старайтесь, избегать их. Враг [т.е. Советы – Дж.Б.] специально посылает женщин, чтобы войти в любовную связь с членами ОУН, используя ее [так!], чтобы получить информацию. Не единожды из-за брака ‘революционная’ деятельность превращалась в помощь врагу, и таким образом [неосторожные повстанцы] сами проложили дорогу к своей смерти”[63].

Юрий Туз-Крохмалюк – автор обобщающей монографии об истории вооруженной борьбы УПА против Советов во время Второй мировой войны и в послевоенные годы – сходным образом определялл, откуда в основном исходила угроза проникновения советских агентов в ряды повстанцев. Он указывал на “засылку молодых девушек в повстанческие регионы, чтобы через них воздействовать на командиров УПА или лидеров ОУН и, тем самым, помочь [Советам – *Дж.Б.*] арестовать или уничтожить их”[64]. После долгих зим, проведенных на нелегальном положении, повстанцы считались легкой добычей для этих классических шпионок-соблазнительниц. Но отрицательное отношение к женщинам в подполье объяснялась не только опасениям, что боец не устоит перед романтическими чувствами и будет завербован противником. В дальнейших инструкциях разъяснялось, что все женщины в целом – а не только потенциальные любовницы – представляли угрозу безопасности повстанцев-мужчин. Поэтому некоторым из подпольщиков – членам отборных отрядов самообороны (ВКС) — было строго запрещено встречаться со всеми женщинами вообще: “Член ВКС не имеет права... посещать свою мать, жену, детей, подруг”[65].

Соответственно, к концу 1946 г. старая система эстафетной связи повстанцев была заменена новой сетью “тайников”—

---

[63] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 2968. Л. 203.

[64] Yu.Tys-Krokhmaliuk. *UPA Warfare in Ukraine: Strategical, Tactical and Organizational Problems of Ukrainian Resistance in World War II.* New York, 1972. P. 284.

[65] Из “Инструкции отрядов самообороны”, копия которого была послана наркомом НКВД Украинской ССР Рясным к Л. Берии в совершенно секретном докладе, датированном 1 декабря 1944. ГАРФ, Ф. Р-9478, Оп. 1, Д. 292, Л.319-324 (1. 324).

укромных мест, о расположении которых знали только два командира. Эти меры предосторожности были разработаны для того, чтобы по возможности не допустить Советы ознакомиться с письменными инструкциям повстанцев, их планами и донесениями. Но этот шаг отражал также и общее представление руководства ОУН-УПА о том, что самым уязвимым звеном в операциях повстанцев были те участки работы, где приходилось полагаться на женщин. Поскольку свыше 90 процентов связных подполья составляли женщины, введение новой системы связи с помощью "тайников" должно было устранить угрозу жизненно важным операциям повстанцев, связанную с использованием "слабых женщин".

Этими же соображениями объяснялась реорганизация Украинского Красного Креста (УКК), который до 1946 г. оказывал первую медицинскую помощь бойцам подполья. Директивы высшего командования украинских повстанцев были совершенно однозначны: "Вместо женщин на специальных медицинских курсах следует обучать мужчин"[66]. Организация в подполье самостоятельной санитарной службы, состоящей в основном из мужчин, позволяла, кроме того, перекрыть еще один канал, по которому Советы получали информацию о повстанцах.

[66] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 2967. Л. 45.

Карательные команды повстанцев

> “Мы предупреждаем украинских граждан: все, кто работает на органы НКВД-НКГБ, все те, кто каким бы то ни было способом сотрудничает с НКВД... будут считаться предателями, и мы будем обращаться с ними как с нашими самыми злей-шими врагами”. *–Инструкции УПА, 11 июля 1945 г.*[67]

> “Нас не пугали крики или страдания [наших жертв – *Дж.Б.*]… я не помню фамилий людей, которых мы уничтожили... я знаю, что все они были [этническими] украинцами, местными жителями.” *Из расшифрованной стенограммы допроса сотрудниками советских спецслужб А. Кирилюка, палача СБ повстанцев. Ровно, декабрь 1944 г.*[68]

В конце 1946 г., как раз в тот момент, когда женщины вышли в деятельности подполья на первый план, украинские повстанцы особенно беспощадно карали людей, подозреваемых в предательстве. С начала 1944 г. подполье стало все больше полагаться на женщин. Теперь же для ликвидации женщин, подозреваемых в сотрудничестве или тесной дружбе с советскими солдатами и должностными лицами, стали формироваться специальные карательные команды. Расправа в таких случаях была скорой и жестокой. Как вспоминал один украинский крестьянин, “бандиты [повстанцы – *Дж.Б.*] зверски убили мою жену, ребенка и моего самого лучшего друга. Зачем они их убили?”[69] Другой крестьянин-украинец Берцюк из Краковецкого района жаловался на то, что повстанцы “убили мою жену и двух младших детей. Они сожгли мой дом и весь мой хутор”[70]. “Всего за одну ночь бандиты порубили на части

---

[67] ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 292. Л.29 об.

[68] ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 128. Л. 227. См. также свидетельство бывшего учителя офицера ОУН Петро Микитенко: “В ОУН существует принцип вождизма. Приказ командира - закон для его подчиненных”. Приводится в расшифрованной стенограмме его допроса советскими органами государственной безопасности 20-25 мая 1944 г.: ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 134. Л. 36.

[69] ДАЛО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 212. Л. 114.

[70] Там же. Л. 156 об.

шестерых местных женщин. Это ужасно. Идешь спать и не знаешь, проснешься ли снова”[71].

В стандартном смертном приговоре, вынесенном Службой безпеки, отразилось появление особых форм “женского предательства”. “Список секретных сотрудников [НКВД – *Дж.Б.*] в 4-м районе”, составленный контрразведкой украинских повстанцев и захваченный советскими спецгруппами в Золочивском районе в конце 1944 г., достаточно типичен. Знаменательно, что шесть из восьми имен в этом списке – женские. На них донесли соседи, сочувствовавшие ОУН:

> 2) Женщина села Розваж МОРЦА Юлия, [по национальности – *Дж.Б.*] украинка, в 1941 г. была членом Коммунистического союза молодежи и осведомителем НКВД. Когда в 1944 г. вернулись Советы, она стала действовать еще более активно, обвиняя местного председателя - что он делал, с кем встречался. Она сообщала обо всем НКВД и районному начальству... Каждый день она гуляла с НКВД и кричала “Долой бандеровцев!” Она сообщала о каждом, кто присоединился к УПА.
>
> 3) Женщина села Розваж ПОПЮК Ольга, украинка, была связана с партизанами в нашем селе. Она сообщала некоторым пленным [коммунистам] о всех наших передвижениях. Когда Советы возвратились, она начала доносить, кто что делал в деревне, какие были встречи и кто следил. Она сообщала о семьях тех, кто присоединился к УПА. Она доносила НКВД и местному райкому партии обо всех, сообщая, кто среди молодежи скрывался от принудительных налогов, кто дезертировал из [Красной] Армии или бежал от [принудительной] работы в Донбассе. Она говорит, конец всем нам и [независимой] Украине.
>
> 4) Женщина села Розваж МИХАЙЛЮК Юлия, по национальности русская[72], была связана с поляками и

---

[71] Письмо из села Добряны Стрыйского района Дрогобычской области, датировано 9 сентября 1946 г. Письмо не пропустила военная цензура. ДАЛО. Ф. 5001. Оп. 7. Д. 219. Л. 120 об.

[72] Фамилия украинская, поэтому можно предположить, что эта женщина появилась на свет в результате смешанного брака – мать была русской, а отец

советскими партизанами, а теперь стала главным информатором НКВД. Она доносит на тех, кто сотрудничал с немцами, [и] кто все еще скрывается. Она доносит НКВД и местному партийному секретарю обо всем что случилось в селе. Она говорит: “Долой бандеровцев! Теперь время, чтобы начать такую жизнь, какую мы все ожидали. К черту вас и ваших бандеровцев!”

5) Женщина села Розваж ЛИТАРЧУК Фима, по национальности украинка, работает секретным агентом НКВД, доносит о тех, кто находится в деревне, кто скрывается, предала много друзей — как мужчин так и женщин. Она сообщает, кто сотрудничал с немцами и что они делали. Имеет очень тесную связь с председателем сельсовета и секретарем местной партячейки. Много раз ее заставали с НКВД и представителем райкома партии. Она всех выдавала: кто появляется в селе, кто скрывается. Кричит: “Долой бандеровцев! Мы достаточно долго ждали свободу. Теперь время жить!”

6) Женщина села Розваж БРОНОВИЦКАЯ Марьянка, полька по национальности, работает доносчицей на поляков [т.е. на польское подполье – *Дж.Б.*] и НКВД. Была связана с местной полицией. Сообщает о тех, кто скрывается, кто вернулся из [повстанческой] армии или сбежал от [принудительного] труда в Донбассе. Говорит: “Долой украинцев и долой бандеровцев с семьями!”

7) Женщина села Розваж ПУШКА Агафья, украинка, выдала - всех, кто сотрудничал с немцами, какой работой занимались [во время немецкой оккупации], какие были встречи и кто их посещал. Она выдала тех, кто скрывался от [принудительной] мобилизации, кто дезертировал из [Красной] Армии. Она выдала НКВД много друзей, мужчин

– украинцем (возможно, с Восточной Украины) – или же она была русской, но вышла замуж за украинца. Такие смешанные семьи часто подозревались повстанцами в сотрудничестве с Советами.

и женщин: у кого есть оружие, кто где встречается. Она доносила обо всех передвижениях, обо всем, что сейчас происходит, и говорит: “Долой бандеровцев!”

[Пописано] ЗЕВЕРУХА. Слава Украине!
Героям слава![73]

Очевидно, что с такого скудного, основанного на слухах “документального подтверждения” женского предательства начался процесс ликвидации. Списки подозреваемых основывались не столько на проверенных данных, сколько на обвинениях со стороны соседей или на неверно истолкованных слухах. Тем не менее меньше чем через неделю после появления подпольных списков подозреваемых всех этих женщин жестоко казнили. Независимо от весомости доказательств, повстанцы, тесно связанные с карательными командами СБ, сами вершили суд. Как правило, сразу же за вынесением приговора следовала казнь. Можно привести пример типичного смертного приговора повстанцев:

ПРИГОВОР

Дня 19-го октября 1944 г. суд военного трибунала [Украинской Повстанческой Армии – Дж.Б.], рассмотрел дело против МИРОНЧУК Татьяны и признал ее виновной в сотрудничестве с НКВД, на основании ее признания суд приговаривает МИРОНЧУК Татьяну к смерти.

[Ниже добавлено]

Приговор приведен в исполнение 19.Х.1944 г. в 5 часов утра.

---

[73] ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 126. Л.327-328. В 1939 г. в селе Розваж Золовхивского района Львовской области насчитывалось 1050 жителей. Интересно, что обвинение было выдвинуто женщиной. Можно провести сравнение с Ку-Клукс-Кланом на американском Юге: формально, белым женщинам членство в Ку-Клукс-Клане запрещалось, но тем не менее Клан пользовался их поддержкой до самого конца своего существования. См.: White Women and Klan Violence in the 1920s: Agency, Complicity and the Politics of Women’s History // *Gender and History.* 1991. Vol. 3. № 3. P. 285-303. Сходство между этими движениями можно усмотреть в том, что Клан был “крупнейшим военизированным движением правого толка в американской истории”.

Слава Украине! Героям слава!
[Две подписи]
Ком.
Пол. Бережнюк[74]

Особенно страшной частью всего ритуала было то, что почти каждый обвиняемый, как правило, должен был перед казнью сознаться в предательстве. В ноябре 1944 г. на допросе в НКВД командир одного из карательных отрядов Иосиф Паньков описал, какими методами повстанцы добивались подобных признаний:

> В конце февраля 1944 я узнал, что артистка Львовского оперного театра Мария Капустенская якобы была связана с гестапо и выдала другого артиста, члена ОУН.
>
> По решению руководства СБ она была похищена моими людьми и привезена на полигон, где мы заранее подготовили место для ее допроса.
>
> Она была похищенная прямо из театра и доставлена прямо к месту. Я лично допросил ее.
>
> [Первоначально] она категорически отрицала любую связь с гестапо. Поэтому мы раздели ее догола и прутьями из лозы, которые мы заранее подготовили, каждый человек моего отряда по очереди избивал ее до тех пор, пока от прутьев не остались клочья. Тогда она сказала, что она признается.
>
> После этого она “подтвердила”, что она имела связь с гестапо. Затем, по моему приказу, она была вынесена за 500 метров от места допроса и расстреляна [повстанцем] ГЛУХИМ[75].

Паньков, очевидно, гордился своей работой, когда признался, что во время войны совершил еще по крайней мере шестьдесят подобных убийств поляков, подозреваемых в

---

74 ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 126. Л. 329.

75 См. совершенно расшифрованную совершенно секретную стенограмму допроса Иосифа Панькова, референта СБ в городе Львове и одновременно резидента германской контрразведки (организации Гелена). Допрос проводил подполковник НКВД Задоя 28 октября - 2 ноября 1944 г. ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 135. Л.156-246 (Цитируемый фрагмент см.: Л.183-184).

“пособничестве” Германии или Советам[76].

В советских архивах встречаются сведения о дополнительных расследованиях карательных операций отрядов СБ против женщин, заподозренных в просоветских симпатиях. “В селе Дядьковичи [повстанцами – *Дж.Б.*] убита София ПАВЛЮК, радушно встретившая бойцов наступавшей Красной Армии”[77]. “В ночь на 19 сентября [1944 г.] в селе Большая Оснеща Колковского района бандой СТРЕША убито четыре женщины, на квартирах у которых проживали красноармейцы”[78]. “В ночь на 23 сентября [1944 г.] в селе Михлин Сенкевичского района бандгруппой из четырех человек убиты четыре женщин и одна ранена. [Женщины] собрались вместе, чтобы написать письма своим мужьям и сыновьям в Красной Армии”[79].

Гнев повстанцев был обращен, конечно же, не только против женщин и девушек: встречаются примеры насилия подпольщиков над другими категориями местного населения. Это подтверждает, что за репрессиями против “пособников” скрывалось насилие над этническими поляками во время и в первые два года после Второй мировой войны, когда три четверти карательных акций против “местных жителей” на самом деле было направлено против поляков. Однако последующая принудительная высылка свыше сотни тысяч этнических поляков из западно-украинских областей в 1945-1946 гг. с очевидностью подтверждает, что в четырех случаях из пяти жертвами расправы повстанцев над предполагаемыми “пособниками” Советов были этнические украинки. Молодых женщин особенно подозревали в сексуальных связях с советскими солдатами[80]. Этих так называемых *москалек* — уничижительное

[76] Там же. Л. 182. В случае Панькова, очевидно, применялись другие формы принуждения, чтобы заставить его заговорить. “Я не имею в виду скрывать что-нибудь от органов НКВД, так как я понимаю, что от этого зависит не только моя собственная жизнь, но и то, что тревожит меня — жизнь моей семьи” (Л. 157).

[77] ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 128. Л. 226.

[78] ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 128. Л. 228.

[79] ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 128. Л. 228.

[80] Сводные данные о численности жертв повстанческого террора не позволяют провести различия между женщинами и мужчинами. Эти данные основываются на цифрах, приведенных в оперативных отчетах и списках подозреваемых лиц за 1946-1948 гг.

прозвище, которым обзывали некоторых украинок, считавшихся "красноармейскими шлюхами", - относили к категории самых ненавидимых и презираемых врагов Украины. Член СБ Ровенского района А. Грицюк, арестованной советскими органами в конце 1944 г. по обвинению, выдвинутому против него местной женщиной, оставил типичное признание о том, как повстанцы уничтожали предполагаемых *москалек*:

> В середине января 1944 г. в селе Ясеничи, по приказу [моего отрядного командира – Дж.Б.] "ДУБА", я убил жительницу села 19-20 лет, украинку по национальности.
>
> Убийство было совершено путем удушения веревкой ["путованием", т.е., дословно, "повешением"]. Труп был захоронен [местными] жителями на месте казни.
>
> В конце января 1944 г. в... деревне Грушвица я принял участие в убийстве другой женщины, набросив на шею петлю, которую затянули члены районной СБ "НЕЧАЙ и "КРЮК"[81].

Все участники – и палачи, и их жертвы, и свидетели – хорошо знали, как в таких случаях происходит расправа. Повешение было любимым видом публичной казни, когда повстанцы ощущали некоторую народную поддержку своим действиям. В тех случаях, когда предательство жертвы отличалось особой подлостью и было сознательным, казнь через повешение сопровождалась ритуальным осквернением трупа[82].

Часто приказы о казни женщин, заподозренных в "пособничестве" Советам, отдавались заранее, а позднее последовательно выполнялись специально созданными для этого отрядами. Один такой отряд СБ, предназначенный для проведения карательных акций против подозреваемых-*москалек,*

---

[81] ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 128. Л. 227.

[82] Советские отчеты вообще не содержат данных, которые позволили бы подробно изучить специфические гендерные формы осквернения трупов. См. материалы по геноциду в Боснии. N.Nenadic. Femicide: A Framework for Understanding Genocide // *Radically Speaking: Feminism Reclaimed.* Ed. by: D. Bell, R. Klein. Melbourne: Spinifex, 1996. P. 456-464.

действовал во Львове, где и был обнаружен в июне 1948 г.[83] 21 июня 1948 г. уборщица в Львовском государственном университете (в настоящее время Львовский университет им. Ивана Франко) убирала мусор в университетской конюшне. Там она нашла множество отрубленных человеческих ног. В ужасе, она немедленно вызвала милицию. В ходе расследования советские оперативники обнаружили восемнадцать обнаженных и изуродованных трупов — семнадцать женщин и один подросток. Как позднее рассказывал на допросе в МГБ один из членов карательного отряда повстанцев:

> Члены группы [действовали – *Дж.Б.*] по заданию ОУНовского подполья. С ноября 1947 г. мы систематически убивали лояльно настроенных к советскому режиму жителей близ расположенных к городу Львову районов. С этой целью встречали намеченных к ликвидации на Львовском вокзале или городском базаре, заманивали их под разными предлогами в конюшню Львовского государственного университета. Там мы убивали их ударами тупого предмета по голове, после чего закапывали в землю[84].

Почти все трупы успели настолько разложиться, что только шесть из них родственники смогли опознать (в основном по

---

[83] Совершенно секретный доклад начальника ГУББ Украины полковника Сергиенко в Киев, июль 1948 г. ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 1285. Л.19-26. Обнаружение этого отряда немедленно повлекло за собой отправку заместителем наркома МВД Украинской ССР генерал-майором Булыгой совершенно секретной телеграммы в Москву, наркому МВД СССР С. Круглову. Телеграмма датирована 24 июня 1948 г. См.: ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 2973. Л.152-153. Вверху телеграммы карандашом Круглов написал: “Т[оварищ] Серов. Пр[ошу] встретится со мной. Круглов”. Эта заметка показывает, что сообщение было воспринято как дело чрезвычайно важности. В августе 1948 г. наркомом МВД Украины Строкачем для наркома МВД СССР Круглова был подготовлен итоговый доклад. См.: ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 2973. Л.283-286. На первой странице этого доклада будущий председатель КГБ Иван Серов написал: “ Т[оварищу] Давыдову. Ознакомьтесь сами [с этим документом] и покажите Т[оварищу] Круглову. [Подпись] И. Серов. 30. VIII. 48”.

[84] Подписанный Кузьмой Кеньо текст признания, датированный 24 июня 1948 г., был передан шифрованной телеграммой в Москву. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 2973. Л. 152.

личным вещам или одежде)[85]. Каждую из шести убитых можно было заподозрить в сочувствии Советам или дружбе с советскими военными или гражданскими специалистами. Отрывки из списка погибших показывают, что часто СБ повстанцев карала смертью совершенно незначительные “проступки”:

> -МОЙСИН Марина, 1930 г. рождения, возраст 17 лет. Убита 8 апреля 1948 г. Два двоюродных брата МОЙСИН служили в Красной Армии. МОЙСИН систематически носила на продажу молоко в дом, где жили агенты МВД-МГБ.
>
> -МИРОН Мария, 23-х лет. Беженка из Польши. Приказ СБ о ее казни содержит только общий обвинительный акт: “Лояльно настроена к советскому режиму. Аккуратно выполняла все обязательства перед государством”.
>
> -БУЯНОВСКАЯ Мария, 1922 г. рождения, возраст 15 лет. Убита 16 июня 1948 г. БУЯНОВСКАЯ была выслана в Германию для принудительной работы с 1942 по 1946 г. Брат ее служил в Красной Армии и погиб на фронте.
>
> -ИВАНИШИНА Анна, 1908 года рождения, 38 лет. Убита 30 мая 1948 г. Муж ее сестры работал председателем сельсовета и в 1945 г. вместе со всей семьей убит бандой УПА. ИВАНИШИНА проживала в том же самом доме, но в тот раз она чудом избежала смерти. Смертный приговор СБ был в конце концов приведен в исполнение почти три года спустя.
>
> - КУХАРЬ Екатерина, 1923 г. рождения, возраст 24 года. Убита 20 мая 1948 г. Ее брат был демобилизованным солдатом, прослужившим шесть лет в Красной Армии.
>
> -МАЕР Пелагея, 1924 года рождения, возраст 23 года. Убита в апреле 1948 г. В период немецкой оккупации работала в подсобном хозяйстве немцев. При отступлении немецкой армии в 1944 г. вместе с другими членами семьи была увезена в Германию. Вернувшись на

[85] По данным советской судебно-медицинской экспертизы ни на одном из трупов не было обнаружено следов сексуального насилия. Арестованные позже признались, что тела были раздеты с целью затруднить их опознание.

> родину в Львовскую область в 1947 г. МАЕР состояла в активе села. По показаниям осведомителей ОУН, ее дом часто посещался офицерами МГБ[86].

Однако незначительными эти обвинения могут показаться теперь. Тогда подобное поведение – простое проявление сочувствия Советам и сотрудничество с ними – влекло за собой серьезные последствия. Очевидно, оно отождествлялось с настоящим предательством украинского народа. В каждом их этих случаев жертва была убита топором, молотком или трубой[87]. У одного трупа на шее осталась веревочная петля длиной более метра – знак страшного ритуального допроса, который обычно предшествовал казни подозреваемых в сотрудничестве с врагом.

Эта особая карательная команда СБ состояла из девяти человек и действовала по прямым указаниям командира полка УПА, базировавшегося в близлежащем лесу в районе Бобрки. Одного из университетских извозчиков —Кузьму Кеньо — заставляли периодически собирать дрова в лесу и встречаться с руководителями УПА, которые вручали ему инструкции для передачи другим членам отряда. Все казни были совершены в соответствии с полученными приказами. Кеньо завербовал в отряд его давний друг Захарий Лычко - офицер украинской

---

[86] Сводные данные приводятся на основе материалов в: ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 1285. Л.20-21.

[87] Криминалисты полагают, что такой вид убийства указывает на возможности: или убийство было совершено из засады, или же убийца испытывал внутренний дискомфорт. Так как в каждом случае убийство было совершено в присутствии нескольких человек, то маловероятно, что засада была необходима для совершения казни. В таком случае судебные эксперты считают: если убийца нападает сзади, т.е. находится вне поля зрения жертвы, то акт насилия неприятен обвиняемому – он не хочет встречаться с жертвой глазами. Это важное различие. Из этого вывода вытекает, что члены СБ, убивая женщин, просто следовали полученным приказам об их ликвидации, которые были отданы другими людьми. Они не были отрядом садистов, а солдатами, выполняющими долг. О том, как в актах насилия отражаются мотивы и характер преступников, см. содержательное современное исследование американского эксперта: J.Douglas. *Mind Hunter: Inside the FBI's Elite Serial Crime Unit.* New York: Scribner, 1995.

дивизии СС “Галичина”, который был арестован Советами в 1946 г.[88]

Местное население, конечно же, знало о расправах над женщинами и боялось их. Крестьянин А.В. Васильев писал из Стрыйского района 1 сентября 1946 г. своему двоюродному брату: “Бандиты зарезали шесть женщин за одну ночь! Здесь теперь страшно — ложишься спать и не знаешь, проснешься ли снова”[89].

В инструкциях середины 1946 г. отрядам ОУН-УПА было приказано не убивать украинских женщин, которые хотели стать советскими гражданами, и ограничиться ликвидацией отступников в своих рядах, пособников Советов и провокаторов - но не членов их семей[90]. Однако эти директивы поступили слишком поздно, чтобы оказать заметное влияние на повстанцев: в войне против Советов в рядах подпольщиков нарастала деморализация и падала дисциплина. Предыдущие приказы ликвидировать советских шпионок проложили дорогу для несанкционированных расправ над женщинами. Самосуд над женщинами по разным причинам замалчивался. По мере того как повстанцы все чаще и чаще терпели поражения, украинские женщины становились козлами отпущения.

---

[88] ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 1285. Л. 22.

[89] Из совершенно секретной сводки запрещенных цензурой писем из Дорогобычской области за период 1-19 сентября 1946 г., направленной генерал-лейтенантом МГБ Ворониным секретарю Дрогобычского обкома партии. Сводка датирована 3 октября 1946 г. ДАЛО. Ф. 5001. Оп. 7. Д. 279. Л.119-121 об. (120 об.). В этом докладе приводятся 98 примеров вылазок украинских “бандитов”, позаимствованных из 21325 писем, прочтенных цензорами МГБ.

[90] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 2968. Л. 54.

Примеры доносов

"Я слышал о растущем числе доносов, обычно о спрятанном оружии. Большинство доносчиков - женщины."

доктор Зигмунт Клуковски, дневниковая запись, датированная 19 февраля 1940[91]

Круговорот организованного террора со стороны государства и повстанческих репрессий ставили население Западной Украины в почти безвыходное положение. В результате, оно вынуждено было придерживаться тактики, общей для всех маргинальных групп, оставшихся в пограничных областях зажатыми между двумя враждующими сторонами. Эта тактика сводилась к тому, чтобы как можно меньше сотрудничать с любой из сторон – по крайней мере публично.

К вопросу о положении женщин на Западной Украине можно подойти и другим способом – проанализировать некоторые доносы. В советских следственных делах имеются достаточные доказательства, позволяющие с уверенностью утверждать, что женщины, в сущности, были основными каналами информации, по которым советские власти получали данные о местонахождении повстанцев (в своем большинстве мужчин).[92]. Но имеются два выразительных примера, подтвержденных доказательством. Во-первых, украинские женщины, сотрудничавшие с властями, как правило, сообщали информацию о тех, кого любили, о близких им людях.

---

[91] Z.Klukowski. *Diary from the Years of Occupation, 1939-1944.* Urbana: University of Illinois Press, 1993. P. 77. Можно провести интересные параллели с женщинами-еврейками и женщинами-доносчицами в нацистской Германии. См. об этом: H.Schubert. *Judasfrauen: Zehn Fallgeschichten weiblicher Denunziation im Dritten Reich.* Munich: DTV, 1990. Автор благодарен Элисон Флейг из Гарвардского университета за то, что она обратила его внимание на эту работу.

[92] Напротив, недавнее исследование показало, что свыше девяноста процентов доносов в тайную полицию Восточной Германии – Штази – было подано мужчинами. См.: T. Garton Ash. Comparative Horrors // *London Review of Books*. 19 March 1998. P. 18-20; G. Diewald-Kerkmann. Politische Denunziation — Eine 'Weibliche Domane'? Der Anteil von Mannern und Frauen unter Denunzianten und Ihren opfern // *Zeitschrift für Sozialgeschichte des 20. und 21. Jahrhunderts.* 1996. Bd. 11. № 2. P. 11-35.

Убежденные в том, что дальнейшая вооруженная борьба против превосходящих сил Советов бесполезна, и в надежде вернуть своих мужчин домой живыми и невредимыми, украинские женщины нередко передавали сведения о них советским властям. Важно отметить, что обычно это не были анонимные, предательские доносы, вызванные возмущением, враждой, авантюризмом или жадностью, - чаще они были продиктованы заботой и любовью женщины, ее стремлением стать посредницей между близким ей человеком и новой властью[93]. Украинские женщины попали в тиски между жестокой кампанией против повстанцев, которую развернула казавшаяся непобедимой советская власть, и упорным сопротивлением подполья, настроенного стоять насмерть. В этих условиях украинки предпочли третий путь, состоящий прежде всего в том, чтобы вырваться из тупика насилия и вернуть своих мужчин домой живыми. Как докладывал секретарь Львовского обкома партии Яков Грушецкий Хрущеву в конце 1945 г.: "Крестьянки сами помогают органам Советской власти в выдаче своих мужей, братьев, сыновей и отцов, а также показывают местонахождение повстанцев"[94]. Профессор Думка из Львовского педагогического института невольно объяснил логику доносов советскому осведомителю: "[Этнические – *Дж.Б.*] поляки и Советы уничтожают украинцев. Повезло тем, кого выслали [в Сибирь]. Только так можно избежать уничтожения"[95]. В таких условиях арест и ссылка часто оказывались предпочтительнее проживания

[93] Для сравнения см.: Sh.Fitzpatrick, R. Gellately (eds.). *Accusatory Practices: Denunciation in Modern European History, 1789-1989.* Chicago: University of Chicago Press, 1997.

[94] Грушецкий – Хрущеву, 17 июля 1945 г. ДАЛО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 212. Л. 170. Сходные наблюдения содержатся в ежемесячных докладах о борьбе с бандитизмом на Западной Украине. ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 1741. Л.42-48. (Особенно л. 46).

Для сравнения с женскими стратегиями выживания в другом историческом и культурном контексте см.: A.Troger. Between Rape and Prostitution: Survival Strategies and Changes of Emancipation for Berlin Women after World War II // J.Friedlander et. al. (eds.). *Women in Culture and Politics: A Century of Change.* Bloomington: Indiana University Press, 1986.

[95] Выдержки из совершенно секретного особого сообщения начальника НКГБ Львовской области Воронина Грушецкому, датированного 19 ноября 1944 г. ДАЛО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 212. Л. 169.

в зоне боевых действий, зажатой между двумя непримиримыми врагами.

Второй чертой женских доносов на мужчин советским властям было то, что эти доносы, как ни парадоксально, часто делались по требованию самих мужчин. Мужчины-повстанцы отнюдь не были пассивными жертвами мнимой женской слабости – сознательно выдуманной для того, чтобы обеспечить выживание семьи. Подпольшики часто сами были повинны в своей смерти. Зачем бы мужчинам в украинском подполье тайно сговариваться с своими женами и другими близкими, чтобы те донесли на них советским властям? Это была отговорка, вынужденная мера, продиктованная условиями гражданской войны и террора. В этих условиях, как мы уже видели, сдача властям клеймилась как явное предательство и провоцировала жестокие репрессии против бывшего повстанца, его родных и друзей со стороны летучих отрядов СБ. Сдавшиеся властям повстанцы совершенно недвусмысленно объясняли: "Нас предупреждали, что если мы сдадимся, они вырежут наши семьи"[96]. "Офицеры отряда запугивают нас, [говоря, что Советы –Дж.Б.] посмеются над нами и вырежут нас и наши семьи"[97]. Напротив, быть схваченным или арестованным не только вызывало уважение в глазах повстанцев и соседей – это было также и единственное средство избежать подпольной "войны не на жизнь, а на смерть". Как докладывал Хрущеву 12 января 1946 г. секретарь Львовского обкома партии Яков Грушецкий: "Среди бандеровцев, знакомых с государственным указом [от 19 мая 1945 г., предлагавшим амнистию тем, кто сдастся властям, - *Дж.Б.*], имеется много таких, кто хотят порвать с бандой, но они боятся своих командиров. Поэтому они посылают своих жен в НКВД, чтобы сообщить нам, что они хотят, чтоб мы их арестовали... Сдавшиеся бандиты заявляют: 'Лучше присоедин-

---

[96] ДАЛО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 212. Л.169-170. Ср. с другими подобными утверждениями на л. 168-174.
Общий анализ объединений людей, ставящих себе в заслугу обман посторонних, см.: P.Zagorin. *Ways of Lying : Dissimulation, Persecution, and Conformity in Early Modern Europe.* Cambridge: Harvard University Press, 1990; J.C. Scott. *Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts.* New Haven: Yale University Press, 1990.

[97] ДАЛО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 212. Л. 169-170.

иться к Красной Армии, чем знать, что наши семьи будут репрессированы’”[98].

Возьмем только один пример из многих: в июле 1945 г. крестьянка Мария Палюха из села Скнилов Львовской области выдала своего мужа Ивана местным властям. Иван дезертировал из Красной Армии и присоединился к подпольному отряду, находящемуся поблизости. В другом случае через село Городиславич Бобркского района Львовской области проходила тяжеловооруженная советская часть особого назначения. Очевидно, она шла на задание “найти и уничтожить” противника. Стремясь предотвратить кровопролитие, одна из крестьянок побежала по селу с криком: “Я вам прямо сейчас покажу, где прячутся бандиты. Довольно я терпела и боялась!” Затем она провела сотрудников НКВД прямо к трем “схронам” и тем самым помогла Советам захватить восьмерых повстанцев. В четвертом укрытии местного командира отряда повстанцев “РЫБАКА”, очевидно, застрелили при попытке к бегству. Кроме того та же самая крестьянка назвала НКВД фамилии двадцати членов подполья, которые еще скрывались от властей[99].

Женщины также выдавали советским властям тех повстанцев, которые выступали против крайних проявлений террора со стороны националистов. Добровольно явившись в НКВД Ровенского района в конце 1944 г., Е.А. П–к (этническая украинка) с яростью рассказала о преступлениях всех членов местной СБ и назвала их имена:

> В нашем селе в конце 1943 г. была сформирован банда убийц, называющих себя СБ. Эти бандиты убили очень много невинных людей. Я знаю, что они похитили и убили местного аптекаря и его жену, по имени Оля, что они задушили пленных красноармейцев, которые бежали из немецкого лагеря для военнопленных, и что они замучили до смерти семью [этнического – *Дж.Б.*] поляка ЗАВАДА.
>
> Чтобы скрыть от советской власти и [местных] людей, свои грязные преступления, бандиты бросили тела убитых в колодец, расположенный в двух километ-

[98] ДАЛО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 212. Л.115-116.
[99] ДАЛО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 212. Л.171-172.

рах от села Дядьковичи на хуторе[100].

По этому обвинению было проведено расследование, за которым последовали арест, признание и казнь четырех членов отряда СБ в Ровенском районе – Трофимчука, А. Кирилюка, А. Грицюка и Слободюка[101]. Во время похожего расследования убийств нескольких местных польских семей частями ОУН в августе 1944 г. молодая полька из села Пацикив согласилась сотрудничать с отделением НКВД в городе Станиславове. По данным ОУН, эта молодая женщина "выдала НКВД 20 семей и некоторых других молодых женщин из села Пацикив, которые поддерживали связь с партизанами [т.е. с украинскими националистами – *Дж.Б.*]"[102].

Советские войска на Западной Украине часто использовали гендерный фактор для того, чтобы воздействовать на повстанцев через их родственников, особенно женщин. Это было стандартной тактикой Советов в борьбе с оппозицией. Например, жена украинского повстанца Мария Савчин была арестована МГБ в январе 1949 г. Зная, что ее муж был офицером УПА, сотрудники МГБ выпустили ее на свободу в расчете на то, что она убедит мужа оставить подполье и работать на них. Вместо этого она воспользовалась свим освобождением, чтобы незаметно перебраться вместе с мужем на Волынь, где она оставалась, пока ее снова не арестовали летом 1953 г.[103]

Точно так же и украинские националисты старались повлиять на мужчин с помощью их жен. В инструкциях, призывающих бойкотировать выборы в Верховный Совет в феврале 1946 г., прямо содержался призыв к женщинам: "Женщины, продолжайте волнения! Ради ваших детей — бойкотируйте сталинские 'выборы'! Удержите ваших мужей от голосования. Смерть Сталину! Смерть Хрущеву! Да здравствует ОУН! Да здравствует единое Украинское независимое

---

[100] ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 128. Л. 227 об.

[101] См. сводки их последующих признаний, датированные 26 декабря 1944 г., в: ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 128. Л.225-230.

[102] См. рапорт от 15 августа 1944 г. командира повстанцев Лисецкого района Кочевика в штаб-квартиру ОУН, впоследствии захваченный НКВД. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 336. Л. 181.

[103] Mariya Savchyn. Ibid.

государство!"[104]

Значение насилия

"Слова могут быть красноречивые, но насколько красноречивее тишина...".

— Ванда Полтавска. "А я боюсь моих снов"[105]

"Обычная реакция на злодеяния - изгнание их из сознания ... Злодеяния, однако, не дают себя похоронить".

—Джудит Херман. "Травма и исцеление"

Выше мы попытались установить различные роли, которые гендерный фактор играл в гражданской войне на Западной Украине, пересмотреть сложившиеся представления об участии женщин в украинском повстанческом движении, показать весь трагизм их судьбы. Однако нераскрытой остается загадка, с которой началось наше исследование. Как объяснить, что в украинской литературе почти ничего не говорится о роли женщин в националистическом подполье - в то время как в советских сообщениях подчеркивается их активное участие?

Логика украинского молчания

Во время работы над книгой автор разговаривал с сотнями людей по поводу того, как по-разному воспринимают роль женщин в повстанческом движении советские и украинские источники. Откликов было много. Интересно отметить, что почти все этнические украинцы – будь то мужчины или женщины, пожилые люди или молодежь, эмигранты или жители Украины – склонялись к тому, что виноваты в этом молчании украинские мужчины. Мужчин и женщин почти в равной степени задевала эта тема, и они часто упоминали о явном мужском шовинизме среди украинцев "при старом порядке". Действительно, руководители УПА вряд ли принадлежали к числу тех, кто был готов поделиться властью с женщинами.

---

[104] Инструкции ОУН-УПА от 10 февраля 1946 г., призывающие к бойкоту выборов в Верховный Совет. ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 2968. Л. 216.

[105] W.Poltawska. *And I Am Afraid of My Dreams.* London: Hodder & Stoughton, 1964. P. 107.

Хотя велик соблазн принять это суждение за чистую монету, ссылки на традиционный патриархальный уклад или мужской шовинизм не объясняют полностью это малоизученное явление. Конечно, данные о множестве женщин, погибших в те годы на Западной Украине, невозможно представить как "героическую борьбу" – в отличие от погибших мужчин, которых украинская эмиграция долгое время пыталась превратить в героев. Страдания мужчин, очевидно, всегда воспринимаются как "героические", "мужественные" – в отличие от женских. Напротив, в погибших и пострадавших от насилия женщинах реже видят героев - они, вероятно, могут олицетворять лишь поражение. Эта тенденция особенно свойственна патриархальным обществам. Как проницательно замечает Герда Лернер в своем новаторском исследовании, посвященном механизмам подчинения женщины: "На побежденных изнасилование их женщин оказывало двойное воздействие: оно позорило самих женщин и косвенно означало символическую кастрацию их мужчин. В патриархальном обществе мужчины, которые не могут защитить половую чистоту своих жен, сестер и дочерей, считаются опозоренными, импотентами"[106]. В ужасающих описаниях насилия над женщинами, представлявшего собой пережиток жестоких этнических конфликтов, конечно, невозможно найти никаких героических образов. Как вспоминал партизан-националист: "С женщинами всегда обращались особо. Насилие — естественная привилегия завоевателя-мужчины, его способ надругательства над жертвой и обладания ею. Убийство и секс таким образом переплетаются... Обнаженные останки женщин часто имели признаки увечья—их влагалища обычно были взрезаны. Даже маленьких девочек кололи ножами и штыками"[107].

---

[106] G.Lerner. *The Creation of Patriarchy.* New York: Oxford University Press, 1986. P. 80.

[107] Lotnik. Op. cit. P. 66-67. Лотник был польским партизаном, однако он пояснял, что его слова применимы к действиям обеих сторон – как украинцев, так и поляков. "Этнические украинцы несут ответственность за уничтожение целой польской колонии, поджог домов, уничтожение тех жителей, которые не смогли убежать, за изнасилование женщин, попавших в их руки, как старых, так и молодых. Так они вели себя восточнее [реки] Буга, где десять тысяч поляков были изгнаны или убиты. Мы приняли ответные меры, нападая

В своих крайних формах это объяснение гласит, что в 1944-1945 г. украинское националистическое подполье само стало зависеть от женщин. Столкнувшись с растущими потерями в своих рядах, повстанцы-“шовинисты” внезапно ополчились против “слабых женщин” на всех уровнях. Загнанные в угол советскими войсками и разочаровавшись в своих целях, националисты обрушили весь свой гнев на украинских женщин. Поэтому впоследствии они и не прилагали никаких усилий, чтобы восстановить в памяти тот вклад, который внесли женщины в борьбу с Советами. Более общая трактовка этих событий связывает надругательство над женщинами с общей атмосферой насилия и жестокости – расправы украинских националистов над женщинами из своей же среды объясняются посттравматическим синдромом, от которого страдали повстанцы. Как утверждает ведущий специалист в области психологии гендерного насилия: “Мужчины, с которыми дурно поступили, дурно обращаются с женщинами”[108].

Также верно и то, что мало кто из женщин стремился к тому, чтобы выставить себя героинями. Латвийская писательница-эмигрантка Агата Незауле прямо говорит об этом: “Никто не хочет слушать о пережитых мною испытаниях. Множеством самых разных способов – как очень тонких, так и самых грубых – люди укрепляют во мне нежелание рассказывать об этом”[109]. Ведущий американский психиатр, специалист по женским психическим травмам доктор Джудит Херман

на большое украинское село и... уничтожили женщин и детей. Некоторые [из наших людей] были настолько полны ненависти после потери всей своей семьи в результате нападений украинцев, что они поклялись отомстить, око за око, зуб за зуб... Насилие нарастало. Каждый раз множество людей было убито, множество домов сожжено, множество женщин женщин изнасиловано”. Ibid. P.65. Ср.: B.Alien. *Rape Warfare: The Hidden Genocide in Bosnia-Herzegovina and Croatia.* Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996.

[108] J.Hopper. Factors in the Cycle of Violence // *Journal of Traumatic Stress.* 1996. P. 721-743. Социологи Дэн Арчер и Розмари Гартнер провели масштабное исследование статистических данных об убийствах и преступлениях с применением насилия в 110 странах начиная с 1900 г. Они обнаружили, что насилие в семье значительно возрастает после войн. См.: *Violence and Crime in Cross-National Perspective.* New Haven: Yale University Press, 1984-1987.

[109] Nesaule. Op.cit. P. 9.

добавляет: “Говорить о своих переживаниях, связанных с половой или семейной жизнью, означило навлечь на себя унижение, насмешки и недоверие со стороны общества”[110].

Сходное объяснение, в котором подчеркиваются мужская агрессия и нежелание женщин вспоминать о ней, вместе и приводящие к молчанию, уже предлагалось в связи с другими событиями. Так психолог Эрика Хернинг занималась изучением аналогичного феномена в послевоенной Восточной Германии, занятой советскими войсками. Она доказывает: пока немецкие женщины, подвергшиеся насилию со стороны советских солдат в 1945 г., сохраняли в целом преданность своим мужчинам и не винили их в том, что произошло, сами мужчины-немцы все отрицали и часто обвиняли опозоренных и запуганных женщин в дружбе с врагом. Иначе говоря, жертву насилия преследовали с двух сторон: ее терроризировали советские войска и подвергали остракизму свои же родные и общество[111]. Считалось, что женщина “добровольно согласилась” вступить в половую связь (ведь она осталась в живых, вместо того чтобы умереть, но потерять свою честь). Отсюда делался автоматический вывод о том, что она помогала насильникам, а потому заслуживала не

---

[110] J.Herman. *Trauma and Recovery The Aftermath of Violence—from Domestic Abuse to Political Terror.* New York: Basic Books, 1992-1997. P. 4; K.R. Jolluck. *Gender, Identity and the Polish Experience of War, 1939-1945.* Ph.D. Diss. Stanford University, 1995. P. 160-161.

[111] E.M. Hoerning. The Myth of Female Loyalty // *Journal of Psychohistory*. 1988. Vol. 16. No. 1. P. 19-46. Ср.: E.Heineman. The Hour of the Woman: Memories of Germany’s ‘Crisis Years’ and West German National Identity // *American Historical Review.* 1996. Vol. 101. No. 2. P. 354-395; N.Naimark. *The Russians in Germany: A History of the Soviet Zone of Occupation, 1945-1949.* Cambridge: Belknap Press, 1995. P. 69-140. Ср.: M.Stark. “*Ich muß sagen wie es war” Deutsche Frauen des GULag.* Berlin: Metropol-Verlag, 1998.

После сорока пяти лет молчания Алина Полкс - венгерский детский психолог из Трансильвании - рассказала в своих мемуарах, впервые изданных в 1991 г., что она была изнасилована сотни раз советскими солдатами в 1945 г. По мнению Полкз, советские солдаты применяли особенно зверские репрессии к женщинам, подозреваемых в сотрудничестве с немцами: “Русские, после изнасилования, отрезали ножами грудь у женщин, которые сожительствовали с немцами”. Затем следовали ритуальные сцены унижения: женщинам брили головы, а потом их водили по улицам под градом насмешек и оскорблений со стороны их бывших соседей. A.Polcz. *A Wartime Memoir: Hungary, 1944-1945.* Budapest: Corvina, 1991-1998. P. 65.

сострадания, а презрения.

Во всех описанных выше сценариях, есть вполне достаточные комбинации для достижения удовлетворительного, хотя и трагического, объяснения относительно замалчивания вклада женщин, и о гендерном насилии в украинском восстании. Украинские женщины внесли слишком значительный вклад в борьбу Украины, и имеется мало оправданий или объяснений последующего молчания об этом.

Динамика советских карательных операций

Для того чтобы объяснить очевидное расхождение в оценках советских и украинских источников, простая справедливость требует обратить внимание на жертвы. Массовый террор и аресты, тюремное заключение, пытки, насилие - все это подпадало под рубрику советской "дезорганизации" повстанческих баз. Насилие со стороны советского государства было лишь средством, но не самоцелью. Оно не было произволом со стороны отдельных лиц – насилие было составной частью преднамеренной кампании. Эта кампания была нацелена на то, чтобы разрушить идентичность местных жителей, вбить клин между организованным сопротивлением и "обществом в целом", запугать оппозицию и предотвратить потенциальные акции протеста. Два сообщения, заимствованные дословно из доклада Контрольной комиссии ЦК ВКП(б) об итогах первых восемнадцати месяцев борьбы украинских партийных организаций с националистическим подпольем на Западной Украине (1946 г.), показывают, что офицеры МВД/МГБ в этом регионе часто использовали насилие в своих собственных личных и оперативных интересах:

> Начальник Глинянского райотдела МВД Львовской области Матюхин П.Е. в феврале [1946 г. – *Дж.Б.*], допрашивая [этническую украинку] Михальскую Е.Г., изнасиловал и жестоко избил ее. Просидев под арестом с 27 января по 18 февраля с.г. Михальская из-под стражи была освобождена за недоказанностью обвинений. Матюхиным также было изнасиловано по крайней мере четыре других девушки, арестованных незаконно: Патернак, Костив, Покира и Степанова. [Все] они были освобождены после учиненного над ними насилия и

> издевательства[112].
>
> Начальник Богородчанского райотдела МВД Станиславовской области Беспалов М.Д. и его заместитель Борисов И.З. в феврале сего года незаконно арестовал гражданок Снытько Марию и Фанегу Прасковью. Во время допроса их избивали, а затем посадили в холодную камеру. После освобождения из-под ареста, от перенесенных побоев Снытько умерла. Тело Снитько в течение двух дней находилось в ее квартире, пока оно не было обнаружено соседями, которые угрожали отомстить тем, кто это сделал из райотдела МВД[113].

Насилие было неотъемлемой частью советских методов допроса западно-украинских женщин. В своем дневнике польский врач Зигмунт Клуковски вспоминал: "В нашей камере мы могли иногда слышать крики и громкие вопли допрашиваемых… особенно женщин"[114]. О том, что там в действительности происходило, можно догадаться на основании красноречивого высказывания заключенной-польки Евгении Свойды: "[Как] женщина, я была доведена до отчаяния"[115]. Латышка, которая вынесла шесть месяцев заключения и допросов в далеких 1940-х гг., а потом молчала о пережитых испытаниях на протяжении полувека, вспоминает:

> Меня допрашивали различными способами, били по всякому, вытворяли все что угодно. Приводили меня туда, где вырывали ногти, где люди корчились на электрических стульях. Мне говорили: "С тобой будет то

---

112 Совершенно секретный доклад инструктора ЦК ВКП(б) Н. Гусарова, адресованный секретарям ЦК ВКП(б) Сталину, Жданову, Кузнецову, Патоличеву и Попову, "Недостатки и ошибки в идеологической работе КП(б) У[краины]", датирован 13 августа 1946 г. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 137. Л. 44.

113 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 137. Л.44-45.

114 Klukowski. Op. cit. P. 148; Ср.: J.T. Gross. *Revolution from Abroad: The Soviet Conquest of Poland's Western Ukraine and Western Belorussia.* Princeton: Princeton University Press, 1988. P. 181.

115 Из доклада 1940 г. Jolluck. Op.cit. P. 142. О допросах полячек Советами см.: Ibid. P. 87-190.

> же самое, если ты не скажешь нам, где твои братья и все остальные". Боже мой! Что я могла сказать?[116]

Столкнувшись с организованным массовым террором со стороны советской власти, местное население было запугано до покорности, боялось сказать лишнее слово. Страх заставлял людей молчать многие десятилетия, после того репрессии прекратились. Возможно в этом этом и заключался смысл насилия: дезорганизовать местное население, лишить его любой надежды на возможность успешного сопротивления советской власти.

Использование Советами насилия в качестве тактического оружия в борьбе с оппозицией прекрасно иллюстрируют отчеты одной из советских спецгрупп, действовавших на Западной Украине. Как следует из документов, особый замаскированный под повстанцев отряд МГБ регулярно терроризировал местных украинских женщин. Приведем только один из множества примеров, обнаруженных нами в материалах советских органов безопасности:

> В ночь на 23 июля 1948 года этой же спецгруппой [замаскированной под повстанцев – *Дж.Б.*] из с. Подвысоцкое была уведена в лес гражданка РЕПНИЦКАЯ Нина Яковлевна, 1931 г.р. В лесу РЕПНИЦКАЯ была подвергнута пыткам.
>
> Допрашивая Репницкую, участники спецгруппы тяжко ее избивали, подвешивали вверх ногами, вводили в половой орган палку, а затем поочередно ее изнасиловали.
>
> В беспомощном состоянии Репницкая была брошена в лесу, где ее нашел муж и доставил в больницу, в которой Репницкая находилась продолжительное время на излечении[117].

Зачем это было нужно? Следуя полученным инструкциям, сотрудники НКВД переодевались в повстанцев, затем совершали злодеяния от их имени, надеясь таким образом посеять

---

[116] Из интервью, данном в 1990-х гг. специалистом по медицинской антропологии Виедой Скултанс. Цит. по: *The Testimony of Lives: Narrative and Memory in Post-Soviet Latvia.* New York - London: Routledge, 1998. P. 137.

[117] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 16. Д. 68. Л.10-17.

недоверие и вражду между отрядами повстанцев и местным населением. В этих условиях гендерное насилие было не самоцелью, а тактическим оружием: женское тело использовалось для разрастания конфликта.

Были ли насильники в советской форме мелкими должностными лицами местного аппарата или сотрудниками спецгрупп, выполняющими приказ, советская власть сама сыграла решающую роль в создании образа врага. Этот образ распространялся не только на украинских мужчин, но и на женщин и детей. Логика строительства институтов советской власти в регионе диктовала образ врага, который оправдал бы использование насилия против молодежи и стариков, мужчин и женщин. 23 апреля 1947 г. во Львове, на встрече тридцати пяти секретарей обкомов, офицеров МГБ и МВД Западной Украины с Лазарем Кагановичем, Никитой Хрущевым и Министром Государственной Безопасности УССР С.Р. Савченко, первый секретарь Дрогобычского обкома партии Горобец заметил, что шестьдесят процентов всех местных жителей, обвиненных в 1946 г. в принадлежности к украинскому националистическому подполью, составляли женщины и девушки, в то время как среди рядовых местного отряда УПА женщин было только восемь процентов[118]. Первый секретарь Станиславовского обкома М. Слонь объяснил причину повышенного внимания карательных органов к украинским женщинам и детям: “Мы должны репрессировать членов семьи, как врагов народа. Мы должны выслать семьи бандитов [повстанцев – *Дж.Б.*] как опасную угрозу безопасности государства”[119]. Массовые аресты и депортации были направлены не только повстанцев, но также против их родных и близких – всех, кто попал в руки органов за "пособничество" организованной антисоветской оппозиции. Кроме того, массовые репрессии всегда приносили практический результат. Повстанцев-мужчин нужно было еще захватить в плен, в то время как наказать их жен, матерей, дочерей, родственников и соседей не составляло труда для сталинского

[118] “Протокол о совещании секретарей обкомов и начальников облуправлений МГБ западных областей СССР”. РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 128. Л.150-171 (Л. 155).

[119] Там же. Л. 153.

карательного аппарата.

Из этого следует, что если бы украинской женщины-повстанца не существовало вовсе, советское государство определенно выдумало бы ее. Ведь мы говорим здесь не только об отдельных актах насилия, но и о последовательном и массированном институциализированном насилии со стороны государства. Проводя политику репрессий и террора, советские должностные лица должны были снова и снова превращать абстрактную справедливость в конкретные акты “принуждения”. Заметим, что украинские женщины появляются так часто в советских источниках в качестве врагов не только потому, что среди повстанцев было действительно много женщин. Другая причина в том, что было много женщин - жертв советской власти. Как часто бывает, в самом преступлении уже содержались элементы его оправдания и обоснования необходимости его совершения: с точки зрения советских органов, украинские женщины были наказаны за участие в повстанческом движении. Сформулируем это иначе: если жертвы были виновны, то карательные органы априори не могли быть виновны ни в каких преступлениях против них, какие бы репрессивные меры они ни применяли. Подобно тому как слишком смело одетую девушку иногда обвиняют в том, что она сама спровоцировала мужчину на изнасилование, Советы считали, что украинские женщины заслужили любые муки, на какие бы их ни обрекли карательные органы. На Западной Украине советская власть могла приспособить к своим нуждам законодательство так, чтобы оправдать любой акт организованного государством террора.

Документы

При публикации документов мы старались следовать орфо-графии и пунктуации оригинала, исправляя лишь очевидные ошибки и опечатки, затрудняющие понимание текста.

Документ 1
Инструкция о постановке информационно-осведомительной работы окружных отделов ГПУ УССР

(Харьхов, 1930)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ
У.С.С.Р.

СЕКРЕТНО-ОПЕРАТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

ОТДЕЛ ИНФОРМАЦИИ И ПОЛИТКОНТРОЛЯ

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ИНСТРУКЦИЯ

О ПОСТАНОВКЕ ИНФОРМАЦИОННО-ОСВЕДОМИТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ ОКРУЖНЫХ ОТДЕЛОВ ГПУ УССР

ХАРЬКОВ
1930

Функции информационных отделений

В основные функции информационных отделений входит следующее:

А. По линии информации

1. ИНФО, выполняя одну из важнейших задач аппарата ГПУ в области политической информации, сосредотачивает на ней основное внимание. С этой целью ведет глубокое освещение политических настроений всех слоев населения, как города, так и села, рабочих, крестьян, интеллигенции, учащихся, служащих, быв. партизан, нацменшиньства, — своевременно сигнализируя о происходящих процессах и назревающих явлениях.

2. Систематически информирует ГПУ УССР и соответствующие окружные организации о колебаниях и изменениях в политическом состоянии всех социальных прослоек.

3. Своевременно сигнализирует о нарастающих серьезных политических событиях и об активных антисоветских проявлениях.

4. Специально изучает назревающие политико-экономические процессы среди всех социальных прослоек города и села.

5. Ведет учет и статистику активных антисоветских проявлений, важнейших событий и типичных явлений по всем объектам.

6. ИНФО обобщает весь материал по политсостоянию округа или отдельного участка на основе данных, добытых всеми подразделениями СОУ.

Б. По подсобной работе

1. Широкая оперативная информация, которая должна питать специальные отделения ГПУ.

2. Систематическое освещение всего подучетного специальным отделениям элемента.

3. Выявление неучтенных кадров кулацко-контрреволюционного актива на селе, промышленности и в городе.

4. Подсобный учет лиц, проходящих по материалам ИНФО (концентрируется в реггруппе).

5. Выполнение заданий всех частей аппарата ГПУ. Во всей подсобной работе ИНФО иметь установку на выявление конкретных политических и экономических дел, а также ненормальностей, злоупотреблений и дефектов в советском, кооперативном и прочих аппаратах и на производстве.

В. По линии оперативной

1. Заводит агентурные обработки в порядке проверки первичных материалов по кулацкой контрреволюции и а.-с. элементу.

2. Ведет работу по оперативной профилактике, принимая меры к удалению классово-чуждого элемента и кулачества из предприятий в городе и на селе, из низового советского, административно-судебного и кооперативного аппаратов, проводя эту работу в необходимых случаях, отнюдь не в порядке кампаний.

П р и м е ч а н и е. Профилактика по оперативным материалам, передаваемым в ЭКО, проводится последним.

3. Устраняет перегибы и искривления в низовом советском, кооперативном аппарате, путем информационной постановки вопросов в соответствующих органах начальниками окротделов.

За время обработки устанавливаются следующие сведения:

а) правильность материалов;

б) подробные установочные данные на всех лиц, проходящих по обработке;

в) конкретные факты антисоветской деятельности и политическая физиономия проходящих по обработке лиц;

г) степень организационного оформления фигурантов и наличие посторонних влияний;

д) наиболее успешные способы дальнейшей агентурной разработки;

е) обработочные данные на возможных объектов вербовки в качестве внутренников, если это вызывается необходимостью.

П р и м е ч а н и е. В зависимости от степеи важности обработок по одному и тому же пункту Начальником ИНФО решается вопрос о целесообразности заведения учетной карточки на данный населенный пункт.

СИСТЕМА ИНФОРМАЦИИ

а) Общая информация

Вся информация должна вестись строго по объектам и по вопросам.

Порядок информации устанавливается следующий:

Специальные периодические сводки о проходящих хозяйственно-политических кампаниях, о состоянии аппаратов и докладные записки о состоянии объектов по городу, селу и по специальным вопросам (составляются в сроки по прилагаемому табелю).

б) Специальная информация

Специальные сообщения выпускаются о важнейших событиях и об активных антисоветских проявлениях. К последним относятся:

1. *Террор* – убийства, ранения. избиения, покушения на убийства, поджоги.

2. *Массовые выступления* – сборища толпы, массовые предъявления определенных требований, выбрасывание контрреволюционных лозунгов, массовый террор советского актива и т.д.

3. *К.-Р. пропаганда* – распространение листовок, воззваний, прокламаций, лозунгов, стихов, плакатов, выявление анонимок и т.д.

4. *Активные антисоветские действия* – а) срыв собраний, сходов; б) открытые, наиболее яркие антисоветские выступления; в) коллективное неподчинение властям; г) нелегальные собрания; д) групповые отказы от получения окладных листов по налогу и другим платежам; е) нелегальный сбор подписей под различными заявлениями.

5. *Имущественное вредительство в сельском хозяйстве* – умышленная порча сельхозинвентаря, порча посевов, засорение зерна, преждевременный покос, поджоги собственного зерна, разрушение сельско-хозяйственных построек и прочее имущественное вредительство.

Кроме специальных сообщений, которые направляются в ИНФО немедленно, обязательно представление суммированных данных об активных антисоветских проявлениях по табелю.

Занимаясь общеполитической информацией по "Рабочим", ИНФО особое внимание уделяет своевременному исчерпывающему освещению следующих резких проявлений и массовых недовольств: забастовок, волынок, "итальянок", крупных конфликтов на производстве и забастовочных настроений, аварий, несчастных случаев, резких выступлений на почве недовольства зарплатой, охраной труда, продснабжения и т.д.

РАЙОННЫЕ УПОЛНОМОЧЕННЫЕ ГПУ

1. Районные уполномоченные выделяются Окружным Отделом ГПУ в районных центрах и являются штатными единицами ИНФО.

2. В принципе, каждый районный центр и крупное промышленное строительство должны быть обеспечены районным уполномоченным.

3. В окротделах ГПУ, где штатное количество райуполномоченных меньше количества районных центров и при невозможности содержать таковых во всех районах за счет местных средств – райуполномоченный может назначаться на два района с сохранением наименования – районный уполномоченный.

4. Содержание райуполномоченных, предусмотренных штатом ГПУ УССР, производится за счет сметных ассигнований по параграфу №1 сметы ОГПУ, со включением специальных сумм – проездных.

5. Райуполномоченный не имеет специального служебного кабинета при районном аппарате, не пользуется штампами и печатями.

6. Опыт подбора райуполномоченных показал, что ряд окр. отделов недостаточно серьезно относится к этому вопросу: не учитываются возможности выдвижения на должности Райуполномоченных квалифицированных и политически проверенных резидентов.

При таком положении были случаи назначения несоответствующих лиц, зачастую подозрительных по своему прошлому и политфизиономии.

7.Райуполномоченные никакого делопроизводства не ведут. У них хранятся обязательно в несгораемых кассах или железных сундуках только 3 нижеследующих папки:

1) с заданиями Окр. Отдела и списками подучетного элемента порайонно;

2) со списками осведомления в зашифрованном виде и точным перечнем объектов обслуживания (соц. сектор – колхозы, совхозы, коммуны, артели, МТС, кущи; индивидуальный сектор – прослойки, кулацкие поселки, рабочие, интеллигенция, соваппарат, кооперация, нацмены и т.д.);

3) с ориентировочными материалами по району (дислокация населенных пунктов со сведениями о характерных особенностях каждого в отдельности и объектах обслуживания в них).

П р и м е ч а н и е. Исполненные задания вместе с ответами возвращаются немедленно в ИНФО Окротдела.

Обязанности райуполномоченных

Районный Уполномоченный лично несет полную ответственность за постановку информационно-осведомительной работы в районе, обеспечивающей своевременное и четкое освещение политического состояния района, и за сигнализирование о нарастающих антисоветских тенденциях и проявлениях.

На районных уполномоченных возлагаются следующие обязанности:

1. Четкое и бесперебойное информационное обслуживание районов, в которых они работают, что является их основной задачей.

2. Руководство осведомлением, резидентурой, спецосведомлением, предварительный подбор действующих запасных резидентов и контрольного осведомления.

С этой целью:

а) Следит за своевременностью получения материалов и их достоверностью, давая по неполным или непроверенным донесениям соответствующие задания.

б) Райуполномоченный регулярно и своевременно посылает все сводки осведомителей в ИНФО Окротдела о политнастроениях всех слоев населения, о ходе политэкономкампаний и проч., в сыром виде, со своими заметками на каждой сводке.

О выявленных лично фактах райуполномоченный доносит отдельными рапортами. Кроме того, райуполномоченный на основании личных наблюдений составляет периодические доклады о политическом состоянии района, о прохождении кампаний, освещая при этом работу районного аппарата.

в) Следит за регулярной связью резидента с осведомлением, за систематическим инструктированием резидентом всей сети и полнотой ее использования.

г) Поддерживает связь с резидентами ИНФО и через них со всем осведомлением.

Связь с резидентами осуществляется лично, по возможности два раза в декаду с соблюдением строжайшей конспирации и учетом конкретной обстановки при выборе места связи.

Категорически запрещается поддерживать письменную связь с резидентом. С Окротделом райуполномоченный имеет письменную связь через фельдотделение, а также путем личных выездов в Окротдел с санкции последнего. По особо важным проявлениям, райуполномоченный направляет материалы нарочным или сообщает о них по телефону.

д) Инструктирует резидентов и осведомление в соответствии с полученными директивами и заданиями ИНФО.

Инструктирование проводится устно по объектам, по кампаниям (хлебозаготовка, посевная, налог, перевыборы советских и общественных организаций) по отдельным заданиям ИНФО и спецотделений, полученным через ИНФО, по обработкам и по освещению подучетного элемента.

Особое внимание следует уделить при этом вопросам дипференциации освещения, добиваясь, чтобы осведомление в первую очередь освещало свой основной объект (середняк – середняка, бедняк – бедняка, учитель – интеллигенцию и т.д.).

Большое место в руководстве резидентурой и осведомлением должно быть уделено их чекистскому и политическому воспитанию, на основе практического инструктажа по агентурным материалам, директивам ИНФО и материалам прессы.

Райуполномоченный должен ежемесячно вести точный учет работоспособности осведомительной сети.

На основе учета работоспособности сети, уполномоченный дает соответствующие указания резиденту, а при необходимости – тому или иному осведомителю. Эти сведения направляются ежемесячно в ИНФО Окротдела с краткой докладной запиской об оргсостоянии осведомления и резидентуры и выполнении плана охвата населенных пунктов.

При инструктаже резидента райуполномоченный должен рекомендовать конкретные методы связи с каждым осведомителем в отдельности.

е) Непосредственно связан с запасной резидентурой, занимаясь квалифицированием и подготовкой таковой.

ж) Непосредственно связан с контрольным осведомлением, инструктируя последнее в соответствующем направлении его работы.

з) Непосредственно поддерживает связь и инструктирует спецосведомление ИНФО по кулачеству и особо ценное осведомление: МТС, промышленности и рабочих, интеллигенции, правлений колхозов и т.д., проверяя их параллельным осведомлением.

и) Проводит работу по намачению и обработке объектов к вербовке.

к) Проводит вербовку обработанных объектов только по утверждению Окротдела в каждом отдельном случае.

л) Связан с мобзапасом осведомления и обрабатывает его для нужд военного времени.

3. Изучение политических, экономических и проч. особенностей района и промпредприятий, для этого подбирает материал через сеть, на основе чего представляет свои соображения в части насаждения сети с тем, чтобы все объекты полностью обслуживались.

4. Наблюдение за систематическим освещением подучетных элементов.

5. Руководство исполнением заданий, следя за качеством и быстротой исполнения.

6. Проводит активные мероприятия:

а) аресты и обыски только по указаниям Нач. Окротдела;

б) следственные мероприятия по отдельным заданиям Нач. Окротдела.

П р и м е ч а н и е. Проведение райуполномоченным обысков, арестов и следственных действий разрешается в случаях крайней необходимости с таким расчетом, чтобы выполнение главной задачи – информосведомительного обслуживания района ни в коем случае не страдало.

7. Районные уполномоченные выполняют поступающие через ИНФО Окротдела задания специальных отделений в области агентурной работы со всей тщательностью и быстротой.

8. В исключительных случаях, при невозможности для специальных отделений установить непосредственную связь с агентурой и спецосведомлением и при достаточно квалифицированном Районуполномоченном, разрешается ему связь и руководство отдельными агентами и спецосведомами.

Руководство райуполнлмоченными

1. Повседневное руководство, инструктирование райуполномоченных осуществляется Информотделением Окр-отдела.

2. Инструктирование по отдельным отраслям работы (КРО, СО, ЭКО) проводится работниками этих отделений на периодических инструктивных совещаниях работников Окр. Отдела и райуполномоченных.

3. Руководство по конкретным разработкам и по заданиям особо серьезного характера проводится непосредственно работниками, ведущими дело, исходя из того, что последние имеют возможность лучше проинструктировать рай-уполномоченного, зная все детали по делу.

Обязанности райуполномоченных при политических осложнениях в р–не

1. При политических осложнениях в районе, райуполномоченный принимает все меры к усилению информационного и агентурного обслуживания пораженных сел и близлежащих к ним населенных пунктов, для чего использовывает все возможности, имеющиеся в его распоряжении.

Уполномоченный связывается с нужным осведомлением непосредственно.

Наряду с информационной работой, уполномоченный проводит первичные оперативные и агентурные мероприятия при следующих обстоятельствах:

а) при наличии конкретных материалов о подготовке активных а-с проявлений и необходимости их немедленного предупреждения;

б) при необходимости решительного изъятия зачинщиков и инициаторов массовых выступлений, если таковые уже возникли;

в) при совершении терактов и выявлении виновных;

г) при наличии материалов о немедленной подготовке к бандитским и к-р. действиям, если замедление может повредить ликвидации.

2. О всех проводимых, в таких случаях, мероприятиях немедленно ставить в известность Окротдел. При отсутствии связи с Отделом, уполномоченным высылается немедленно нарочный с донесением по существу.

Взаимоотношения райуполномоченного с местными властями

1. Взаимоотношения районного уполномоченного с местными партийными и советскими органами заключается в том, что уполномоченный поддерживает связь с секретарями РПК, с председателями райисполкомов, устно информируя последних по поручению Окротдела.

О случаях искривлений и преступлений со стороны представителей местной власти, не требующих оперативного вмешательства Окротдела и могущих быть устраненныи путем применения профилактических мероприятий на месте, о случаях серьезного положения на территории района, требующих концентрации внимания и сил районного актива и аппарата.

2. Районные уполномоченные в промышленных районах предупреждают в исключительных случаях секретарей РПК о назревающих волынках, забастовках среди рабочих и служащих промышленных предприятий.

3. Районный уполномоченный ни в коей мере не является представителем Окротдела при районных властях, тем самым исключается постановка докладов и каких бы то ни было отчетов перед местными организациями о политическом состоянии района.

ДЕЙСТВУЮЩАЯ РЕЗИДЕНТУРА

Роль резидента

1. Резидент является основным низовым руководящим звеном осведомительной сети и представляет наиболее приемлемую организационную форму в данных условиях, которая должна обеспечить систематическое руководство и связь с осведомлением.

2. Подбор резидентов является одной из основных организационных задач ИНФО Окротдела, так как от правильной постановки этой работы зависит работоспособность осведомительной сети.

3. Резидентский состав является серьезной конспиративной частью негласного аппарата, а поэтому данному вопросу следует уделить сугубое внимание.

4. Резидент, как основное руководящее звено, связанное с осведомительной сетью, ни в коем случае не должен подменяться райуполномоченным в повседневной работе.

Принцип построения резидентур

1. Насаждение резидентур должно проводиться.

ПО СЕЛУ

В прямой зависимости от характерных особенностей данного района и степени колликтивизации последнего.

В соответствии с этим насаждение резидентов должно быть различным для разных категорий районов:

а) районов сплошной коллективизации;
б) коллективизированных на 40–50%;
в) коллективизированных частично.

1). *В районах сплошной коллективизации* резиденты должны подбираться из работников; сталкивающихся по своей основной работе (служебное положение), как с массой колхозников, так и с аппаратом коллективных объединений, входящих в куст.

Ориентировочно можно считать наиболее подходящими фигурами в качестве резидентов кустовых агрономов, инструкторов по культработе и работников МТС.

Рекомендуется также использовать соответствующих работников потребкооперации и райсельбанков.

При подборе резидентов нужно **проявить максимум инициативы**, учитывая местные условия и наличные кадры соответствующих работников.

Резидент соцсектора ведет свою работу в кусте, круг его деятельности — куст, причем им же обслуживаются все другие объекты (индивидуальные хозяйства, соваппарат и т.д.), находящиеся на территории данного куста.

Как правило, количество резидентов в районах сплошной коллективизации должно соответствовать количеству кустов.

Однако, при наличии большого количества осведомителей в одном кусте, насаждается дополнительная резидентура в наиболее крупном стационарном пункте данного куста из числа работников пункта.

Предельная нагрузка резидента—20 осведомителей.

2). *В районах коллективизированных на 40-50%* насаждение резидентур должно проводится по двум направлениям:

а) обслуживание коллективизированной части села, проводящееся по принципам организации резидентур в соцсекторе;

б) обслуживание индивидуального сектора и других объектов, осуществляемое по прежнему территориальному принципу (вторым резидентом);

в) ориентировочно рекомендуем привлекать в качестве территориальных резидентов инструкторов райисполкома, страхагентов, райагрономов, культ-работников, инспекторов, агентов Кооптаха, Утильсырья, Рудметаллторга.

Ни в коем случае не привлекать к резидентской работе Зам. пред. РИК'а, пред. КНС, Зав. финчастью, Зав. РайЗУ, статистиков, завхозов и секретарей, так как практика работы показала, что они непригодны в качестве резидентов.

3) *В районах незначительной коллективизации* при насаждении резидентур исходить из существующих принципов обслуживания административного района, причем обязательно учитывать при подборе резидентов их возможности систематической связи и руководства колхозным осведомлением (работники советского и кооперативного аппарата, связанные по роду своей основной службы с коллективами в районах).

4) Исходя из необходимости выполнения чрезвычайно серьезных задач, как в области политической информации, так и подсобной работы в каждом районе должно быть не менее 2-х резидентов. Целесообразно насаждать вторых резидентов не только в районных центрах, но и в населенных пунктах, являющихся местами экономического тяготения определенных участков.

5) Став на путь организации резидентур в соцсекторе по кустам, одновременно заостряется внимание местных ИНФО на изыскании возможностей создания комбинированной резидентуры из состава работников, соответствующих окружных организаций (Окраппарат колхозов, кооперативных и кредитных учреждений).

Комбинированная резидентура должна создаваться из окружных работников, для того, чтобы охватить наиболее квалифицированную часть осведомления резидентом, связанным непосредственно с оперативным составом ИНФО, что дает возможность разгрузить частично кустовых резидентов и райуполномоченного от непосредственной связи с некоторой частью спецосведомления.

Однако, комбинированный резидент приемлем только лишь в том случае, когда занимается систематическим обьездом одних и тех-же районов и в состоянии встречаться с каждым осведомителем приблезительно один раз в месяц.

Насаждение комбинированной резидентуры должно будет явиться существенной предпосылкой к воспитанию и систематической квалификации части специального колхозного осведомления.

Эти наиболее квалифицированные кадры осведомления можно будет использовать для проработки и агентурного изучения специальных вопросов колхозного строительства.

Инструктаж и связь с комбинированным резидентом осуществляется непосредственно оперативным составом ИНФО Окротдела.

ПО ПРОМЫШЛЕННОСТИ И РАБОЧИМ.

1.Насаждение резидентов и их подбор проводится в зависимости от специфических условий производства рабочих кадров, при следующем организационном построении:

а) резидентура по крупнейшей шахте или большой производственной единице;

б) подвижной резидент, обслуживающий ряд производственных единиц (сахарная промышленность);

в) внутризаводские резиденты, связывающиеся с ограниченной частью осведомления на определенном предприятии по основным цехам — вводятся в целях

своевременного предупреждения нарастающих волынок, забостовок и крупных конфликтов;

г) комбинированный резидент, обслуживающий кроме предприятий другие объекты (совхозы и т.д.);

д) поселковый резидент, обслуживающий рабочих по месту жительства.

Обслуживание различных отраслей промышленности проводится следующим образом:

1. Металлургическая и металлообрабатывающая

Крупнейшие цеха на “гигантах” целесообразно обслуживать отдельными резидентами. На крупнейших предприятиях насчитывающих до 20.000 рабочих, организуется минимум 5 резидентур.

2. Угольная и рудная

Наряду с охватом нескольких мелких рудников или шахт одним резидентом, допускается насаждение отдельных резидентов для обслуживания одного Шахтоуправления или крупного рудника.

3. Химическая

Как правило, крупные химические предприятия обслуживаются минимум двумя резидентами (завод «Донсода», группа рубежанских химических заводов) с учетом охвата всех цехов. В мелкой химической промышленности допускается охват нескольких предприятий одним резидентом.

4. Сахарная и сельско-хозяйственная

Резидентуры строятся по комбинатам, охватывающим несколько ближайших предприятий. На крупных же предприятиях с значительным количеством сельско-хозяйственных единиц (совхозы, призавхозы) создаются отдельные резидентуры.

5. Строительная

По крупному капитальному строительству, разбросанному на большой территории (Днепрострой, Тракторострой) создаются отдельные резидентуры для

обслуживания крупных участков. Несколько мелких единиц, как промышленного, так и жилищного строительства, обслуживается одним резидентом.

6. Прочие отрасли

Самостоятельные резидентуры насаждаются на крупных предприятиях. Несколько мелких промышленных единиц обслуживается одним резидентом.

ПО БЕЗРАБОТНЫМ

1) Резиденты по безработным отличаются от остальных тем, что они должны обеспечить прием осведомления в течение всего дня (с момента открытия биржи), что и следует учесть при их подборе.

2) Наиболее подходящими фигурами в качестве резидентов следует считать: комендантов бирж, заведывающих бюро жалоб при биржах, студентов вечерних ВУХ'ов.

3) Резиденты по безработным поддерживают связь с осведомлением на общих основаниях — на конспиративных квартирах. В исключительных случаях (наростание резких недовольств, когда необходима срочная информация) разрешаются встречи с осведомлением в секциях или в красных уголках.

4) Крупные биржи (Харьков, Киев, Одесса, Днепропетровск) должны обслуживаться 2-мя резидентами:

а) первый резидент связан с осведомлением, специально выделенным для выявления активных а/с проявлений и тенденций к ним (волынки, тенденции к демонстрациям, резкие выступления и т.п.);

б) второй резидент связан со всем остальным осведомлением по этому объекту (осведомление из аппарата биржи, секций и коллективов безработных).

5) Резиденты по безработным должны иметь возможность, в случаях необходимости, во всякое время ставить в известность непосредственно ИНФО Окротдела о важнейших проявлениях на бирже, как путем личной связи, так и другими способами (телефон, посылка осведомителя).

6) Материалы о настроенях безработных передаятся резидентурами в ИНФО ежедневно после приема сети.

ПО СТУДЕНЧЕСТВУ

1) Резиденты по студенчеству подбираются преимущественно из лиц с высшим образованием.

2) Наиболее подходящими кандидатурами являются студенты последних курсов, проверенные в течение долгого времени на чекистской работе (осведомителей), можно также использовать комендантов ДПС'ов из квалифицированных осведомителей.

3) Для пользы дела резидент-студент не должен обслуживать ВУЗ, в котором сам учится.

4) Связь с осведомлением должна осуществляться на конспиративных квартирах, кроме того заранее обуславливается порядок встречи на случай срочной необходимости.

5) Рекомендуется создавать отдельные резидентуры из студенток, выделив для связи с этим осведомлением женщин.

Подбор резидентов

1) Вопрос подбора резидентов имеет важнейшее значение, поэтому при их вербовке необходимо располагать такими обработочными материалами, которые всесторонние характеризовали бы намеченных к вербовке объектов.

2) Подбор резидентов должен быть проведен на основе полного и всестороннего изучения наиболее способных для резидентской работы осведомителей. Рекомендуется в качестве резидентов брать быв. чекистов, если их прежняя гласная работа в органах ГПУ не является достоянием широких масс данного города.

3) Процесс обработки об'ектов в качестве резидентов должен протекать следующим образом:

1. По селу

а) на всех работников беспартийных и членов партии советского, колхозного и кооперативного аппаратов, должности коих подходят для резидентской работы, заводятся обработки, которые находятся на строгом учете;

б) райуполномоченный, на основе донесений осведомления и личных наблюдений, составляет характеристики на каждого учтенного работника в отдельности по следующей форме: фамилия, имя и отчество, возраст, социальное положение,

партийность, прошлое, место рождения, отношение к своей основной работе, круг знакомых, личные качества, развитие, авторитетность, участие в проведении компаний, зависимость от вышестоящих по службе лиц, отношение к воинской службе и прочность служебного положения. Периодически освещая обрабатываемых объектов, райуполномоченный выявляет, главным образом, моменты отрицательного характера;

в) все обрабатываемые объекты должны быть проверены по учетам Окротдела, Милиции и судорганов. Если обрабатываемый объект уроженец другого округа или района, то наводятся соотвествующие справки;

г) по установлении полной пригодности объекта для нашей работы, он вербуется исключительно оперативным составом ИНФО Окротдела и связывается с рай-уполномоченным.

Некоторое время — минимум один месяц, завербованный работает в качестве осведомителя и при его абсолютной пригодности для работы в качестве резидента, с санкции ИНФО Окротдела, райуполномоченный начинает постепенно передавать ему сеть.

Если в районе имеется необходимое количество резидентов и нет надобности в их замене, то завербованный зачисляется как запасный резидент и поддерживает связь с районным уполномоченным;

д) в нацрайонах (немецких, польских, болгарских, греческих) резидентов необходимо подбирать из числа работников аппарата и куста соответствующей национальности. Особенно следует серьезно проверять лиц из немецкой и польской национальностей, с точки зрения выявления их связей с заграницей. При наличии таковых, хотя бы только родственных, категорически воспрещается привлекать к резидентской работе.

2. По рабочим и промышленности

а) На наиболее ценных и проверенных, подходящих к резидентской работе осведомителей-рабочих должны быть заведены специальные личные дела, в коих концентрируются материалы об их личных и чекистских качествах.

б) Установив пригодность этих кандидатур для резидентской работы, необходимо постепенно их втягивать в текущую работу, связывая вначале с отдельными неценными

осведомителями, особо тщательно следя за руководством последними.

1) Категорию лиц, подходящих по служебному и производственному положению для резидентской работы, как шаблон нельзя устанавливать, а при подборе нужно иметь в виду:

а) независимое положение резидентов на производстве — для внутризаводских резидентов (коменданты предприятий, представители охраны труда, профработники и т.и.)

б) независимое положение после дневного труда для резидентов, приним-ающих сеть вне предприятий;

в) близкое проживание резидентов от основной массы осведомителей или наличие удобных средств связи (автобусы, трамваи);

г) возможность передвижения во всякое время для резидентов по обслуживанию горной, сахарной и сельско-хозяйственной промышленности (наличие средств передвижения);

д) нерациональность использования для руководства рабочим осведомлением тех резидентов, которые выполняют руководящую работу, связанную с материальным положением рабочих (ТНБ, расцепщиков).

П р и м е ч а н и е. Административно-технический персонал может быть привлечен к резидентской работе, если не является прямым администратором своих осведомителей по своей основной работе.

ОБЯЗАННОСТИ РЕЗИДЕНТА

Резидент систематически поддерживает связь и инструктирует осведомление, которое ему поручено.

В практической повседневной работе резидент особое внимание обращает на следующие моменты:

а) чекистское воспитание осведомления и стимулирует развитие его личной инициативы;

б) абсолютную законспирированность, как свою, так и порученной ему осведомительной сети;

в) объективность материалов, т.е. следить за тем, чтобы осведомитель писал о том, что действительно имеет место, ни в коем случае не замазывая или сгущая краски по тому или иному факту;

г) выяснение его личных настроений и политических взглядов, путем периодических бесед с осведомлением по вопросам текущей политики;

д) освещение осведомителем в первую очередь своего основного объекта;

е) тщательное выполнение всех поручаемых ему заданий;

ж) освещение всех текущих вопросов — хозяйственных и политических кампаний, изучение отдельных специальных вопросов;

з) изучение вновь возникающих явлений, сигнализируемых отдельными осведомителями с целью определения степени распространенности этих явлений;

и) осторожную взаимную проверку одних осведомов другими, сконцентрированных в одном месте (цех, село, ВУЗ и проч.).

Резидент практически инструктирует осведомителя по каждой полученной сводке, выявляя все упущенные моменты на месте, по возможности дополняет материалы при разговоре с осведомителем. Если же последний не может сразу ответить на интересующие вопросы, то резидент дает ему задание о подготовке необходимых сведений к следующей встрече, делая соотвествующую пометку на сводке с указанием ориентировочного срока исполнения. Также поступает с ответами на задания.

Получая агентурный материал, резидент на месте у осведомителя выясняет возможности дальнейшей разработки.

Необходимо учесть, что систематический инструктаж осведомления по конкретным материалам в значительной мере повышает квалификацию сети.

Не реже одного раза в 3 месяца резидент обязан дать личо письменную оценку каждому осведомителю, останавливаясь на положительных и отрицательных сторонах последнего.

Связь

1. Резидент осуществляет лично связь с переданным ему осведомлением, с соблюдением строжайшей конспирации, на основе учета местной обстановки, маскируя эту связь своей основной гласной работой.

2. Для встречи с городским осведомлением резидент должен разработать календарный план и строго его придерживаться, т.к. нарушение календаря разлагающе действует на осведомление. Резидентам по селу иметь ориентировочные планы встреч с осведомлением с тем, чтобы максимально охватить последнее.

3. Осведомитель города точно должен знать о времени встречи с резидентом с таким разчетом, чтобы не хранить у себя долго заготовленных материалов, а писать их за день до встречи с резидентом или в тот же самый день.

4. Категорически запрещается посылка через почту осведомителем материалов резиденту. В равной степени резидент не имеет права давать в письменном виде поручений осведомителю.

5. Резидент должен при первой же встрече с райуполномоченным передать ему все полученные при объезде участка материалы.

6. Как правило, резидент никаких письменных материалов у себя постоянно не хранит. Все задания ему даются устно, причем разрешается в отдельном блок-ноте производить необходимые записи таким образом, чтобы они были понятны только ему. Сделанные записи по миновению надобности немедленно уничтожаются.

7. Для облегчения связи с осведомлением, необходимо максимально использовывать их случайные приезды по месту жительства резидента—по личным делам.

8. С райуполномоченным резидент также поддерживает только личную связь по возможности не реже 2 раз в декаду. Вместе с тем, резидент не реже раза в 2 месяца должен вызываться в ИНФО Окротдела для инструктажа. Кроме того, нужно практиковать выезды работников ИНФО Окротдела в районы.

9. При прикреплении резидента к определенному населенному пункту для проведения какой либо кампании,

обязывать его связываться с осведомлением близлежащих населенных пунктов.

10. Категорически запрещается, в целях создания условий для работы резидентов, расшифровывать таковых перед руководителями районных партийных и советских организаций. В иcлкючительных случаях для указанной цели использовать Окр. Б. С.

11. В тех случаях, когда условия квартиры, где проживает резидент, достаточно обеспечивают конспирацию — принимать сеть на дому.

12. В городе и промышленных районах прием осведомления резидентом может производится на специальных конспиративных квартирах.

13. Связь с осведомлением может быть осуществлена также посещением квартир осведомителей, если есть полная возможность эти встречи замаскировать.

14. Резидент должен заранее обусловить с осведомлением порядок экстренной связи по важнейшим событиям.

15. Резидент, принимающий осведомление на дому, должен обеспечить конспиративность своей работы перед семьей.

16. Резидент обязан о всех предстоящих изменениях в его служебном положении, затрудняющих связь с осведомлением и Окротделом, ставить заблаговременно в известность ИНФО.

17. Резидент обязан о случаях расшифровки немедленно ставить в известность связанного с ним работника или начальника ИНФО.

ЗАПАСНАЯ РЕЗИДЕНТУРА

1. Действующая резидентура, в силу различных объективных причин, подвергнута текучести. Это обстоятельство выдвигает необходимость создания кадров запасных резидентов, в целях устранения больших перерывов в связи с осведомлением в обслуживании районов.

2. Обработка, вербовка и подготовка запасных резидентов проводится в полном соответствии с пунктом ... [так в оригинале – *Дж.Б.*] раздела «Подбор резидентов».

3. Завербованный объект в качестве запасного резидента связывается непосредственно с райуполномоченным и, оставаясь на положении осведомителя, подвергается особой обработке.

4. Систематическая работа по чекистской квалификации этой категории осведомления должна проводиться таким образом, чтобы в короткий срок запасные резиденты в случае надобности, могли быть переброшены на резидентскую работу.

Однако, в период обработки и использования его как осведомителя, запасный резидент не должен знать об истинной цели своего назначения.

КОНТРОЛЬНОЕ ОСВЕДОМЛЕНИЕ

1. Для периодического освещения действующих и запасных резидентов служит контрольное осведомление, которое должно быть непосредственно связано с райуполномоченным.

2. Контрольное осведомление вербуется из лиц, сталкивающихся по работе и имеющих личные связи с действующими и запасными резидентами, что дает им возможность освещать основную работу, поведение и личные настроения последних.

3. При даче поручения контрольному осведомителю освещать резидентов, необходимо, во избежание расшифровки последних, поручать освещение контрольному осведомителю, вместе с резидентом, и других лиц.

4. Контрольный осведомитель ни в коем случае не должен знать о своем назначении.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА ОСВЕДОМИТЕЛЬНОЙ СЕТИ

Разработка планов

Организационное настроение осведомительной сети на селе, промышленных предприятиях и по всем городским объектам должно быть основано на твердых, конкретно разработанных планах, которые составляются по следующим принципам:

1) Учета хозяйственно-политического состояния населенного пункта, промышленного предприятия, прослойки, отдельной системы звеньев в аппарате.

2) Насыщенности отдельных участков объектов обслуживания к-р элементом.

3) Пораженности их активными антисоветскими проявлениями.

При организации осведомительной сети нужно ее так расставить, чтобы охватить наибольшее количество обслуживаемых единиц (село, цех, шахта и проч.).

Реализация планов

1) Как правило, внеплановые вербовки не допускаются. Планы насаждения сети должны утверждаться ИНФО ГПУ УССР.

2) По возникающим процессам в различных объектах, в целях изучения и проработки специальных вопросов, ИНФО обрабатывает и вербует отдельных осведомителей вне плана.

3) Вербовка производится только после тщательного подбора и обработки соответствующего круга лиц, при условии достаточного изучения их возможностей как осведомов.

4) Вновь завербованный осведомов в течение определенного срока должен находиться под тщательным и непосредственным руководством райуполномоченного, после чего последний передает осведомителя резиденту.

Подбор осведомителя

Соответственно тем целям, которые преследуются при вербовке определенных категорий осведомления (для общеполитической информации, для подсобной работы, специального изучения отдельных вопросов), проводится подбор, обработка и вербовка соответствующих лиц.

Конкретно, общие принципы подбора осведомления таковы:

1) Для общего освещения политических настроений, основных социальных прослоек села и города (рабочие, батраки, бедняки, середняки, лойялная часть интеллигенции и служащих) вербуются лица, лойяльно относящиеся к Соввласти, но не выделяющиеся особой советской активностью в окружающей среде.

2) Для обслуживания кулачества и подучетных специальным отделениям элементов — нужно вербовать:

а) кулаков, имеющих прочные связи со своей прослойкой, но не являющихся ее идеологами и руководителями. Чрезвычайно важно, чтобы вербуемые из враждебной среды, по своему положению в прошлом,

родственным связям и прочим признакам (окулачившиеся середняки, родственники красноармейцев и совслужащих и пр.) могли бы поддаваться в процесс практической работы, как осведомители, надлежащей политической обработке и нашему влиянию.

б) Из такого же принципа следует исходить при облуживания компактных масс различных категории а/с элемента.

Осведомитель должен обладать следующими индивидуальными качествами: инициативностью, подвижностью, живостью, восприимчивостью, уменьем располагать к себе окружающих и завоевывать их доверие. Желательно также, чтобы вербуемый был грамотен.

Объекты обслуживания

Для осуществления всех поставленных перед ИНФО задач по линиям обще-политической информации и подсобной работы, — информационные отделения берут под свое специальное чекистское обслуживание нижеследующие объекты:

1. Рабочие.
2. Социалистический сектор с делением колхозников на прослойки.
3. Индивидуальный сектор, кроме кулачества.
4. Кулачество и имеющиеся кулацкие поселки.
5. Национальные меньшинства.
6. Интеллигенция города и села.
7. Служащие по всем аппаратам.
8. Безработные.
9. Колхозный аппарат.
10. Советский аппарат.
11. Административно-судебно-следственный аппарат.
12. Земельные органы.
13. Кооперация.
14. Военные объекты.

Для рационализации работы в практической ее постановке, отдельные объекты объединяются и обслуживаются совместно.

Объединненные информационные дела заводятся на следующие объекты:

1. Соваппарат. (сюда включаются: советский, административно-судебно-следственный и земельный аппарат со специальным подразделением «служащие»).

П р и м е ч а н и е. В крупных городах (Харьков, Киев, Одесса, Днепропетровск) в информ. Деле — «соваппарат» выделяется отдельное дело по городу.

2. *Соцсектор:* (колхозники и колхозный аппарат).

На все остальные объекты заводится по одному делу.

СТРУКТУРА СЕТИ ПО ОБЪЕКТАМ

1. Рабочие

Осведомительная сеть по различным отраслам промышленности строится следующим образом:

а) *Металлообрабатывающая* сеть насаждается преимущественно среди рабочих средней и высшей квалификации. Учитывая большую насыщенность металлообрабатывающих предприятий быв. членами а-с партий, необходимо по согласованию с СО, производить вербовки из соответствующего круга лиц.

б) *Металлургическая* — упор должен быть взят на вербовку рабочих низших квалификаций при полном обеспечении обслуживания рабочих механических цехов и силовых установок осведомлением на твердых кадров средней и высшей квалификации.

в) *Горная* — осведомлением должны быть охвачены подземные и поверхностные рабочие. По поверхностным рабочим нужно максимально охватить места их скопления (нарядная клеть, красный уголок, собрания). Подземные рабочие обслуживаются, главным образом, по месту жительства: казармы, поселки, села; и по возможности в шахтах. Сеть также строится земляческим связям.

г) *Химическая* — учитывая особую важность этой отрасли промышленности, необхомдимо строить сеть с таким расчетом, чтобы обеспечить повседневное освещение всех рабочих.

д) *Строительная* — осведомление насаждается не только по строительным участкам, но и по месту предстоящего набора рабочей силы.

е) *Сахарная и сельскохозяйственная* — обязателен охват осведомлением кадровых рабочих и сезонников, особенно в момент производства. Кроме того, учесть необходимость вербовки осведомления среди женщин, занимающих видное место на сезонных работах.

ж) *Текстильная* — при насаждении осведомления, учесть наличие большого количества работниц, в частности жен рабочих в этой отрасли производства.

2. Социалистический сектор.

Имея своей основной целью — всестороннее освещение политических настроений масс колхозников и систематическое обслуживание колхозного аппарата, — сеть строится по таким принципам:

1) Осведомление вербуется во всех тех колхозах, которые имеют удельный хозяйственный вес в общей системе социалистического сектора сельского хозяйства.

2) Вербовка осведомов по различным прослойкам колхозной массы с тем, чтобы было обеспечено обслуживание всех социальных групп внутри колхозов и основных бригад.

3) В колхозном аппарате должно быть обеспечено осведомление по следующим единицам:

а) Окрколхозцентр — вербуются осведомы в отделах, непосредственно связанных с продвижением кредитов, с учетом труда, агрономией и повседневным руководством.

б) Кустовые объединения — сеть насаждается с таким разчетом, чтобы иметь возможность освещать не только деятельность самого объединения, но и руководство вышестоящих организаций и недочеты в низовых звеньях колхозов.

в) Низовые объединения — должна быть взята основная установка на вербовку лиц из аппарата, занимающих выборные должности (члены правлений, члены ревкомиссий).

3. Индивидуальный сектор.

(Бедняки и середняки)

Для освещения политических настроений этих прослоек, руководствоваться следующими принципами:

1) Отказаться от использования кулацкого и анти-советского осведомления, сведя также до минимума в этом ворпосе роль осведомления из активистов.

2) В основном указанные прослойки должны освещаться прямым осведомлением.

4. Кулачество

Насаждение осведомления по обслуживанию кулачества проводится следующим образом:

1) В каждом селе, где имеются кулацкие хозяйства, должно быть обеспечено специальное их освещение с таким расчетом, чтобы, в основном, этим же осведомлением обслужить весь подучетный элемент и подвергавшихся различным репрессиям (семей раскулаченных, высланных, осужденных и расстрелянных).

2) Как правило, каждый кулацкий поселок должен быть охвачен специальным осведомлением ИНФО из состава расселенных.

3) По кулацким поселкам создаются кадры маршрутных спец-осведомов для глубокого агентурного прощупывания под-почвенных настроений.

5. Нацмены

Как самостоятельный объект обслуживается только в тех округах где имеются национальные районы и села.

Обслуживая эти административные единицы, нужно максимум внимания уделить их специфическим особенностям.

Основный упор при обслуживании национальных районов и сел должен быть взят на вербовку осведомления по крестьянским прослойкам, руководствуясь принципами организации осведомительной сети в украинских селах.

6. Интеллигенция

По этому объекту сеть строится в основном по следующему принципу:

1) Обязательно насаждение осведомления в местах концентрации различных групп интеллигенции, особенно учительства, на селе и в городе.

2) Практиковать вербовку служилой интеллигенции из окружных и районных центров, имеющей широкие связи с низовыми кадрами интеллигенции (инструкторский состав ОНО и здравучреждений).

7. Советский аппарат

(Советы, админисудслед., земельный, кооперативный и служащие)

Осведомление строится по таким принципам:

1) Окручеждения обслуживаются прямым осведомлением, через него же частично освещаются низовые звенья соваппарата.

2) Насаждается также осведомление в райучреждениях, причем следует учесть освещение этим осведомлением не только низовых звеньев, но и окружного руководства.

3) В сельсоветах осведомление вербуется только в исключительных случаях, когда это вызывается конкретной обстановкой в аппарате.

4) Из общего осведомления нужно всегда иметь в виду отдельные кадры, приспособленные к косвенному обслуживанию низового аппарата, инструктируя их в этом направлении.

5) Уполномоченные по кулацким поселкам должны обслуживаться осведомлением из аппарата, но ни в коем случае кулацким осведомлением.

6) Основными кадрами осведомления по земельным органам являются агрономы и землеустроители.

В окружных земельных учреждениях подлежат обязательному обслуживанию отделы: коллективизации, полеводства и землеустройства.

7) Лесничества освещаются прямым осведомлением из специалистов. Лесники-объездчики могут быть использовываемы только как косвенное осведомление по лесничеству.

8) В кооперативном аппарате при вербовке осведомления нужно брать ставку на правленческий, инструкторский составы и членов ревизионных комиссий.

П р и м е ч а н и е. Как правило, освещенние служащих проводится осведомлением соответствующих аппаратов.

8. Безработные

Осведомление по безработным насаждается по следующим принципам:

1) Переходящая сеть вербуется при скоплении больших групп безработных в определенные периоды (начало строительного сезона). Эта же сеть использовывается для обслуживания указанных групп по месту работы.

2) Относительно стабильная сеть осведомителей-безработных, для обслуживания застойных групп.

3) Осведомление для обслуживания аппарата бирж и коллективов безработных на предприятиях.

9. Военные объекты

(Переменники, допризывники, начсостав запаса, стационарные части, военизирован, охрана, ОСО, вневойсковики)

Основным по значению является обслуживание переменного рядового и начальствующего состава вне сборов, а также начсостава запаса.

Обслуживание переменников вне сборов ведется в контакте с особорганами, которые в этот период используют для освещения персостава выезжающих на районы с/с кадра.

Осведомление по этому объекту строится следующим образом:

1) *По переменникам* — насаждение сети должно итти по пути обеспечении каждой территориальной роты осведомлением не менее 2-х человек, для чего при обработке объектов тесно увяазывать кандидатуры со снисками соответствующего войского объединения.

2) *По допризывникам* — при вербовке осведомления по молодежи нужно учитывать возрастной состав с тем, чтобы при обслуживании допризывной поддготовки и призыва было опеспечено освещением также и настроение допризывной массы. Учесть также важность освещения мест концентрации допризывников вне сборов.

3) *По начсоставу запаса* — лица начсостава из общего осведомления должны инструктироваться в плоскости освещения компактных масс этого объекта вне сборов.

П р и м е ч а н и е. Материалы по всем объектам (кроме социалистического сектора), диференцируются отдельно по линиям объекты в коллективизированном секторе и вне его.

4) *По стационарным частям* — насаждение сети идет по приципу охвата войсковых соединений (в основном поротно), а в военкоматах — по отделам и командам.

5) *По военизированной охране* — принцип насаждения сети такой же, как и по стационарным частям, но с тем, чтобы охватить и ту часть стрелков, которая не находится на казарменном положении.

По ОСО — обеспечить соответствующим осведомлением окружные организации, поставив перед осведомлением задачу освещения деятельности всей организации в целом. Упор берется на осведомление из инструкторского состава.

Бывшие партизаны

Помимо осведомления, завербованного из этого контингента лиц в порядке общего освещения той или другой прослойки, необходимо в местах концентрации наибольшего количества бывших партизан насаждать специальное осведомление для проработки специальных вопросов.

Молодежь

При вербовке сети по всем социальным группам города и села — нужно учесть необходимость всемерного обслуживания всей молодежи, особенно рабочей, учащейся и кулацкой.

В порядке выборочного обслуживания крестьянской молодежи вербуется 2-3 специальных осведома по району, что учитывается при разработке планов организации сети.

В городе и на производстве обслуживание молодежи проводится в увязке с соответствующими объектами.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РАБОТЫ В ИНФОРМАЦИОННЫХ ОТДЕЛЕНИЯХ

Вся работа по обслуживанию села и города распяределяется **строго по объектам**.

Обслуживающие обьекты ведут по ним следующую работу.

1. *Организационную* — составляют и реализовывают планы насаждения сети по объектам, наблюдают за работоспособностью осведомления, пользуясь данными районных контрольных листов, организуют специальные резидентуры.

2. *Информационную* — выпускают суммированные специальные сводки, сообщения и докладные записки.

3. *Оперативную* — агентурные обработки и профилактику.

4. *Подсобную* — непосредственно связанную с обслуживаемыми объектами (выявление к.-р. групп и одиночек, экономических преступлений, учет и контроль, выполнения заданий, касающихся только объекта).

5. *Мобилизационную* — ведет всю работу по мобилизационной готовности объекта.

Выделение специальных сводчиков категорически запрещается.

В целях четкой постановки организационной и подсобной работы по районам, все административные районы распределяются между работниками ИНФО, к которым прикрепляются определенные участки (4-5 районов).

По прикрепленным районам проводится соответствующими работниками следующая работа:

1. Организация районных резидентур, подбор, обработка и вербовка запасных резидентов и контрольного осведомления.

> П р и м е ч а н и е. Эту часть работы ведут только те работники ИНФО, которые достаточно к этому подготовлены в смысле чекистской квалификации.

2. Составление контрольных листов в районах по всем объектам.

3. Выпуск внутренних агентурных сводок.

4. Учет и контроль всей работы по выполнению заданий и освещению всего разрабатываемого специальными отделениями элемента.

5. Ведение агентурных обработок, охватывающих несколько объектов (смешанные группы из различных прослоек и аппарата и т.д.).

П р и м е ч а н и е. К работникам, обслуживающим промышленные объекты, прикрепляются районы соответствующих отраслей промышленности.

Учет активных антисоветских проявлений

Для слатистики и учета всех активных антисоветских проявлений — заводится карточный учет сел, пораженных последними.

На каждой карточке последовательно обозначаются к.-р. проявления, отмеченные в данном селе. Примерно, если в селе Ивановке происошел в первые 15 мая поджог, заводится на это село карточка, обозначается подробно этот террористический акт. Последующие террористические и другие активные контрреволюционные проявления (массовые выступления, листовки) по этому селу наносятся на этой-же карточке.

П р и м е ч а н и е. Образец учетной карточки прилагается.

Учет подсобной работы

В целях постоянного контроля и точного учета подсобной работы ИНФО — вводится следующее **подсобное делопроизводство.**

1. *Карточный учет* поступающих и выполненных заданий. Карточки хранятся в 2-х ящиках; по мере выполнения заданий — карточки переносятся из первого ящика **поступающих** во второй ящик — **исполненных.** В обоих ящиках имеются перегородки с надписями: КРО, СО, ЭКО; карточки хранятся в порядке номеров заданий и по месяцам. На них имеются следующие обозначения: № задания, из какого отделения — группы исходит, краткая сущность, дата получения задания и срок выполнения, краткая сущность ответа.

2. *Ежедневные внутренние агентурные сводки* — по материалам оперативного характера. В этих сводках помещаются:

а) материалы, подлежащие немедленной передаче в другие отделения;

б) материалы, требующие первичной обработки, по которым ИНФО заводит агентурные обработки.

В сводке излагается сущность материала, его источник и по особо интересным материалам мнение ИНФО о надежности осведомителя и мероприятия ИНФО, связанные с дальнейщей проверкой сведений.

3. *Районные списки подучетного ИНФО и специальным отделениям элемента* — по объектно; эти списки хранятся в делах по объектам на всех подучетных по всем линиям; по каждому району составляется один список в алфавитном порядке с указанием сел и отметками о полученных сводках.

4. При передаче обработок в специальные отделения направляются в ИНФО ГПУ УССР копии **подробных постановлений** о передаче. В них обязательно указывать сущность обработки, ее окраску, состав фигурантов и проведенные ИНФО мероприятия.

5. *Журнал агентурных обработок*, в котором имеются следующие обозначения: дата заведения, краткая сущность, название села и района, количество фигурантов, окраска, расписка в получении, результаты мероприятий других отделений.

Результативность отмечается Начальником ИНФО на основе данных, получаемых от специальных отделений.

П р и м е ч а н и е. Все формы по этому разделу прилагается.

Реализация материалов

Осведомительный материал регистрируется путем соответствующих пометок в районных контрольных листах по объекту, а также по городским резидентурам (форма листа прилагается). Все выявленные типичные явления должны учитываться в **месячных статистических таблицах.**

Сырой материал, используемый в порядке общей информации, (для спецводок, докладных записок), пред-

варительно не перепечатывается. И, как правило, работниками реализуется по объектам.

Материалы, отобранные для специальной информации (см. Пункт «Б» раздела специнформации) и в порядке подсобной работы, после соответствующей тщательной проработки, и использования в порядке информации реализуются путем выпуска внутренних агентурных сводок (см. Пункт 2 раздела «учет подсобной работы»).

Специальная сводка, как правило, отражает отрицательные моменты. Положительные факты приводятся только в тех случаях, когда необходимо дать картину настроений и состояния того или иного объекта.

Помещаемый в сводках наиболее характерный фактический материал должен излагаться в сжатой форме, давая вместе с тем ясное представление об освещаемых явлениях.

Составление выводов к каждой сводке не обязательно. Краткий анализ дается при наличии достаточного количества проверенного фактического материала (помимо помещаемого в сводке), подкрепленного рядом официальных сведений и данных БС.

При освещении различных кампаний необходимо учитывать цифровые данные в окружном масштабе (добываемые через официальные источники), приводя указанные цифры в специальных сводках, подвергая их возможной агентурной критике.

В конце каждого раздела сводки обозначается количество поступивших от осведомления фактов по этому вопросу с указанием цифры освещенных, хотя и не вошедших в сводку, сел и районов.

Весь осведомительный материал, после его использования, по-декадно раскладывается по личным делам осведомления.

Для того, чтобы в любое время иметь возможность составить полный доклад о политическом состоянии отдельного района, округа с учетом всего поступившего материала осведомления, не загружая в то-же время ИНФО ислишней технической работой, — устанавливается следующий порядок хранения личных дел осведомителей.

Личные дела осведомления должны храниться порайонно или городским резидентом — с разбивкой по объектам — со

всеми оригиналами, сводок; кроме того, один экземпляр каждой «внутренней агентурной сводки» разрезывается также для хранения порайонно.

Оригиналы осведомительных сводок периодически уничтожаются по актам с таким разчетом, чтобы, однако, всегда были налицо все сводки за последние 6 месяцев.

ТЕХНИКА

а) Информационное делопроизводство.

На каждый объект обслуживания ИНФО заводит **информационное дело**, которое строится следующим образом:

1) *Общая часть*, состоит из следующих 2 папок:

1) Ориентировочные данные по объекту (история районов по «крестьянству», истории предприятий, различные списки по другим объектам, и проч.);

2) Разная переписка (иногордние запросы и наши ответы).

2) *Организационная часть*, состоит из 2 папок:

1. **Осведомление** — списки осведомов по районам, месячные контрольные листы, работоспособность осведомления порайонно; планы насаждения освед-омления с отметками о выполнении; списки кулацкого и иного спецосвед-омления с подробными характер-истиками; обработочные данные объектов новых вербовок.

2. **Резидентура** — списки резидентов с подробными характеристиками; ежемесячные справки о количестве сел, которые посетили резиденты за этот период; списки контрольного осведомления с указаниями о проведенном ими освещении резидентов; списки запасных резидентов с их характеристиками; контрольный лист встреч райуполномоченных с резидентами.

3. *Учет* — эта часть состоит из одной папки:

Списки подучетного к.-р. элемента порайонно с обозначеним отделения, которым подучетные разрабатываются.

П р и м е ч а н и е. Списки вновь выявленных антисоветских элементов приобращаются к основным спискам.

4. *Информация* — состоит из 3 папок:

1. Специальных сводок по кампаниям, различым вопросам, и докалдные записки о состоянии объектов, также по специальным ворпосам.

2. Статистических таблиц учета явлений по объекту, которые составляются произвольно ежемесячно и ведутся повседневно; копии бюллетеней и статтаблиц по террору, листовкам и анонимкам, а также копии перечней по массовым выступлениям.

3. Специальных сообщений о крупных политсобытиях и активных антисоветских проявлениях.

5. *Оперативная часть* — состоит из 2 папок:

1. Агентурных или дефектных обработок, список таковых.

2. Материалы по профилактике с обязательным указанием результатов.

6. *Директивы ГПУ УССР и отчетность*—состоит из 2 папок:

1. Директивы и общие указания ИНФО в целом по объекту.

2. Копии отчетностей перед ИНФО ГПУ УССР.

П р и м е ч а н и е 1. В соответствующих разделах информационного дела должны концентрироваться всевозможные ориентировочные данные с учетом всех особенностей объектов.

П р и м е ч а н и е 2. Указания ИНФО ГПУ УССР по отдельным вопросам хранится в соответствующих разделах Информационного дела, а не в папке директив.

б) Личные и рабочие дела осведомления и резидентуры

1. Личное дело осведома состоит из 2 частей:

а) материалы предварительной обработки, обработочная анкета, подписки, характеристика работоспособности и проч. материалы о данном осведоме;

б) все донесения, поступающие от осведомителя с соответствующими пометками об их использовании, причем материалы агентурного характера, в отличие от прочих, должны подшиваться.

(Аналогично по контрольному и запасному осведомлению).

2. Личные дела резидентуры состоит из одной папки, в которой хранятся следующие материалы:

Данные предварительной обработки, личная анкета, автобиография, материалы проверки разидента по месту его прежнего жительства, материалы контрольного осведомления, в порядке периодического освещения резидента, а также материалы, поступающие от самого резидента.

(Анаголично по запасной резидентуре).

ОТЧЕТНОСТЬ

Отчетность перед ИНФО ГПУ УССР составляется поквартально по каждому объект, и подразделяется следующим образом:

1. *Организационная* — сведения о работе и движении резидентур; цифорвые данные о работе и движении осведомления в каждом районе; список кулацкого и другого специального осведомления (по объекту) с подробными характеристиками работоспособности, в которых указывать: данные осведомителями дела, зацепки, наличие двойников, подозрительных и расшифрованных; краткая справка о степени выполнения плана по насаждению сети; справка о количестве поступивших донесений с разбивкой на:

а) использованных и
б) неиспользованных.

2. *Подсобная* — цифровые данные об освещенном и выявленном подучетном специальным отделениям элементе; справка о выполненных заданиях.

3. *Оперативная* — сведения о профилактических мероприятиях Окротдела по материалам ИНФО и суммированные данные о результатах. Форма произвольная.

> П р и м е ч а н и е 1. К 5 числу каждого месяца обязательно представляются в ИНФО ГПУ УССР копии месячных статистических таблиц по учету явлений.
>
> П р и м е ч а н и е 2. Формы по всем видам отчетности прилагаются.

Начальник секретно-оперативного управления
Г. П. У. У. С. С. Р. *Леплевский*

Начальник отдела информации и
политконтроля *Кривец*

26 мая 1930 года
г. Харьков

[*Примечание*: Воспроизводимые документы приводятся полностью, за исключением типовых бланков, графиков и таблиц, содержащихся в оригинальном издании на стр.34-43.—*Дж.Б.*]

Архів СБ України

Документ 2
“Агентура НКВД-НКГБ в действии”
Учебник для следователей Украинской подпольной контрразведки

Совершенно секретно

“Агентура НКВД-НКГБ в действии”
Инструкция

Вступление

Хотя большевистская действительность не принесла для нас особых неожиданностей, все же мы, в практической борьбе с большевиками, встретились с целым рядом специфических приемов в своей работе. Говоря про эти приемы, мы имеем в виду практические приемы органов НКВД-НКГБ, направленные против ОУН, как главной опасности, которая угрожает существованию большевистской системы. В связи с этим, для борьбы с ОУН, особенно в Западных областях Украины, большевики бросили большие воинские силы НКВД и организовали в районных и областных центрах солидные следственные и агентурно-оперативные аппараты. С самого начала в работе этих аппаратов констатируем чрезвычайную активность, направленную на ликвидацию всех проявлений и признаков освободительного движения на Украине. В действие вступили целый ряд оправданных практикой методов шантажа, массовой утонченной провокации. От изучения этих методов и приемов в значительной мере зависит успешность борьбы с ними. С другой стороны, нечеткая ориентация в этих методах приводила и приводит к непониманию сути дела и грубому искажению действительности. В результате чего в отдельных случаях затрудняется разоблачение и ликвидация вражеской агентуры, или выявленная агентура ликвидируется только частично, неполно. Такие факты в практике уже имели место. Особенно часто это встречается в районах, где наши работники недостаточно подготовлены к такой работе. Они максимально контактируются [так!] с населением, т.е. имеют возможность “ухватываться” за различные формы и виды агентурной работы НКВД. Не смотря на то, что эти формы и виды в значительной

мере стандартны, все-таки, в отдельных случаях, они принимают различные оттенки и окраски, которые наши работники должны уметь различать. Непрерывная практика борьбы с большевиками и целый ряд важных секретных документов, захваченных нашими подразделениями при ликвидации разных групп НКВД, дают нам возможность познать суть их методов работы, сделать своеобразный познавательно-теоретический синтез этих методов. Итак, начнем с того, с чего начинают свою деятельность органы НКВД-НКГБ во вновь захваченных районах, т.е. с организации агентурной сети.

1. ОРГАНИЗАЦИЯ АГЕНТУРНОЙ СЕТИ В РАЙОНЕ.

Знать, что делается в каждом селе, в городе, в каждой хате, кто что говорит, чем занимается, что думает, чем может быть опасным, с кем поддерживает связь, с кем переписывается, с кем дружит, к кому ходит и т.д. и т.п. - это далеко не полный объем работы каждого районного агентурно-оперативного аппарата НКВД-НКГБ. Тут идет речь не о готовых объектах, как они называют их “фигурантами” [так!], - т.е. о людях, которые уже разрабатываются специальными агентами НКВД-НКГБ, а про непрерывное изыскивание среди серой масы “счастливых” граждан большевистского “рая” новых объектов, какие в прошлом находились или находятся еще в опозиции, или в силу своего прошлого и связей, могут в будущем оказаться в опозиции и быть вредными большевистскому государству.

Несколько десятков штатных работников НКВД-НКГБ, которые находятся в районном аппарате, в результате своего незначительного количества и недостатка непосредственного контакта с населением района не в состоянии справиться с этой работой. В помощь себе, в каждом селе они тайно организуют специальную агентурную информационную сетку из гражданского населения. Только после создания такой сетки в каждом населенном пункте, органы НКВД-НКГБ начинают свою деятельность. При помощи этой сетки они имеют возможность контролировать внутреннюю жизнь каждого населенного пункта, выявлять и “разрабатывать” объекты, которые для них будут представлять определенный оперативный интерес. Основное положение, которого придерживаются большевики при организации агентурной сети - это массовость, другое дело, что при длительном пребывании в районах они подбирают себе и

качественную агентуру, но все же, основу составляет количество. В среднем, для организации агентурной сетки в новом районе, требуется один месяц. С созданием такой сетки район считается закрепленным, основу составляет количество. В среднем, для организации агентурной сетки в новом районе, требуется один месяц. С созданием такой сетки район считается закрепленным. На территории Западных областей Украины большевики, после своего второго прихода /весна и лето 1944 года/, застали большую часть своей старой агентуры, оставленной после первого оккупационного периода. Эта агентура в период немецкой оккупации частично была ликвидирована, но значительная часть ее, которая в прошлом была хорошо законспирирована, осталась неразоблаченной. Важные архивы районных и областных центров НКВД-НКГБ почти все были вывезены или хорошо спрятаны. Эти архивы НКВД использовало для возобновления контакта со старой агентурной сеткой после своего возвращения. В связи с отсутствием конспиративных квартир, возобновление этого контакта НКВД проводили при военкоматах во время мобилизации, при инспекции школ, в райфинотделах, райздравах, райисполкомах, во время учительских конференций и т.д. Практикой установлено и подтверждено документами, что органы НКВД-НКГБ для встречи со своей агентурой максимально используют [так!] различные районные кружки и организации, какие, на первый взгляд, с этим институтом ничего не должны иметь общего. Итак, чрезвычайно быстрая ориентация аппаратов НКВД-НКГБ в нашем движении объясняется тем, что они сразу же, после прибытия в районы, сконтактировались со своей старой агентурой и получили от нее полноценные данные. Из захваченных нами секретных материалов видно, что каждый агент, который специально оставлялся на оккупированной немцами территории или оставался сам, в силу различных причин частного характера, после возвращения большевиков, сдал в письменной форме детальный отчет о своей работе за весь оккупационный период. Работа эта имела характер постоянного наблюдения за лицами, которые пошли на службу к немцам и за лицами, которые принимали участие в националистическом движении. Действия этих лиц, их связи и взаимоотношения с другими лицами тщательно фиксировались агентамим. Кроме этого фиксировались все внутренние политико-гражданские

события района с подробным их описанием и лиц, которые принимали в них участие. Эта агентура, которая зовется у них “дозволенной”, завербованная в мирное время, является наиболее квалифицированной. Немедленно после востановления контакта с этой агентурой, органы НКВД-НКГБ проводят подготовку для расширения агентурной сети, т.е. вербовки новых агентов. В эту подготовку входит:

1. Подбор кандидатуры.
2. Цель вербовки.
3. Всесторонее изучение кандидатуры.
4. Сбор компроментирующих [так!] материалов.
5. Личное знакомство.

В мирное время вышеуказанным пунктам уделяется много времени и внимания /например, всесторонее изучение объекта, его деятельности и связи может продолжаться несколько месяцев/, но в военное время эти операции значительно сокращаются. Коротко объясним каждую из них:

1. ВЫБОР КАНДИДАТУРЫ. Сюда входит поверхностное ознакомление с комплексом обстоятельств и характерных черт объекта, которые в будущем могут иметь постоянное влияние /положительное или отрицательное/ на качество выполнения специальных заданий, которые характеризуют его способность к этой работе вообще. Здесь имеется в виду год рождения, национальность, образование, место жительства, профессия, семейное положение, социальное происхождение, политические убеждения, а также определенные черты характера, склонности, вкусы и много другого. Эти данные собираются при помощи существующей агентуры вне ведома объекта.

2. ЦЕЛЬ ВЕРБОВКИ. Это точное определение характера работы агента, его задачи и обязанности. В зависимости от вышеуказанных обстоятельств и характеристики объекта, его могут привлекать к работе, к определенного рода агентурной деятельности. Главное здесь - это отношение “объекта” к личности “фигуранта” или к организации, которая должна стать “разработкой” или деконспирацией. Например - дружба, знакомство, соседство - когда идет выявление или разработка “фигуранта”/одного лица/ - и принадлежность к организации,

или враждебное отношение к ней - когда идет вопрос об ее разоблачении.

3. ВСЕСТОРОННЕЕ ИЗУЧЕНИЕ ОБЪЕКТА. Это наиболее длительный период подготовки к вербовке агента. Во время этого процесса производится детальное изучение прошлой деятельности кандидатуры, его семьи, знакомых, и связей. В течение определенного времени, при помощи агентуры внешнего наблюдения, фиксируются все его движения /посещение родственников, знакомых, друзей, театра, кино, ресторана, контролируется переписка, подслушиваются телефонные разговоры и т.п./. Кроме того, проверяются и уточняются данные, полученные на него агентурным путем.

4. СБОР КОМПРОМЕНТИРУЮЩИХ [так!] МАТЕРИАЛОВ. Для того, чтобы быть уверенными, что предлагаемое сотрудничество с органами НКВД-НКГБ избранная кандидатура не отклонит, и чтобы заставить ее вести активную информаторскую работу, собираются все материалы и данные, какие хотя бы в некоторой степени компроментируют [так!] эту кандидатуру.

Позже, в разговоре с этой кандидатурой, следователь осторожно намекает ей на то, что все эти материалы можно сохранить в тайне, если объект согласится на предложенное ему сотрудничество. В противном случае, он /следователь/ даст этим материалам определенный ход. Безусловно, что чем больше компроментирующих [так!] материалов, тем крепче НКГБ-НКГБ прибирает жертву к своим рукам. Но об этом будем говорить специально ниже.

5. ЛИЧНОЕ ЗНАКОМСТВО. Последней фразой [так!] в подготовке для вербовки агента есть личное знакомство следователя с ним. В этот период, во время разговора, следователь проверяет и уточняет все данные, собранные агентурным путем, а также добывает новые данные, какие имеют значение при вербовке. Это, в основном, относится к отдельным чертам характера объекта, наличие которых можно констатировать только после длительной и внимательной беседы. При этом следует учесть, что такой разговор не носит характер вопроса [так!] объекта, и тема его не есть биографические данные или связи его, а большинство - это разговор частного

характера на различные, совершенно посторонние темы. В таком разговоре можно познать много важных черт характера человека, не давая ему возможности ориентироваться про причины такой аудиенции. На этом подготовка к вербовке агента заканчивается. Комплекс указанных собранных материалов и личное знакомство с объектом дают возможность следователю правильно ориентироваться и принять решение относительно вербовки. Если объект оказался подходящей кандидатурой, то тут же начинается план и методы вербовки. Если кандидатура не подходит, а собранных компроматериалов достаточно, то объект арестовывается и привлекается к ответственности.

Собственные методы вербовки в большинстве складываются из трех частей:

1. Самораскрытие объекта - показания о себе.
2. Подача материалов компроментирующих [так!] другое лицо (или другие лица).
3. Подача своих связей.

Неожиданно обескураженный полным знакомством следователя с компроментирующими [так!] его материалами, объект вынужден дать о себе правдивые показания. Это в процесе вербовки является главным - основой, на которой базируется все остальное. Подача материалов о деятельности других лиц происходит дальше без особых трудностей. Тоже самое можно сказать и про подачу своих связей. Так, в основном, выглядит наиболее распространенный метод вербовки в агентурную сетку НКВД-НКГБ - метод, какой НКВД-НКГБ наиболее применяет в своей работе.

Тут мы рассмотрели лишь один из видов большевистской агентуры и методов ее вербовки, т.е. шантажирование. Кроме этого, еще существует несколько видов агентуры, среди которых основные - платные и идейные. При вербовке этой агентуры применяются совсем другие методы и приемы, хотя характер работы одинаков: например, если необходимо в каком либо учреждении, организации или предприятии иметь своего агента, а соответствующей кандидатуры, какую можно было бы заставить работать шантажом нет, тогда подыскивают из сотрудников

этого же учреждения, организации или предприятия человека, склонного к разным порокам или страстям. Специальный агент заводит с этим человеком близкое знакомство и, на определенное время, как "друг" берет на себя все издержки, связанные с удовлетворением его порочных потребностей (пьянство, игра в карты и т.п.), и так, с одной стороны, на протяжении определенного отрезка времени, объект в сопровождении своего нового "друга" развивает свои пороки, и с другой стороны, попадает в материальную зависимость от него, имея слабый характер, он опускается с каждым днем все ниже и ниже, пока в соответствующий час агент не предложит ему материальную помощь за определенную работу. Дальше идет знакомство с ответственными оперативными работниками НКВД-НКГБ, которые уже окончательно вербуют его за вознаграждение на информационную работу. Этот вид агентуры в большинстве состоит из людей дегенеративных, способных на всякие преступления, и по своему количеству, занимает не последнее место среди других видов агентуры.

Про агентуру идейную скажем коротко, что она состоит из коммунистов и комсомольцев, которые, в силу своих политических убеждений, добровольно занимаются агентурной работой. Однако, польза от такой агентуры незначительна, ибо таких типов обыкновенные граждане боятся и никогда перед ними искренне не высказывают своих мыслей. Все же в Галиции такая агентура сыграла значительную роль, ибо значительное количество коммунизированного элемента во время немецкой оккупации, замаскируясь, жило по селам и присматривалось к нашему движению, а с приходом большевиков, удрали в города, где явились в органы НКВД и рассказавши все что знали, предложили и дальше свои услуги.

Несколько случаев из практики и захваченные секретные распоряжения органов НКВД-НКГБ говорят о том, что, кроме указанных выше видов агентуры, на территории Галиции организованы и действует особый вид агентуры, созданный из неполнолетних (дети 12-14 лет). Этих детей ловят во время облав и под разными предлогами отвозят в Райотделы НКВД-НКГБ, во

время допросов грозя им смертью, если они не расскажут, в чьих хатах расквартировываются бандеровцы, кто в селе варит им кушать, где есть ихние магазины, кто станичный, где связь и другое. При исключительной массовости нашего движения, много детей по селам, действительно, на некоторые из этих вопросов (а то и на все) могут ответить, ибо они в таком возрасте в большинстве бывают наблюдательными и имеют хорошую память. Это учитывают и используют работники НКВД. Получив от такого ребенка необходимые данные, работники НКВД гладят его по голове и начинают задабривать, хвалят его, рассказывают разные небылицы, обещают, что пошлют его в военную школу, дадут оружие, что он будет летчиком, командиром и т.д. Обычно ребенок в таком возросте не может воспринять все критично, ему кажется, что “вуйко”- дядя в желтых погонах действительно добрый, говорит правду. В заключение этот “вуйко” дает ему несколько сотен рублей деньгами и отпускает домой, перед прощанием уговаривает ребенка, чтоб он об этом не говорил родителям, ибо они заберут у него деньги и будут бить. Такого ребенка продерживают не более одних суток и выпускают из-за отсутствия компроментирующих [так!] материалов. Нами уже зарегистрированы случаи, когда такие ребята получали, кроме денег, еще и часы (правда, малоценные) и своими действиями нанесли большой вред нашему движению. Изобличенные и задержанные органами СБ, такие агенты быстро сознаются, часто не понимая полноты совершенного преступления. Тем не менее, органы НКВД-НКГБ продолжают вербовать таких агентов и их использовать. Теперь уже известно, что такая сетка существует в каждом населенном пункте, это необходимо учесть органам СБ и произвести соответствующие контрмеры (выявить всех задержаных неполнолетних и основательно их проверить).

2. ВЕРТИКАЛЬНОЕ ПОСТРОЕНИЕ АГЕНТУРНОЙ СЕТКИ.

До этого времени, говоря про агентуру НКВД-НКГБ, мы везде, при определении завербованых к информаторской работе лиц, называли их агентами. Фактически слово “агент” имеет свое конкретное определение и означает лишь один специальный тип доносчика с соответствующим уровнем практической подготовки. Это нам станет ясно, когда мы рассмотрим вертикальное построение агентурной сетки НКВД-НКГБ. В

действительности, такая сетка состоит из: резидентов, агентов и секретных осведомителей. Начнем с первых.

1. РЕЗИДЕНТЫ. Это наиболее квалифицированный и подготовленный тип доносчика, который руководит работой группы агентов и осведомителей. Элемент, который пошел на информаторскую работу из идеи или из любви к “искусству”, пользуется в органах НКВД большим доверием. Он, как и каждый оперативный работник, имеет консперативные [так!] квартиры, на каких, по строгому графику, встречается со своей агентурой и отбирает от нее собранные материалы. Свое постоянное местожительство имеет обычно в городе и непосредственного участия в информационной работе не принимает, за исключением отдельных случаев.

Во время консперативных [так!] явок, он учит агентов или осведомителей (разумеется, по одному), как писать донесения, как собирать и констатировать материалы, сохранять тайну, и дает конкретные задания на время, до следующей встречи. Каждый из подчиненных ему агентов знает только его псевдоним. С другой стороны, специально выработанный график явок обеспечивает конспирацию каждого агента или осведомителя, одного перед другим. Сам резидент контактируется [так!] в своей работе и подчиняется оперативному работнику НКВД-НКГБ и от него получает все указания. Резиденты иногда на свое место подыскивают способных агентов, а сами переходят на легальное положение в оперативные аппараты НКВД-НКГБ. В одном из наших районов такой резидент был выявлен случайно и задержан, но благодаря неполноценному допросу был ликвидирован после дачи незначительных и маловажных материалов. Слабая ориентация в этих вопросах следователя привела к тому, что задержанный во время следствия не был выявлен как резидент, а только как осведомитель, и ликвидирован. Через несколько дней мы установили, что это был резидент, но было уже поздно. Надо помнить, что резидент сам не работает, а бывает связан с частью сетки НКВД-НКГБ, а сеть, в зависимости от района, может охватывать до 10 населенных пунктов. При допросе резидента необходимо обращать внимание на разоблачение подчиненной ему агентурной сети. С другой стороны, при допросе агента или осведомителя, подробно устанавливать их связи. Очень часто, в

результате признания агентов, можно напасть на след резидента, выявить его консперативную [так!] квартиру или место явок. При нормальном и полном допросе, ликвидация каждого резидента должна повлечь за собой ликвидацию подчиненной ему части агентурной сети.

На территории Западных областей Украины большевики свою резидентуру организовали почти исключительно из служащих Наднепровья, которые занимают официальное положение в различных отделах и учреждениях (работники райсоветов, инспектора школ, директора школ, учителя, заведующие мельниц, молочарен и т.д.). В секретных распоряжениях Станиславскому областному Управлению НКВД-НКГБ категорически запрещается проводить вербовку резидентуры из местного населения. Однако отдельные случаи не исключены.

2. АГЕНТЫ. Наиболее колоритный тип доносчика из всей агентурной сети - это, собственно, агенты. Дело в том, что необходимо строго отличать собственно агентов-доносчиков от резидентов и осведомителей-доносчиков. Между этими видами, как увидим ниже, есть существенная разница. Агент, как и резидент, это достаточно подготовленный тип доносчика, который может самостоятельно исполнять важные задания и отрываться от своего руководителя (оперативного работника) на значительный период времени. Существует много видов и типов агентов, но мы тут рассмотрим лишь тех, каких органы НКВД-НКГБ наибольше использовывают [так!] в борьбе с украинским движением. Главное, чем всякий агент отличается от секретного осведомителя, это то, что агенту всегда ставится задача пролезать вовнутрь [так!] нашей организации или в какое-либо соединение УПА и быть среди нас равноправным членом, вести себя так, чтобы завоевать доверие своего руководителя, проводника или отдельного командира УПА. Такое доверие завоевывается “чрезвычайной активностью” агента, направленной против наших врагов - эта “активность и преданность” общему делу часто ослепляет и сбивает с толку даже высокосознательных и ответственных работников. Такие агенты, проникнув в нашу среду, находятся в ней до тех пор, пока они не выполнят своих задач. По роду этих задач и характеру деятельности агентов их можно поделить на четыре основные группы:

1. АГЕНТЫ ВНУТРЕННИКИ, которые имеют конкретное задание проникнуть в нашу среду с целью:

> а) в ОУН: выявлять места пребывания руководящих ячеек ОУН и отдельных проводников, узнать у них действительные фамилии и место рождения, о местах нахождения бункеров с имуществом, о станичных, связях, и много других вещей, на которых мы опираемся в своей работе.
>
> б) в подразделениях УПА: изучения подразделения, командного и количественного состава, вооружение, запасов амуниции, планы действия на будущее, места постоянных расквартирований застав и стоянок во время остановок, вопрос питания и одежды и т.д.

Эти агенты, в свою очередь, делятся на кратковременных и постоянных. Первый после выполнения конкретных заданий, является к своим руководителям, которые переводят их для выполнения подобной работы в другие районы, а иные, охватившие своими действиями определенный район, организуют себе переход “на работу” в другие районы или другие подразделения. Такие переходы обыкновенно мотивируются причинами, которые не вызывают никакого подозрения. О способах контактирования агентов со своими руководителями будем рассматривать отдельно.

2. АГЕНТЫ-ПРОПАГАНДИСТЫ засылаются органами НКВД-НКГБ в наши ряды специально для распространения большевистской пропаганды, для подрыва моральной стойкости, особенно в подразделениях УПА. Они, одновременно с выкрикиванием патриотических фраз, вздыхают, говоря о “бесперспективности” нашей работы, о моральном упадке, о силах большевистской державы, успехах на фронтах и т.п. Особенно использовывают [так!] они поражение наших подразделений, критикуя действия их руководителей и восхваляя тактику и вездесущность врага. Своими действиями стремятся создать угнетенное, паническое настроение. Также распространяют версии о гуманном обращении большевиков с теми, кто является к ним добровольно, и про опеку над нашими

ранеными, которые попадают к ним в плен. Это распространяется не только среди стрелков УПА, но и среди гражданского населения во время постоя на квартирах. Обыкновенно такие версии не находят соответственной почвы среди наших стрелков, но все же некоторая часть стрелков со временем деморализует, и попав в тяжелое положение, быстрее падают духом. Итак, на распространение этих версий нашим органам также необходимо обратить внимание, тем более что начало их часто легко найти, если этим вопросом внимательно заинтересоваться.

3. АГЕНТЫ-ТЕРРОРИСТЫ: начиная с конца 1944 года нами зарегистрировано несколько случаев, связанных с действиями агентов-террористов. Эта агентура по сугубо конкретным заданиям по ликвидации высокоавторитетных проводников ОУН или талантливых командиров УПА. Перед тем чтобы получить задание, агент-террорист проходит подготовку в форме специального инструктажа, характер которого зависит от условий, при каких будет произведено покушение (на кого, когда, где, каким способом и т.п.). Один из таких агентов, выявленный нашими органами, сознался, что прежде чем стать террористом, он несколько месяцев был обыкновенным осведомителем, но за активную работу и личные способности, он быстро получил “аванс” и был переведен в агенты. Через некоторое время один из оперативных работников НКВД-НКГБ начал с ним чаще встречаться и вести разговоры на различные темы, в том числе и на частные. Несколько раз они вместе пили водку, ходили до “дивчат”.

Оперуполномоченный видел в нем подходящую кандидатуру на агента-террориста. В связи с этим постепенно и осторожно начал подготавливать почву. В разговорах часто обращал внимание на то, какое большое значение у бандеровцев играют отдельные лица, которые занимают руководящие посты. Он говорил, что с гибелью таких лиц ОУН или УПА потеряли бы больше, чем при ликвидации целого военного “виддила”. Один раз оперуполномоченный предложил в дружеском разговоре агенту “А” (так условно называли его) произвести покушение на жизнь одного из авторитетнейших командиров УПА. “А” согласился. Было решено, что он уговорит уйти в подполье еще четырех человек с этого же населенного пункта, (они

преследовались органами НКВД за сотрудничество с немцами) и вместе с ними пробраться в “виддил”, каким руководил вышеуказанный командир. Четыре хлопца – односельчаны [так!], которых он уговорил уйти в подполье, были подобраны для маскировки. При уходе он получил от оперуполномоченного 2-е гранаты и винтовку, с которыми явился в ячейку, которая направляла вновь прибывших в подразделение УПА. Во время разговоров с ним наш работник обратил внимание, что “А” смущен и неестественно волнуется. Его смущение и волнение, при повторном и более внимательном разговоре, предали его. На вопрос об оружии, которое он принес с собой, он начал давать нетвердые и путаные ответы. Его немедленно взяли на допрос, где он полностью запутался и должен был сознаться. Террорист “А” имел задание пробраться в сотню командира “Р” и, подобрав соответствующий момент, застрелить его из винтовки, а если бы он был окружен другими командирами, то кинуть в него две гранаты. Время на выполнение этого задания было дано 1 месяц. После совершения убийства, террорист должен был удрать и явиться к своему руководителю. Легенда о причинах перехода в подполье была хорошо продумана и разработана, и рассчитана на массовость явления (на допросе повторял, что пошел в подполье, чтобы не идти в Красную Армию).

4. Среди других видов агентов, с какими можно встретиться в своей практике, следует отметить агентов-квартирников и агентов внешнего надзора. Как первые, так и вторые, используются органами НКВД-НКГБ исключительно для разработки отдельных лиц-фигурантов. В этом случае, агент-квартирник прикрепляется к “фигуранту”, заводит с ним “дружбу”, часто заходит на квартиру, присматривается к семейным связям, слушает что говорят. Позднее он получает от своего руководителя (следователя) конкретную тему, часто провокационного характера, о которой должен разговаривать с “фигурантом”. Реакция “фигуранта” во время бесед с ним является главным обьектом наблюдения агента. Свои разговоры агент фиксирует как можно детальней и в письменной форме регулярно передает следователю. Такая “разработка” в мирное время, в зависимости от лица “фигуранта”, будет продолжаться от 1,5-2 месяцев до года и больше. При этом агента-квартирника со временем могут сменять, прикрепляя к тому же обьекту другого; старого агента переводят на другую “работу” (иногда

переводят на другое предприятие). В наше время на территории Галиции такие агенты использовываются [так!] для “разработки” священников, учителей, директоров различных учреждений и других лиц, которые занимают официальное положение.

В свою очередь, агенты внешнего наблюдения, в большинстве, не вступают в контакт со своими обьектами, их внутренне не разрабатывают, а лишь на протяжении определенного отрезка времени следят и фиксируют все их движения. Понятно,что обьект, за которым следят, не должен об этом ничего знать. Позднее, на допросе, используя эти материалы, следователь быстро обезоруживает обьект, давая ему понять, что следственным органам известно все. Агенты внешнего надзора в основном использовываются [так!] в больших городах. Там они имеют в своем распоряжении все виды транспорта, (ж.д., авто, мотоциклы, велосипеды и др.) и временами, в погоне за обьектом проезжают сотни километров.

В большинстве агенты внешнего надзора использовываются [так!] в столичных городах и на железнодорожном транспорте, где очень часто одевают форму железнодорожников, исполняют обязанности железнодорожных служащих. В данный период, в нашей области, такая агентура может использовываются [так!] как исключение.

3. ОСВЕДОМИТЕЛИ.

Секретные осведомители - это наиболее многочисленный и наиболее опасный для нас вид доносчиков. Это своеобразные “москиты”, какие со всех сторон охватывают здоровое тело нашей организации. От этой агентуры мы несли и теперь несем наибольшие потери. Она нам страшна не какими особенными методами или тонкостью работы, а лишь своей массовостью. За сравнительно короткий период времени органы НКВД-НКГБ сплели и набросили на каждый населенный пункт такую густую сетку осведомителей, что ею охвачены все проявления нашего движения. В меру того как мы ее уничтожаем - они ее с каждым днем расширяют. В противовес агентам, осведомители не имеют задания внедриться в ОУН какое-либо войсковое подразделение УПА. Они к ОУН не имеют никакаго отношения. Живут в своих домах, при своей семье, и одновременно следят за нашими движениями: когда, сколько и куда проходят через село наших войск, какое вооружение, где квартируют, откуда берут харчи,

кто варит им кушать, где останавливаются, есть ли в селе руководящие ячейки (если есть, то какие и где квартируют), где есть бункера с имуществом ОУН, кто в селе станичный, связные, связная хата, разведчики, курьеры, гражданская охрана, тропинки, какими можно обойти заставы, - вот приблизительно обьем “работы” обыкновенного секретного осведомителя. Очень часто, такой осведомитель, не только доносит обо всем подробно, а даже сам, переодетый в советскую одежду, с забинтованным лицом (чтобы не узнали), проводит укрытыми тропинками вражеские войска к селу. Если принять во внимание, что в таком селе есть не меньше 5 таких осведомителей, то станет ясно их значение.

Главным источником, откуда НКВД-НКГБ постоянно питает материалы для пополнения своих “кадров” - это наши села. Метод один - людоловы. Все задержанные во время облав доставляются в РО НКВД-НКГБ на “фильтрацию”. После этой “фильтрации” человека ждет одно из трех решений: первое - быть растрелянным, второе - выпущенным, как агент (осведомитель), третье - освобожденным.

Скажем коротко: ликвидируются только лишь те члены ОУН, стрелки и командиры УПА, которые при допросе ничего о себе и о других лицах не рассказали. Вербуют для сотрудничества рядовых членов ОУН, стрелков УПА, некоторых технических работников ОУН, которые во время следствия полностью сознались и дали компроментирующие [так!] материалы о других лицах и своих связях.

Освобождают, и то лишь в отдельных случаях, лиц, которых не в чем обвинить и на которых нет никаких компроматериалов. Кроме того, следует учесть, что завербованые органами НКВД-НКГБ члены ОУН или стрелки (редко младшие командиры) УПА получают задания вернуться вновь в наши ряды и рассказать специально подготовленную легенду о своем бегстве, или другое сказочное освобождение, работать как агенты-внутренники. В то же время, обычный житель села, рассказав о нашем движении все, что знает, оформляется как осведомитель, без задания пробраться в наши ряды. Эти обстоятельства каждое лицо, которому приходится вести следствие, должен твердо помнить, и ими руководиться в своей работе.

Большие массы людей, какие органы НКВД-НКВД ежедневно пропускают через свои фильтры, принуждают их к крайней стандартизации труда при вербовке. Эта стандартизация облегчает нам работу, упрощает ее, хотя делает в некоторой степени односторонней. Но об этом будем говорить дальше. Заставить задержанного человека сознаться о себе, при наявности [так!] солидных компроментирующих [так!] фактов (военная форма, найденное оружие, амуниция, эстафеты, трезуб, дизертирство [так!] из Красной Армии), есть самое легкое дело. А когда есть признание о себе, тогда методом “контрастных аргументов” ведется дальнейшая обработка обьекта, человеку рисуют паралельно наказание смертью и радость жизни, степень виновности человека перед родиной и возможность быть свободным, нашу слабость и свою мощь, и другое, чтобы склонить его к сотрудничеству. Кроме того, чтобы быть уверенным, что данный обьект не отклонит предложение о сотрудничестве, и выйдя на волю не удерет, а будет для них работать - угрожают его семье, которая должна отвечать за него. Итак, главным методом вербовки агентуры НКВД-НКГБ, является шантаж.

Ясно, что только кристаллически чистый, мужественный и высокоидейный человек, может вынести муки и пожертвовать своей жизнью и жизнью семьи для пользы дела. Остальные люди, как показала практика, падают духом.

Мы уже сказали выше, что главной массой, из числа которой НКВД вербует наибольшее количество агентов, есть люди организованные - т.е. подпольщики и те, которые скрываются от большевиков по собственному почину. Однако известно, что в НКВД-НКВД этим не ограничиваются, а засылают в наши ряды агентов из людей, которые легально работают в различных советских учреждениях (райисполкомах, райфинотделах, сельсоветах, школах и т.п.). Большую часть этих людей вербуют как осведомителей (особенно учительский персонал в селах и работников сельсоветов), а других разрабатывают и оформляют описанными выше методами вербовки как собственно агентов-внутренников. Последние подбираются из лиц, которые в результате своей прошлой деятельности или связи с точки зрения НКВД-НКГБ являются “политически подозрительными”. Такого человека тайно вызывают в НКВД-НКГБ (без ареста) и открывают ему свои

“карты”, оформляют агентом, заставляют идти в “подполье”. Через несколько дней после такого “бегства” арестовывают семью этого агента и “вывозят в Сибирь”, в действительности в другой район, а дом палят.

Агент неожиданно появляется в наших рядах, как “потерпевший” не вызывает никаких подозрений и быстро находит себе соответствующее место для “работы”. Известно, что значительное количество таких людей пошло в подполье в ноябре и декабре месяце прошлого года - т.е. в тот период, когда падало духом наибольшее количество организованных людей, которые не верили, что можно выдержать зиму в условиях большевистской действительности. Мы этим не утверждаем, что все люди пошли в подполье с вражеским намерением, а только обращаем внимание органов СБ на эти факторы с тем, чтобы повысить нашу политическую бдительность.

Вербовка каждого агента или осведомителя всегда заканчивается его официальным оформлением - т.е. подача собственноручно написанной автобиографии и заполнение - и подписью специальной анкеты, которая обязывает к сотрудничеству. В этой анкете кроме биографических данных агента-осведомителя, записывается его псевдоним, под которым он будет работать. Агентура, которая вербуется Райотделами НКВД-НКГБ на основе компрматериалов (шантажом), утверждается в областном Управлении НКВД-НКГБ, туда отсылаются все материалы, которые обьясняют причину и характер вербовки (специальный рапорт оперативного работника о цели вербовки, протокол сознания завербованного, его автобиография и вербовочная анкета). В зависимости от этих материалов в Областном Управлении утверждают завербованного или, в случае недостаточных компроматериалов или неполного сознания о себе и о своих связях, возвращают все материалы в район, с тем чтобы отставить вербовку и завести на обьект учетное дело.

В некоторых случаях оформление агентуры происходит не сразу, а после того, как обьект оправдает себя на практике, т.е. исполнит несколько заданий. В связи с этим, мы можем встретиться со случаями, когда освобожденный из-под ареста обьект будет заниматься информаторской работой, но не будет иметь псевдонима и не подписывает обязательства о сотрудничестве. НКВД-НКГБ это практикует оттого, что во

многих случаях завербованные и официальные агенты или осведомители, после своего освобождения и получения задания, добровольно являются в наши органы и в НКВД-НКГБ больше не возвращаются.

Свою действующую агентуру НКВД-НКГБ “бронирует” от мобилизации в Красную Армию. Относительно этого существуют специальные совершенно секретные приказы областных Управлений НКВД-НКГБ, в которых предлагается “бронировать” от армии лишь тех агентов или осведомителей, которые проявили себя исключительно активными в работе (разумеется - в доносах), и которых в будущем можно будет еще использовать на долгое время. Остальная агентура, особенно та, которая не оправдала себя в “работе”, или же которая подозревается в двуличности (работа на обе стороны) или в “измене”, - броней не обеспечиваются.

Выше указывалось о секретных осведомителях, которые выслеживают и доносят о наших движениях в населенных пунктах. Кроме таких существуют так называемые “рейдирующие-осведомители”, т.е. такие, которые обьектом своей работы имеют соседние или даже далекие населенные пункты. Есть много таких сел (особенно в горах), где НКВД-НКГБ в результате большой активности нашего движения и наших контрмероприятий не в силах организовать соответствующую агентурную сетку. Оформленная агентура обезвреживается нашими органами еще до того, как начинает работать. Итак, в этом случае, в такие села под различными предлогами засылаются осведомители с других населенных пунктов. Обвешанные мешками они “меняют” соль на хлеб, “покупают” корову или коня, “продают” разные мелкие дефицитные товары (камушки, спички, пасту), “посещают” родственников (если такие есть), знакомых и многое другое. Одновременно наблюдают, в каких квартирах и сколько расквартированно наших войск, где стоят заставы и т.п. На таких людей нам также необходимо обратить внимание и тщательно их проверять.

3. СПОСОБЫ КОНТАКТА С ОРГАНАМИ НКВД-НКГБ. Одним из интересных и важных моментов в работе агентуры является способ контакта агентов-осведомителей со своими руководителями. В мирное время для этой цели в каждом

городе существует целый ряд конспиративных квартир, на которых агенты регулярно встречаются со своими руководителями, передают им собраные материалы (всегда в письменной форме) и получают новые задания. Эти квартиры подбираются всегда в наиболее населенной части города и посещаются оперативными работниками, одетыми в гражданское, а после 2-3 месяцев меняются по конспиративным мотивам.

Каждый оперативный работник составляет на следующий месяц график посещения этих квартир своими агентами-осведомителями и передает его начальникам отдела.

Последний, имея в руках такой график от каждого оперативного работника, вносит соответствующие коррективы, чтобы не допустить до встречи на конспиративной квартире двух агентов, чтобы не расконспирировать их друг перед другом. Кроме деловых встреч, на этих квартирах происходит своеобразное обучение агентуры, которую проводит оперативный работник во время приема агента. Детально рассматривать это обучение мы не будем, только установим, что оно состоит из освещения таких вопросов:

1. Конспирация в работе и явках- "встречах".

2. Дисциплина в явках (точность встреч согласно графика).

3. Воспитание агентуры (политбеседы для повышения политуровня агента).

4. Строгость в работе.

5. Оформление донесений (конкретность, точность, своевременность и т.п.).

В современных условиях конспиративные квартиры существуют, но в меньшем количестве. Кроме конспиративных квартир существуют такие способы контакта:

1. Всреча в условленном месте (это может быть пустой дом, в каплицах, военкомат, сельсовет, столовая, театр и др.). На первый взгляд это выглядит как конспиративная квартира, но в действительности это не так, потому что конспиративная квартира на определенный отрезок времени является постоянным местом встреч с соответствующей экипировкой (разная одежда, средство для изменения лица и др.), а встреча в школе или в

сельсовете является единовременной, где намечается место и время следующей встречи, которая произойдет уже в другом месте (в военкомате или райфинотделе).

2. Оставление агентами-осведомителями агентурного материала в заранее условленном месте (в дупле дерева, под камнем, под крестом и т.п.).

3. Передача даных при помощи третьего лица (отца, матери, брата, сестры, жены и других); в том случае, когда агент или осведомитель не имеет возможности отлучаться из подразделения или квартиры и непосредственно контактироваться [так!] со своим руководителем, он признается кому-нибудь из своей семьи и предупреждает его, что в случае, если он эту тайну выдаст, то будет уничтожен он и вся его семья.

Таким третьим лицом наиболее часто выбирается человек, который может посещать разные места, не вызывая подозрения (ярмарка, больница, школа и т.п.).

Этот же человек часто посещает агента в подразделении (боевке), приносит ему белье, харчи и т.п. и забирает заготовленные для передачи материаллы. Это очень тонкий и распространенный способ контакта, с которым необходимо решительно бороться, запретив всякие "встречи и посещения" в подразделениях стрелков с их родственниками и знакомыми.

4. Передача ведомостей через почту—это наипростейший способ: материал запечатывается в конверт с адресом НКВД-НКГБ и относится к почтовому ящику. Если такого ящика нет, то тогда также используют третье лицо, которое относит конверт в городской ящик. Между прочим, наши органы уже несколько раз перехватили такие донисения [так!] и по письму розыскали [так!] незадачливых "авторов".

5. Встречи во время облав и прочесок района. Оперативные аппараты НКВД-НКГБ широко используют для контакта со своей агентурой облавы и прочески районов (населенных пунктов), какие регулярно проводятся ими по несколько раз в месяц. Вместе с войсками (которые проводят эти прочески) выезжают оперативные работники НКВД-НКГБ, которые заходят на квартиры к своим агентам (осведомителям) и получают собранные материалы. Это может иметь место даже тогда, когда агент или осведомитель маскирует себя бегством от

большевиков вместе с нашими людьми, но в этом случае он оставляет материал в заранее договоренном месте, в своей хате. Тогда опер-работник находит его сам.

6. Контакт через резидента. Количество осведомителей, раскиданных по селам района настолько большое, что районные оперативные аппараты не успевают поддерживать с ними непосредственный контакт.

В секретных распоряжениях для Райотделов НКВД-НКГБ предлагается определенную часть осведомительной сети передать под “опеку” резидентуры. И действительно, мы имеем достаточно случаев, когда осведомители, а также агенты, после освобождения из-под ареста больше не встречаются с теми, кто их вербовал, а передают известия с разными заведующими мельниц, молочарен, директорами и инспекторами школ, учителями, работниками сельсовета и другими, т.е. “резидентами”. Этот способ контакта используется как для разгрузки районных оперативных аппаратов, так и для конспирации работы секретных осведомителей, ибо взаимоотношения с вышеуказанными лицами не являются подозрительными. Для большей конспирации эти отношения поддерживаютя вышеуказанными третьими лицами.

4. СОВЕТЫ СЛЕДОВАТЕЛЮ. Нашим следственным органам на практике приходится иметь дело с наиболее важными по своему характеру следственными процессами. Эти процессы, при проведении которых необходимо установить факты без помощи свидетелей, без наявности [так!] компроматериалов и компроментирующих [так!] обстоятельств (освобождение обьекта из-под ареста не всегда можно принимать за компроментирующий [так!] фактор).

Провести следствие, когда обьект предварительно агентурным путем разработан, когда на него есть “гора” компроматериалов и свидетелей - это нетрудное дело. Сидеть за столом в тихом кабинете, иметь к услугам многочисленную агентуру, телефоны и 3-4 месяца на проведение одного дела - это нетрудно. Но допросить человека, освобожденного после двухнедельного пребывания в НКВД-НКГБ, за два три часа - это очень сложное дело. Часто среди наших сотрудников можно слышать такие голоса, что в аппаратах НКВД-НКГБ сидят чрезвычайные специалисты-следователи, у которых нам нужно

многому учиться, что владеют они особыми неизвестными нам методами допроса и т.п. В действительности это не так. Установлено, что в райотделах НКВД-НКГБ сидят полуграмотные люди, которые уже в силу своего малого развития и низкого образования не могут хорошо ориентироваться вообще в следственных процессах. Это, в большинстве, оперативные, а не следственные работники, и райотделы НКВД-НКГБ тоже являются больше оперативными, чем следственными аппаратами.

Другое дело, что в областных Управлениях НКВД-НКГБ есть следователи с соответствующим образованием и развитием, но и они в условиях нашей работы не смогли б нам “открыть Америки”.

Органы НКВД-НКГБ не арестовывают обьекта до того времени, пока не разработают его агентурным путем, т.е. пока не соберут компроматериалы; арестовав, могут эти данные дополнять, задерживая обьекта столько, сколько это необходимо. Нам же приходится задерживать лиц, часто мотивируясь неточным подозрением или фактом освобождения из-под ареста. И это все. Но в этом случае, хотя это и парадоксально, на помощь нам приходят сами методы работы НКВД-НКГБ, а именно, их стандартизация и штампованность вербовки агентуры.

Практикой установлено 75% всех освобожденных из-под ареста завербованых. Для нас это главный критерий при подходе к каждому человеку, который чудом вырвался из рук НКВД-НКГБ. Но с другой стороны, этот критерий являет собой только определенное подозрение и ничего больше. В поцессе следствия необходимо преобразовать это подозрение в уверенность, а после в факт.

С чего же необходимо начинать следствие, если мы имеем лишь одно подозрение. Если мы в своем распоряжении имеем достаточно времени (о других условиях говорить не будем) то всегда рекомендуется начинать допрос с ознакомлением следователя с характером обьекта. Мы не имеем здесь своей задачей классического определения характера человека в целом, а лишь некоторые черты его, которые, при проведении следствия, всегда играют важную роль. Эти черты - склонность к преувеличению (вранью), говорливость, похвальба, амбиция, безличие, скромность, скрытность, осторожность, пугливость и т.п. Они свойственны каждому человеку независимо от его

образовательного уровня или интелектуального [так!] развития. С выявления одной или нескольких указанных черт характера обьекта следователь делает один шаг вперед.

Это очень важно, потому что, как указывалось выше, в нашей работе мы часто вообще не имеем никаких компроматериалов на обьекты. Итак, в этом случае следователь не должен рассчитывать на свою "феноминальность" [так!], как некоторые делают, или на получение компроматериалов путем переубеждения обьекта, или привести его к "сознательности".

Тут необходимо завоевывать позицию постепенно, шаг за шагом, силой своей осторожности, наблюдательности, психического равновесия и четкой ориентации в разных вопросах. Необходимо помнить, что в начале такой игры "следователь" на своей стороне имеет только одного союзника - нечистую совесть обьекта. Но этот фактор неодходимо уметь соответственно использовать. Итак, выявление указанных черт характера человека производится во время разговора с обьектом на темы, какие не имеют ничего общего с причиной задержания. Лживый человек выдается пустословием и преувеличением в разговоре, особенно на тему о вещах, которым он симпатизирует, или к которым относится отрицательно. Сам по себе такой разговор не имеет значения, но отдельный элемент, где обьект допускает очевидное преувеличение (брехню), следователь обязательно должен использовать.

Факт обмана обьектом следователя, хотя и в мелочи, при допросе получает большое значение. А констатирование нескольких таких фактов (с умелым их использованием) в процессе следствия приводит к психическому замешательству обьекта.

По окончанию таких разговоров (их необходимо производить в форме допроса и считать лишь подготовкой к самому следствию) обьекту предлагается написать автобиографию. Детальный анализ этой биографии также должен дать следователю определенные аргументы (редко случается, чтобы задержанный, написав свою автобиографию, ничего в ней не утаил, уменьшил или приувеличил). Эти аргументы отличаются от первых тем, что касаются самой личности задержанного, а часто имеют непосредственное отношение к сути дела.

Таким образом, проверка автобиографии обьекта, является первой фазой самого следственного процесса. Во время такой проверки необходимо обратить внимание не только на сам обьект, но и на его семью, родственников, их официальное положение или место работы, связи с обьектом, отношение к нашему движению, прошлая деятельность и т.д. Если следователь, в результате прошедшего разговора и проверки автобиографии обьекта, не может добыть определенных компроментирующих [так!] аргументов, т.е. не будет располагать никакими компроматериалами, то раскрытие сути дела может не удаться вообще, ибо когда речь заходит о сути дела, то обьект настораживается и удваивает свое внимание и осторожность, но с другой стороны, добыв такие аргументы, необходимо их умело использывовать [так!]. Необходимо любой ценой добиться, чтобы в первой фазе следствия обвиняемый в 2-3 местах должен был признаться, что он действительно сказал неправду (обманул следователя). Это очень важно, ибо после этого быстро наступает психическое замешательство обьекта. Обычно это удается тогда, когда следователь является человеком психически уравновешенным, последовательным, умеет сдерживать свои порывы - т.е. будет во всем этом привосходить [так!] своего противника.

Своей стойкостью и психической уравновешенностью, следователь должен сразу же доминировать над психикой подследственного, ибо в противном случае он не добьется положительного результата.

Следственный процесс без начальных компроматериалов - это борьба двух характеров, двух психических сил.

Часто следователь, добившись признания обьекта о том, что он обманул его в вопросе своего образования, года рождения, прошлой деятельности или семейных связей - с удовольствием потирает руки и, как бабочка, перелетает на другую тему. Это абсолютно неверный метод, ибо он сглаживает значение этого признания. В этом случае необходимо закрепить за собой добытый успех, и закрепив его, вести наступление дальше, стремясь расширить его. При этом не ослаблять нажим (разумеется психический), а все время усиливать его, использовывать [так!] другие аргументы и не давать возможности опомниться или прийти в себя обьекту.

Такая последовательность, а также принципиальность и деловая стойкость следователя, как правило, приводят к подавлению психики обьекта, его психическому замешательству.

В следствии нет “маловажных” или “неактуальных” вопросов, здесь все важно, все актуально, на чем следователь может “поймать” обьект, хотя бы к делу оно не имело никакого отношения.

После того, как следователь в первой фазе следствия добился психического превосходства, т.е. покорил психику обвиняемого, а также детально познакомился с его биографией, - можно переходить к освещению вопросов по сути дела.

Обьекту корректно, но твердо говорится, что он находится на допросе, и поэтому на каждый вопрос следователя обязан отвечать конкретно, точно и только правду. Такое придупреждение создает свое впечатление и в большинстве вызывает у обьекта множество совершенно лишних движений руками, ногами или всем корпусом тела, нервные конвульсии губ или части лица. На эти движения следователь обязательно должен обратить внимание, ибо по их интенсивности можно судить о растерянности и испуганности обьекта, какие всегда проявляются у человека, который чувствует себя в чем либо виновным. Эти движения и специфическое покашливание обьекта часто выдает его, когда ему неожиданно задать прямой вопрос об его участии в какой-нибудь компроментирующем [так!] его действии, т.е. сыграть с ним при открытых картах. Но не всегда удается выбрать такой момент и не всегда можно использовать его замешательство. Итак, такой прием следует применять в исключительных случаях, и если он удается, то бывает более эффектный, чем прием последовательного подавления воли обьекта.

Если следствие проводится вечером, при свете лампы, то рекомендуется заслонять лампу от себя, например, раскрытой книжкой, направляя таким образом большую часть света на лицо допрашиваемого, лицо следователя в этом случае находится в тени. Одновременно следует запретить обьекту делать разные движения руками, предложить ему положить ладони на край стола и все время держать в этом положении. Обвиняемый забывает об этом предупреждении и все время пытается изменить положение рук, чтобы сопровождать разговор пантомимикой.

Каждый раз следователь корректно (специально) напоминает ему об этом, увеличивая его нервное возбуждение. Во время допроса следователь максимально сосредотачивается и дает возможность обьекту рассказать всю суть дела от начала до конца, нигде его не прирывая. После того как он окончит, предложить ему рассказать все сначала, разрабатывая до деталей каждый отдельный вопрос. Максимальная детализация отдельных событий и скептический взгляд следователя - это необходимые условия для успешного проведения следствия. Следственные процессы по своему характеру бывают очень разнообразны, и поэтому нельзя дать каких-нибудь постоянных правил или рецептов для их проведения, тем более что следственная работа по своей сути имеет больше общего с искусством или наукой, но все же существует целый ряд постоянных положений, которые часто имеют место при проведении всяких следственных процессов, особенно в явлениях психического характера.

Задача каждого следственного процесса - это установление факта и причин, которые его вызвали. Лицо, которое попало на допрос (за исключением позитивных свидетелей) всегда стремится скрыть факт, придать ему другую окраску или изменить причины, которые его вызвали. Нам чаще всего приходится иметь дело с людьми, которые были задержаны (арестованы), а потом освобождены из-под стражи органами НКВД-НКГБ. В своей массе - это наши украинские крестьяне, иногда организованные люди - стрелки УПА, из боевок и т.д. Выше говорилось о том, как обходятся с такими людьми НКВД-НКГБ. Освобождая их с различными заданиями, НКВД-НКГБ учит их говорить о своем освобождении семье, соседям и нашим следственным органам СБ. Это так называемые “легенды”, каким НКВД-НКГБ уделяет большое внимание. Ими затушовывается [так!] действительность, затрудняют расконспирацию своей агентуры.

При допросе главная задача следователя— последовательность, раскрыть суть легенды и заставить обвиняемого их опровергнуть. В основном эти легенды можно разделить на 4 группы:

1. Легенды о способе освобождения из-под ареста.
2. Легенды о показаниях на допросе в НКВД-НКГБ.

3. Легенды про способ контакта с органами НКВД-НКГБ.

4. Автобиографические легенды.

Кратко рассмотрим каждую из этих групп.

1. Легенды о способе освобождения из-под ареста отрабатываются для всех без исключения агентов и в большинстве носит характер:

а) "побег" из камеры через окно, поломанную стену, во время прогулки из тюремного двора, с больницы, во время конвоирования, на допросе и т.п.;

б) освобождение при помощи "подкупа" следователя или начальников отдела НКВД-НКГБ;

в) освобождение в результате "отсутствия компроматериалов" (за недоказанностью вины);

г) освобождение через "болезнь" (глухота, старость, юродство, и т.д.). Очень часто для большей правдоподобности какого-нибудь "бегства", последние специально инсцинируются [так!] органами НКВД-НКГБ, причем вместе с агентом удирают 2-3 человека, которые про эту инсцинизацию [так!] ничего не знают, и на которых позже ссылается агент, рассказывая нашим органам о способе своего освобождения. В этом случае показания о "бегстве" агента и свидетелей будут целиком идентичны.

Итак, раскрыть такую легенду, оторванную от цельности следственного процесса, почти невозможно. Но тут необходимо помнить, что если мы имеем дело с инсцинизацией [так!] бегства, то агентом всегда является инициатор, ибо ему следователь поручает подобрать соответствующие кандидатуры и подговорить их к бегству.

В тех случаях, когда агент освобождается из-под ареста при помощи "подкупа" следователя, необходимо анализировать отдельные детали контакта семьи со следователем, проверять отдельные сцены их встреч, разговор на этих встречах, рассматривая все это в пространстве и времени. Как правило, при внимательном рассмотрении этого дела, всегда удается выявить ряд существенных неточностей, на основе которых опровергается легенда. Однако бывают случаи, когда работники НКВД-НКГБ действительно принимают "подарки" от семьи

обвиняемого, но после того, как его завербуют. (Об этом обыкновенно семья не знает).

Расшифрование легенды об освобождении в результате “отсутствия компроматериалов”. Необходимо начинать изучение обьекта, его прошлой деятельности, связи, отношение к нашему движению. Если человек длительное время принимал активное участие в нашем движении, а конспирировался недостаточно, то скрыть это во время ареста от органов НКВД-НКГБ почти невозможно. А если одновременно с обьектом ранее были арестованы и освобождены лица, которые его знали, то такая возможность вообще исключена. Итак, такой человек, попав в руки НКВД-НКГБ, не имеет никакой возможности выйти оттуда в результате отсутствия компроматериалов. Для вербовки достаточно даже того, чтобы кто-нибудь из семьи обьекта в прошлом принимал участие в каком-либо антибольшевистском движении.

При освобождении из-под ареста в результате “болезней и юродства” необходимо считаться с тем, что органы НКВД-НКГБ располагают достаточно квалифицированными силами, чтобы проверить факты и установить наличие симуляции.

2. Легенды о показаниях, данных на допросах в НКВД-НКГБ.

Как уже указывалось выше, полнота в признании каждого обьекта, который был допрошен органами НКВД-НКГБ, всегда состоит из 3-х основных подразделов.

а) Подача ведомостей о себе (т.е. самораскрытие обьекта);

б) Подача ведомостей о лицах которые представляют для органов НКВД-НКГБ определенный оперативный интерес;

в) Подача ведомостей о своих связях. (Данные, которые относятся к подразделениям, на нашей терминологии называются “всыпа”).

Бывают случаи, когда человек, выйдя из-под ареста, является к нам сам и после некоторых колебаний признается в том, что он завербован органами НКВД-НКГБ, однако в дальнейшем разговоре этот человек свои показания в НКВД-НКГБ освещает так, что он там ни в чем не признался, что его участие в нашей работе не было расшифровано органами НКВД-НКГБ.

Захваченые нами секретные приказы по областному Управлению НКВД-НКГБ и наша практика подтверждают, что такие случаи совершенно исключены. Тех, которые не сознаются, НКВД-НКГБ не вербует, это положение выдерживается настолько твердо, что есть случаи, когда областное Управление НКВД-НКГБ, где утверждается вся агентура, выносило строгие выговора с предупреждением о снятии с работы начальников РО НКВД-НКГБ за: “ несерьезный подход к вербовке агентуры”, конкретно за то, что были завербованы люди, которые недостаточно себя “выявили”, т.е. не дали подробных данных о себе и не дали компроматериалов о своих связях. Документы и материалы показаний этих лиц были возвращены назад, а их вновь арестовали и посадили в тюрьму.

Итак, говоря о вербовке агентуры в НКВД-НКГБ, без его полных показаний не может быть и речи. Больше того, полное признание обьекта о себе самом является недостаточным условием для вербовки. Кроме этого необходимы подробные показания о других лицах и о своих связях.

Обыкновенно такой человек, попав к нам на допрос, сравнительно скоро сознается о факте вербовки. Труднее сознается он о своих показаниях относительно самого себя, а наиболее трудно о своих показаниях относительно своих связей и лиц, которые представляют для органов НКВД-НКГБ определенный оперативный интерес.

Главная цель маскировки этих показаний состоит в том, чтобы не дать возможности принять нашим органам соответствующие контрмероприятия для предупреждения заинтерисованных [так!] лиц, или изменение места складов с оружием или организационным имуществом.

На эти легенды необходимо обратить надлежащее внимание даже тогда, когда они соответственно отработаны и кажутся очень правдоподобными. Отрабатывая эти легенды, НКВД-НКГБ стращает обьект органами СБ и уговаривают его, чтоб тот не признавался о своих показаниях. В связи с этим, бывают случаи, когда агент скрывает перед нами свои показания, не с целью причинить нам вред, а сохранить себе жизнь.

3. Легенды о способах контакта с органами НКВД-НКГБ: есть случаи, когда завербованные органами НКВД-НКГБ лица, выходя на волю в результате сильно компроментирующих

[так!] обстоятельств, при которых они были арестованы (наличие оружия, униформы, эстафет и т.п.), не имеют возможности скрыть перед нами факта вербовки и некоторых своих показаний. Они “чистосердечно” рассказывают нам о своем несчастном случае и о том, что НКВД-НКГБ заставило их дать некоторые показания, и завербовали. Мотивируя тем, что не было другого способа сохранить себе жизнь. Такой человек заявляет, что он остался верным нашему делу и на назначенные встречи с работниками НКВД-НКГБ не пойдет, жертвуя своей семьей. Мы не можем утверждать, что такие случаи исключены, но утверждаем, что бывают случаи, когда некоторые показания являются продиктованными органами НКВД-НКГБ и служат одним из наитонших [так!] методов внедрения своих агентов в наши ряды. Учитывая то, что мы в своей практике оставляем живыми тех, которые сами добровольно являются к нам и рассказывают о своей вербовке, НКВД-НКГБ для последних подготавливают легенды, только о способе контакта с нами. Все другие признания могут соответствовать действительности. Таких людей в лучшем случае мы переводим в другой район, и проследив некоторое время, не контактируются ли они с органами НКВД-НКГБ, привлекаем их к работе. Но тут дело как раз в том, что эти люди, шантажируемые посредством своей семьи, начинают сотрудничать с НКВД-НКГБ без непосредственного контакта с ними, т.е. без персональных встреч. Выше мы уже говорили про существующие способы контакта с НКВД-НКГБ. Тут только учтем, что в данном случае этот контакт может осуществлятся методами, описанными в пунктах 3, 4 и 6 на страницах 10 (в переводе на странице 12 - примечание переводчика). Итак, при допросе необходимо внимательно устанавливать способы контакта агентуры, расшифровывать его до деталей, чтобы подобные курьезы не имели места в нашей практике.

4. Автобиографические легенды. Последние отрабатываются для агентуры, которая засылается к нам из чужих районов. Цель таких легенд - выдать обьект за лицо, преследуемого большевистской властью. Мотивы, наиболее часто, политические. Обьекты - “бывшие участники” опозиционных партий, фракций, как правило, все “репрессированы”. Многие из них “участники”

националистических организаций (особенно СВУ, СУ), некоторые опираются на своих отцов или родственников, которые будто имели связи с указанными организациями. Все это делается для того, чтобы скрыть свое происхождение, прошлую деятельность и цель, чтобы быстрее обеспечить себе доверие со стороны наших органов.

Для расскрытия таких легенд необходимо обязательно знать существующий на той территории порядок, изменение законов, внутриполитическую ситуацию. Также необходимо помнить даты существования разных опозиционных групп, знать их программы, вертикальное и горизонтальное построение и др. Кроме того, при допросе хорошо применять допрос методом “конвеера”. Этот метод заключается в том, что допрос производит три следователя на смену (лучше всего по 8 часов на сутки), которые по очереди, с максимальной детализацией отдельных процессов, анализируют все показания обьекта. Кроме того, при таком методе, обьект начинает путать свои показания (ибо каждый следователь имеет собственный специальный подход к делу) и на протяжении одних суток настолько физически и психически истощается, что в большинстве прекращает отпирательство. Конечно, бывают лица, которые держатся больше.

Очень важным фактором при допросе является элемент постепенности. Есть случаи, когда следователь не ознакомившись подробно с обьектом и его делом, начинает атаку, как говорят “в лоб”. С криком человека, которому все разрешено, он набрасывается на обьект, требует, чтобы тот сразу рассказал ему обо всем - его псевдоним, задание, кого предал, и т.п. Ясно, что человек от такого метода лишается разговорной речи и, запуганный, “закрывается” и отказывается дать какие-либо показания. Тут дело не в том, что от него требуют компроментирующих [так!] показаний, а в том, как эти показания требуются, т.е. каким способом. Ибо, например: постепенно по лестнице можно свести человека с любой высоты, и в тоже время заставить спрыгнуть его с этой высоты невозможно. В этом примере следует видеть своеобразную параллель. Итак, не следует с самого начала требовать от человека солидных показаний, а наоборот, суть дела как можно дольше держать в секрете и раскрывать обьект последовательно, постепенно, начиная с мелочей, как говорится выше.

Теперь несколько слов о методах "технического" допроса, или как он еще называется методом "допроса третьего разряда". Нельзя утверждать категорически, что в нашей практике всегда можно обойтись без применения методов "третьего разряда". Но можно утверждать, что при правильном и умелом ведении следственных процессов, вышеуказанные методы будут иметь место в исключительных случаях, но, к сожалению, есть у нас еще такие работники, которые, не имея желания учиться, в повседневной практике усовершенствовать свою работу, приняли методы "третьего разряда" за основные и оперируют ими везде, где надо и где не надо. Таким образом, каждый следственный процесс сводится к нескольким стандартным инквизиторским приемам, которые могли бы украсить печальные лавры большевистских органов ЧК. В результате таких методов добываются такие материалы, которые в конечном счете имеют сомнительную ценность. Ибо всем известно, что методами "технического допроса" можно заставить человека дать показания о вещах, которые по сути дела не соответствуют действительности.

Таким образом, следователь при допросе должен добыть основание для применения методов "технического допроса". Ибо бывает неоднократно, что во время допроса человек, безнадежно запутавшись, продолжает дальше отказываться от уже доказанных факторов. Неопровержимые законы логики и последовательности для него не существует. Тогда безусловно, в наших условиях, нет другого выхода, как применить к такому человеку методы "третьего разряда".

Если же во время следствия таких оснований следователь не добыл, то применять указанные методы по меньшей мере бесполезно.

Перевел [с украинского - *Дж.Б.*]: лейтенант/Молодчиков/

20 декабря 1945г.

ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1с. Д. 643. Л. 14-33.

Документ 3
"Больше революционной внимательности"

> "Нам страшны не откровенные враги, а те, кто с родным словом на устах идут к нам, чтобы разорвать нам душу, сея зерна розни в сердцах".
>
> — *Ю.Клен "Проклятые годы"*

Опыт революционной борьбы украинского народа против всех оккупантов в последних десятилетиях показывает, что наиболее тяжелой есть борьба с Сталинско-большевистским империализмом, его полицейским аппаратом НКВД.

Борьба с НКВД есть тяжелая не только потому, что она имеет большую армию обмундированных "внутренних войск" НКВД - спецотделы, милицию и т.д., а прежде всего потому, что НКВД создало массовую агентуру и шпионство. Агентура и шпионство, что охватывает не только специальных агентов, сталинскую клику - большевистскую партию, а и всю администрацию, научную институцию.

Професиональные организации - "все внутренние дела" СССР с сотнями тысяч агентов, поэтому и полиция в СССР называется НКВД – Народный комиссариат Внутренних Дел (по-украински "НКВС" - Народный комиссариат внутришних справ), который руководит всеми "внутренними делами" своего НКВДистского государства.

"Как это"- спросит француз, американец или другой гражданин заграницы, который не знает советской действительности. Чем же директор школы, завода или театра, начальник общественного обеспечения, охраны здоровья или другой гражданин, обязанный выполнять как следует свою специальную работу, - причем же здесь полиция. В том-то и дело, что сталинский режим так построен, что пока его назначат на специальную работу, примерно, в школе, в сельском хозяйстве, промышленности, торговле, администрации и т.д. - то прежде всего он обязан быть полицейским-НКВДистом, или согласиться сотрудничать с НКВД (агент, шпион).

Это неимоверно [так!], однако правдиво. Все служащие СССР от наивысших "Народных Комиссаров" - до наинисших: дворников, подметальщиков улиц в городе или десятника на селе

- все должны быть агентами НКВД, а уже на втором плане исполнять свою работу по специальности. Так двояко, вышколенные сталинские кадры “двигают все”. Еще больше: как в последнее время доказывают неопровержимые факты, НКВД пытается втянуть в свою грязную и подлую работу все священничество, а некоторую часть уже втянуло, ибо НКВД не оставляет ни одного участка общественной жизни, чтобы не охватить его агентурой.

НКВД действует всюду, пытается про все услышать, про все знать, вплоть до самых мыслей одной 180-миллионной части своего “союза”, т.е. знать, что каждый советский человек делает, думает и думает делать. Основоположник НКВД - “ЧК” имело когда-то свое знамя, которое вывешивали на зданиях: на красном полотне нарисован большой глаз, а со стороны надпись: “ЧК - все видит”. И под этим - большое ухо с надписью: “ЧК - все слышит”. ЧК - чрезвычайная комиссия, по-украински – надзвычайна комиссия, которую после периименовано на ГПУ – Государственное политическое управление, по-украински - “Державне политычне управлиння”, а впоследствии ГПУ заменено названием НКВД. Это указывает на попытку ЧК не только “все видеть и все слышать”, а отдельными своими делами терроризировать население. Теперь НКВД не имеет своих знамен, открыто не выступает, кроме “обмундированных” войск НКВД, оно действует “тихо”.

Зачем Сталин создал такую сильную полицейскую систему в “стране рабочих и крестьян”, и против кого направлено острие борьбы этой тучи “внутренних войск НКВД”, агентов и шпионов? Для “обороны” перед фашистами и капиталистами? - Для этого же есть “ Рабоче-Крестьянская Армия” и “Военно-морской флот”. Поэтому “внутренние войска НКВД” созданы для борьбы с народами внутри сталинской империи, угнетенными народами СССР, собственно, для борьбы против работников и крестьян. Является фактом, что в СССР официально названные “внутренние войска НКВД” не называют “рабоче- крестьянскими”.

Большевистский империализм проводит свою подготовительную работу для угнетения народов при помощи заманчивых идей коммунизма, демократии, полных обмана и лживости, обещаний счастья, добра и рая. Так обычно действует

каждый империалист. Раскрыл эту тактику еще Шевченко: “Всем Вам дам, только дайте себя в руки взять”.

На языке империалистов это называется “освобождать”. Тогда кроме пропаганды есть еще и внутренние войска НКВД. А ну, тогда пробуйте. Перед народом стоит тогда вопрос: свободная смерть или борьба. Ни один народ не пойдет сознательно и добровольно на смерть, остается - борьба. И эту борьбу пртив сталинско-большевистского режима за свое настоящее освобождение ведут все угнетенные народы СССР. В эту борьбу включается часть тех, которых НКВД пытается силою втянуть в противонародную агентурную работу. Смерть Тургачевского [так!], Хвыльового [так!], Скрыпника [так!] и других свидетельствует, что среди наивысших кругов этого НКВДистского государства есть активные борцы - революционеры, не говоря уже про десятки тысяч уничтоженных из низовой администрации и сотен тысяч, засланных в концлагеря.

Жестокий и коварный враг пытается всеми способами, явными и тайными, задушить революционное движение. В первую очередь он пытается компрометировать революционную борьбу: изъять революционеров, как “агентов иностранных государств”, “врагов народа”, “украинско-немецких национал-истов” или “бендеровцев”; во-вторых, он старается вооруженной силой, для этого специально созданной, внутренними войсками НКВД, разбить организованные силы революции. Наиболее опасным является третье излюбленное оружие НКВД - незаметное, замаскированное, тихое - это агентура и шпионство, которые действуют в укрытии, применяя разнообразнейшие подступы, провокации, диверсии, замаскированные маневры.

Там где враг проиграет в открытом бою, там он пытается подступом и хитростями при помощи своей тайной армии, агентов и шпионов, провокаторов и диверсантов, размещенных внутри - разложить, деморализовать и сломать ударную революционную силу. Тайная армия агентов и шпионов НКВД представляют для революционных сил большую опасность, чем целые полчища обмундированнных внутренних войск, вооруженных наисовременнейшим оружием - танки, самолеты, артиллерия, минометы и пулеметы. Эта тайная армия не одета в серые шинели “особых отделов”, “истребительных батальонов”, и в большинстве случаев не имеет никакого оружия. Она

действует тихо, скрываясь, применяя наиболее подлые хитрости и подступы, выдавая себя революционерами на словах, выступая против Сталина и НКВД, чем пытается добиться доверия и получить необходимую информацию, пытается пролезть в вооруженные отряды повстанцев и ряды организации, и здесь в середине проводить свою подрывную враждебную работу, компроментировать [так!] революционные организации, убивать командиров и т.д. Вот почему необмундированный и замаскированный агент НКВД является более опасным, чем обмундированный НКВДист. Откуда НКВД набирает агентов? В первую очередь, силой и террором принуждает к этому всех работников государственных учреждений и администрации, а известно, что в СССР могут существовать только государственные учреждения; во-вторых, используют продажный, бесхарактерный элемент, который выслуживается НКВД за деньги. В третьих: силой и террором принуждает слабый морально-физический элемент. С этой целью НКВД проводит среди населения массовые аресты и арестованному дает выбирать: смерть или сотрудничество с НКВД. Применяют при этом разные морально-физические издевательства, чего слабые люди не выдерживают. Когда такой арестованный соглашается на агентурную работу, его учат, как и что должен сказать, и выпускают из тюрьмы. Для этого НКВД практикует еще и такие "штучки", чтобы замаскировать выпущенного из тюрьмы агента. Перед народом завербованный агент должен рассказывать сказку "о побеге из тюрьмы", ибо народ знает, что честного человека НКВД не скоро освобождает из тюрьмы.

Как же бороться с таким опасным, скрытным и замаскированным врагом - агентурой? В первую очередь все должны строго придерживаться революционных предосторожностей, так называемой конспирации. Основанием чего служит сделать все так, что бы враг не видел и не слышал разговоров о делах революции, беречься проникновения вражеского слуха в революционные тайны организации. Конспирация - это в значительной степени революционная "шапка невидимка". Только строгое применение конспирации - это еще не все. Революционера расконспировывает собственная работа и борьба, особенно массово-политическая работа, где он встречается с большим колличеством людей, среди которых могут быть агенты и шпионы. Кроме конспирации здесь необходима еще большая

революционная внимательность, чуткость и осторожность. Иногда возвращаясь с разведки в свой отряд, повстанцы-разведчики подсмеиваются перед друзьми: “мы окружены большевиками” - кричат. Вся группа повстанцев настороженно останавливает на разведчике свой вопросительный взгляд: “что, где, как?”, но разведчик посмеиваясь успокаевает их: “шутка - вокруг все спокойно”. Напряжение падает, хотя иногда кое-кто доказывает, что мы действительно окружены большевиками, ибо они вокруг нас, хотя и находятся в это время где-то вдалеке.

Да, сколько жестокой правды в шутках этих разведчиков. Повстанцы-революционеры всегда окружены со всех сторон. Боец из армии государственного народа, воюя на фронте, видит врага только перед собой, в тылу он имеет спокойное затишье, по бокам фланги фронта. Для революционеров нет затишья. Для них каждое место - повседневный боевой фронт. Они действительно окружены врагами. Больше того, кроме того, что они окружены - революционеры еще действуют на заминированной территории. Такими незаметными минами являются агенты и НКВД, которые пытаются всюду быть, всюду пролезть, даже в середину революционных отделов, для того чтобы их разлагать. Поэтому нужно иметь всегда в виду, что чем больше расширяется и усиливается фронт революционной борьбы, тем больше должна быть наша чуткость, внимательность, настороженность и зоркость. Каждое революционное движение должно было перебороть громадные трудности. Кроме бешеного натиска и подступов нападающего полицейского режима были внутренние ошибки, которые помогали врагу. Это в первом случае человеческая глупость, человеческие слабости, болезненная болтовня, легкомыслие, зазнайство, чванство, близорукость, недооценивание сил противника и т.п. Эти ошибки, умело использованные агентурой, неоднократно наносили революционному движению большие потери. Поэтому с ними нужно решительно бороться и искоренять. Христос - революционер против плохого мира, дает своим ученикам такой выговор: “Имеет глаза, а не видит. Имеет уши, а не слышит”. Революционер должен смотреть и видеть все, что нужно, что делается вокруг него, эту агентурную маскировку, которая для обыкновенного гражданина является незаметной. Он должен всегда различать “покрашенную лису”, переодетого агента, от честного гражданина. Он обязан отличить правду от лжи,

которой всегда пользуются агенты. Это нелегкое дело, этого нельзя выучить из книг, ибо таких книг нет. Здесь необходимо иметь врожденные способности, большой революционный опыт и желание. Развивая эти способности, углубляя и расширяя революционный опыт у революционера вырабатывается интуиция - чувство, присутствие которого сберегло уже не одного революционера от грозных опасностей. В борьбе с таким хитрым и подлым врагом, как НКВД, мало быть отважным. Здесь нужно быть таким, как Христос поручал своим ученикам-революционерам: "Будьте отважны, как львы, будьте хитры, как змеи", ибо кто не будет хитрым, т.е. внимательным, чутким, настороженным, готовым на всякие "штучки" агентуры, тот хоть будет отважным как лев - погибнет. Поэтому вдесятеро нужно усилить революционную внимательность и чуткость. НКВД знает очень мало о состоянии, численности организованных революционных сил, кроме одного: что народ против него. Поэтому оно высеивает между народа тучу агентов, которые должны проводить разведку, собирать подробрую информацию, кто, что, как, когда, где и с кем, и передавать ее в райотделы НКВД. Одновременно начинают вербовать из хитрых местных людей новых агентов и шпионов и создают агентурную разведывательную сетку. Собранные материалы от агентов и шпионов используют во время налетов на села и леса при помощи обмундированных НКВДистов. На Украине такие налеты большой численности обмундированных НКВДистов имеют уже свою историю и названия, как: "облавы" или "акции". Облаву начинают рано, окружая село еще с ночи, разыскивают по всем углам, облавы настигают спящих в домах. Опыт показывает, что не всюду одинаково ищут. В некоторых хозяйствах переворачивают все вверх ногами, заглядывают в каждую щель, копают землю, протыкают длинными прутьями и т.д., а в других хозяйствах даже не заглядывают, хотя с этих домов есть тоже кто-нибудь в "подполье". Население удивляется. Разъясняя эту загадку, раскрытый агент, который в одной местности сам брал участие в подготовке к облавам, показал, что все акции и облавы, которые производятся в лесах и селах, были всегда подготовленны внешне и внутренне. Подготовку из средины села или леса производят агенты и шпионы, разведывая перед облавой подробно: где кто скрывается, где собираются ночью революционеры; пытаются разведать, где есть "краивки",

магазины и т.п. и эту информацию передают в Рай-НКВД. Подготовка внешняя - это внезапно и неожиданно ночью обложить село, произвести заставы от оврагов, лесов и т.д. Как видно, агенты и шпионы являются гораздо более опасными, чем "обмундированные истребительные батальйоны [так!]", которые были бы слепы, если бы агенты и шпионы не давали информации. Поэтому и внимание всех должно быть обращено на то, чтобы не дать агентам информации про себя и других, изобличать этих подлых "иуд" и их уничтожать, быть чуткими, чтобы не дать себя застигнуть обмундированным НКВДистам, не верить тем, кто говорит, что завтра не будет облавы, ибо только агенты могут так утверждать. НКВД, изучая наше революционное движение, не пропускает ни одной возможности, чтобы послать к нам своих агентов, и под таким видом, чтобы не возбуждать в нас подозрения, обеспечить им успешную работу, обеспечив свободу движения на занятой повстанцами территории. Один агент из "руководящих" кадров НКВД ст. л-т "Х", который болтался по территории под видом "седоволосого" красноармейца-дизертира [так!] из фронта, пойманный революционерами, на следствии признался, что имел задание лично проверить сведения про нас, а тем самым, работу своих агентов. Он обширно раскрывает способы и задания агентов, высланных к нам как дизертиров [так!] фронта. Одни имеют задание остаться у нас и действовать на долгий период времени. Они должны себя маскировать, рассказывая, что как украинцы с восточных областей, после вступления в ряды Красной Армии с обратным приходом большевиков на Украину /1943 год /, убедились, что в СССР нет никаких изменений, что Советский Союз остался таким, каким был до 1941 года, что вся пропоганда [так!] построена на фальши и обмане, поэтому и не за что воевать. Узнав в западных областях Украины про существование "УПА", решили удрать с Красной Армии, чтобы приложить все усилия делу освобождения Украины. У них так много патриотизма, что они готовы "голову свою положить за самостоятельную Украину". Некоторые могут говорить, что еще в 1940 году принимали участие в тайных организациях украинской молодежи, другие - что они из бывших петлюровцев, сыны кулаков, священников, крупных торговцев, целиком пропитанные национализмом, и могут нам пригодится. В действительности они имеют приказ от НКВД: проникнуть в

революционные ряды, работоспособностью, знанием военного дела завоевать доверие проводников и командиров, занять старшинское положение в УПА, и тогда можно приступить к агентурной работе, давать известия в ближайшие отделы НКВД, непосредственно являться ночью, вести разложительную работу, провоцировать отделы УПА на открытые бои с войсками НКВД, в ответственных моментах удачно выполнять нападения на высших командиров УПА. С этой же самой целью приходят агенты под видом дизертиров–штрафников [так!], которым как будто бы за разные проступки грозили "штрафные батальйоны [так!]" (для командиров) или "штрафные роты" (для бойцов). Это заставило их удирать из Красной Армии и присоединиться к УПА. Обычно - это специалисты-войсковики: топографы, минометчики, минеры, опытные старшины, в которых нуждается УПА. Это затем, чтобы сразу занять место вблизи командиров для успешного выполнения агентурных заданий. Другая категория агентов, которая приходит под маской дизертиров [так!] - это такие, которые должны один раз перейти через лес или занятые революционными силами села, чтобы орентироваться [так!] в расположении отделов УПА, их силе, вооружении, месте стоянок и т.п., и доложить все в НКВД. Время пребывания таких агентов для разведки на территории короткое. Таких агентов высылают обычно для того, чтобы проверить правдивость полученной раньше информации. Такие появляются обычно под видом дезертиров, которые кинули оружие и удирают прямо домой, или раненых, которые не хотят идти в госпиталь, так как там плохо кормят. Третья категория агентов - это настоящие штрафники, которые осуждены в штрафные роты, но не могут идти на передовую по состоянию здоровья. Тогда их бросают в агентурную работу, в разведку. Когда такой агент-штрафник вернется назад и принесет известие, тогда снимается наказание. Опыт показывает правдивость вышеперечисленных признаний агента К. Через украинские села, хутора и леса прошли уже сотни агентов под видом дизертиров [так!]. Все они рассказывают неимоверно ужасные вещи про отношение и положение в Советской Армии, потому что, слушая их, создается такое впечатление, что Красная Армия распадется уже на следующий день. Агенты под видом раненых красноармейцев с документами про ранения обычно здоровы. Например, такой красноармеец с документами, что в бою потерял глаз (был

перевязан) оказался после проверки совсем здоровым глазами. Другой - с “осколочным ранением” в документе - имел обычные чиряки на спине. Это были агенты. Известно много случаев, когда агенты НКВД сдавались в плен к немцам по приказу НКВД как красноармейцы. В 1941 году, когда Красная Армия отступала в плен, сдавались не только красноармейцы-одиночки, а целые специально созданные отделения. В плену “убеждали” дурных немцев разными небылицами про Советский Союз (что было немалой причиной поражения немцев), провокациями уничтожали немецкими руками честных украинцев, а удирая из немецких лагерей, одни расходились по селам (в частности, в Западных областях Украины, с целью проведения подрывной агентурной работы против революционных сил), а другие создавали грабительские банды партизан на Украине, “Гвардию Людову” в Польше, вступали в ряды “Народно Освободительной Армии” в Югославии с целью большевизации и т.д. Такие штучки проделывает НКВД. Иногда такой агент, представляющий себя дезертиром, так хорошо играет комедию, что нужно действительно уметь различить агента. Прижатый к стене, он признается во всем и готов идти работать с нами (в надежде, что ему удастся удрать).

НКВД использует формы для замаскирования своих агентов не только под дизертиров [так!] Красной Армии, но и из других чужих армий, про это свидетельствует такой случай. В родное село в 1944 году прибыл ночью Петро К., который был принят немцами в дивизию “СС-Галичина”, перекинутую на западный фронт против англичан. Там он попал в плен к англичанам, которые перевезли его в Англию. Из английского лагеря его забрали большевики, якобы на основе договоренности между Англией и СССР: что всех пленных граждан СССР, которые из немецкой армии попадут в английский плен - забирают большевики. Из Англии везут его до Москвы, после в Киев, в конце направляют его в Красную Армию и высылают на фронт против немцев. В пути на фронт ему дают отпуск на два дня домой. Он, прибыв домой, увидел громадное революционное движение, слышит про отделы УПА, решил не идти на фронт и биться за Сталина-палача и НКВД, хочет активно бороться против них. Как доказательство, что он был в английском плену указывает на английский мундир, в котором приехал... “Как тут у вас, - спрашивает, - кто сейчас станичным, кто в отделах УПА,

много ли не пошло по мобилизации в КА?" - все это его очень интересует. Основательная проверка Петра К. революционерами, что знали его прежде как бесхарактерного типа, выявила, что он был агентом и поэтому рассказывал такие сказки. Он признался, что в НКВД его научили так врать про его "приключения". В действительности он под Бродами попал в советский плен, где под нажимом НКВД завербовался для агентурной работы и с этой целью прибыл в родную сторону.

Высокая революционная внимательность, сохранение революционных тайн, основательная проверка такого рода разных дизертиров [так!] - сохранит нас в большой мере перед ударами врага, позволит успешно ликвидировать его агентуру. Даже среди удирающих, принужденных силой служить в НКВД молодых истребков [так!] находим агентов. НКВД насильно мобилизирует молодежь, 28-летних, на службу в истребительные батальйоны [так!] и используют их на подлой работе: помочь в хозяйственном грабеже собственного народа и борьба против революционеров, т.е. их друзей, братьев, отцов. Национально-сознательные истребки [так!] не хотят быть слепым оружием врага и удирают в повстанческие отряды. НКВД заранее готовит агентов из истребков [так!], и когда сознательная часть их удирает - эти агенты присоединяются к удирающим, чтобы в революционной среде проводить агентурную работу.

Когда в 1944 году большевики после вступления на украинские земли начали насильно и в массовом порядке вывозить мужчин и женщин на каторжные работы в Донбас [так!] и там их истощали работами и голодными пайками, люди начали спасаться побегами домой, идти в рев. вооруженные отряды. НКВД использует это движение беглецов и под этой формой высылает переодетых агентов как беглецов из Донбаса [так!] в разведывательных целях. Агент Д., который ходил по селам и лесам с востока на запад в порванной одежде, выдавал себя, что удирает с каторжных работ из Донбаса [так!]. Чтобы получить доверие среди людей, рассказывает, так как действительный беглец, даже преувеличивает, о ужасных условиях на шахтах Донбаса [так!], о жалком питании, в доказательство которого носит с собой кусок сухаря, спеченого [так!] из полова, отрубей, опилок и т.д., мол, такой хлеб дают, ругают Сталина. Как рассказывал потом на следствии, раскрытый революционерами, - не одна женщина, сын у которой

или дочь были в Донбасе [так!], горько плакала, посылая проклятия сталинскому режиму, рассматривая хлеб “ с самого Донбаса [так!], “и при этом неожиданно выдавала не одну тайну, что эти и другие имеют счастье, что хорошо прячутся (некоторые показывали, как и где кто прячется), и не поехал в Донбас [так!]. Не одного “простячка” он поймал на этот кусок сухаря, спеченного, как признался , в ближайшем районе НКВД. Под таким видом выслано много агентов - мужчин и женщин. Они имеют задание подавать информацию в райотделы НКВД о случаях враждебного отношения к СССР, сведения про отделы УПА, стараться влезть на связе [так!] , пройти ими прямо к дому и про все известить НКВД в своем районе.

Когда К.А. начала забирать немецкие земли, оттуда начали возвращаться домой граждане, насильно вывезенные немцами на работу в Германию. Выявлено, что НКВД имело своих агентов под видом рабочих, возвращающихся из Германии, поэтому необходимо быть осторожными в разговорах с такими людьми, не раскрывать перед ними революционных тайн, а нужно среди них раскрывать агентов.

Известно, что население Западных областей Украины не даст себя так ограбить врагам, как в восточных областях благодаря колхозному строю. Поэтому голодное население, в частности из ближних районов ВОУ, приходит в ЗУЗ за продуктами к своим братьям. Население ЗУЗ с удовольствием помагает им. Но НКВД уже волчьим глазом смотрит на это и пытается этот факт использовать для своих грязных целей. Раскрыто уже некоторое количество агентов, которые среди населения Зап. обл. вели агентурную работу, разведку, под видом просителей хлеба. Вследствие их агентурной работы были убиты, арестованы, вывезены в Сибирь многие семьи.

На революционерах лежит обязанность основательно проверять таких типов-агентов, которые маскируются под дизертиров [так!], беглецов или просителей, раскрывать и уничтожать как самых опасных врагов. Ибо такие замаскированные агенты, кроме собирания информации среди населения (что является причиной арестов, расстрелов, вывозов в Сибирь), создают очень вредную атмосферу недоверия. Когда, например, определенная часть узнает, что между дезертирами, беглецами и другими есть агент НКВД, то другие так напугаются, что никому не поверят, боятся принять в дом,

помочь продовольствием и информацией частым прохожим людям. А этого собственно и хочет НКВД: внести недоверие, посеять вражду, страх, настроить одних против других, чтобы этим самым легче побороть революционные силы народа. В частности, сильное внимание обращало НКВД на "разработку" лесов, чтобы иметь информацию про то, что делается в лесу, про состояние отделов, вооружение, кто командир и проводники, месторасположение отделов и т.д. С этой целью высылает туда под разным видом агентов, как и дезертиров из К.А., беглецов из Донбаса [так!], беглецов из тюрем и лагерей, из которых одни имеют задание проникнуть в отделы УПА и действовать на долгий срок, другие одновременно переходят через лес разными направлениями: как дезертиры с фронта - Запада на Восток, другие представляют, что, идя на фронт, удирают из Белоруссии с Севера на Юг, еще одни, как дезертиры Белоруссии с юга домой, и так без конца в разных направлениях. Все, что заметят в лесу, должны донести в НКВД. Кроме того пытаются в селах вокруг леса завербовать местных агентов или шпионов, которые ходят в лес на разведку под видом собирания грибов, за дровами, доставляют продукты для сына (мужа), который скрывается и т.д. А когда их проверяют, рассказывают сказки. В самом лесу НКВД пытается пристроить своих "штатных" работников. Это "местные" проводники, без которых, казалось, было бы трудно действовать нашим отделам. Расшифрованный такой "отец" устраивал все дела отделов УПА в лесу со сбором и доставкой продуктов, снабжал информацией и другими данными. В работе для нас показывал себя лучшим и преданным нашему делу работником. Свое постоянное пребывание в лесу обьяснял болезнью легких, ревматизмом. Поэтому ни один отдел не мог забрать его с собой. Внимательный глаз командира Б., который прибыл в лес, заметил в Ф.М. подозрительную деятельность. Проверив его основательно, выяснилось, что это агент НКВД, который в действительности передавал точную информацию до РайНКВД про лес, ибо каждый отдел переходил через его руки. Подлые агенты НКВД применяют такую маскировку, что нужно действительно очень внимательный глаз, чтобы рассмотреть агента. Например, однажды прибегают в глубину леса пастухи, которые пасли коров на окраине леса, и сообщают трем встреченным повстанцам, что лесом, крадучись, идет мужчина переодетый в женскую одежду. Повстанцы немедленно

поспешили на указанное пастухами место и задержали эту женщину. Женщина имела вид старухи в поношенном старом уборе, с корзиной в руках. Говорит, что пришла в лес за грибами. Тогда повстанцы стянули с нее женскую одежду - перед ними стоял мужчина. Он признался, что является агентом НКВД и в лесу проводил разведку, разговаривал даже с некоторыми повстанцами, которые не заметили в нем ничего подозрительного и отпустили. А он уже с собранной информацией возвращался в РайНКВД. Так юноши-пастушки раскрыли агента.

Как умело используют агенты НКВД недисциплинированность отдельных повстанцев или отделов, несохранение военно-революционных тайн, отсутствие надлежащей внимательности и осторожности, свидетельствует такой случай. Отдел был на стоянке в лесу несколько дней на одном месте. Вокруг леса не было большевистских войск, поэтому повстанцы из отдела чувствовали себя свободно. Перед отходом отдела из этого места Чуйко старательно собрал куски бумаги и другой мусор, который дал бы врагу представление про отдел, и обошел кустами вокруг стоянки. Каково же было его удивление, когда он в наиболее густых корчах [так!] заметил человека. Задержанного привел в отдел. Этот человек в красноармейской форме был похож на дезертира. Однако на следствии признался, что является агентом НКВД и уже полтора суток лежал под лагерем и подслушивал все, что повстанцы говорили, рассказал то, что подслушал, - к сожалению, это была важная информация. Только благодаря революционной внимательности роевого Чуйка эти сведения не дошли к врагу. Подлое НКВД для достижения информации использует и сложнейшие формы новой техники: сбрасывают с самолетов парашютом в лес или при помощи агентов пристраивают замаскированные в корчах, дуплах деревьев и т.п. приемно-передаточные радиоаппараты, которые подслушанные разговоры передают автоматически.

Рассказывал один гражданин, который побывал в разных местах СССР, что НКВД в шпионско-разведывательных целях приставляют к стенам других комнат специальные аппараты, так называемые “диктофоны”, которые записывают разговор слово в слово, или соединяют такой диктофон с телефоном и при помощи замаскированных проводов, соедененных этими

аппаратами, ведет разведку, подслушивание. Такие диктофоны чаще всего помещают в тюрьмах, концлагерях, готелях [так!] и т.п. Это еще раз доказывает, каким внимательным и осторожным нужно быть всюду и со всеми, ибо в советском раю даже “стены имеют уши”. Поэтому революционеры, квартируя в лесу, в городе или селе, должны всегда внимательно осмотреть и проверить места стоянок, нет ли чего подозрительного.

Хитрость и подлость НКВД не имеет границ. Они стараются выдумать все новые и новые “штучки”, так что пока революционеры узнают и приспособятся к одним, то НКВД уже выдумает другие. Нужно быть очень внимательными, чтобы все подозрительное заметить и раскрыть. Пример: на лес готовится акция. Командиры и проводники, которые находятся в нем, чувствуют это нюхом. Каждый раз в лесу все больше крутится беглецов, дизертиров [так!], хозяев, которые ищут своих коней, женщин, которые собирают грибы - это в большинстве случаев разведчики НКВД - агенты. Проводник Д. едет с друзьми лесом и за всем следит. В это время дорожкой подьезжает 8 конников - все на белых лошедях. Между ездоками он узнал командира районной боевки “Шинкара”. Про него слышал нехорошие вещи. Кроме того, удивило то, что сейчас, когда так тяжело иметь верховых лошадей какой-нибудь масти, у “Шинкара” все белые. Спрашивают: “Куда едете?”. “К командиру П. с важными новостями про большевиков”, - отвечает “Шинкар”. Проводник зовет “Шинкара” на разговор и посылает гонцов к командиру П. Основательная проверка выявила, что “Шинкар” со всеми своими людьми были агентами НКВД и создали замаскированную группу агентов. Он сам и другие признались в этом. Кроме того, сказали, что через два дня должна быть большая акция на лес. Его заданием было ездить по лесу и разведывать про место стоянок отделов, а перед самой акцией передать те сведения большевикам, которые должны были наскочить внезапно. Во время акций он со своей группой должен свободно ездить на конях по лесу, показывая большевикам места стоянок. Белые кони - это условный знак между ими и большевиками, чтобы во время акции большевики не стреляли в него, ибо это “свои”. Как видим, внимательность и наблюдательность проводника Д. была правильной, поэтому обезврежены опасные агенты, которые привели б к большим жертвам.

Агенты и шпионы-разведчики применяют иногда для некоторых целей разные знаки. Пример. В большом лесу, где меньше движение, агент под вечер складывает на перекрестных дорогах, тропинках прутики или веточки и рано идет посмотреть, не сдвинуто ли где. Коли это так, сообщает в Райотделы НКВД и ночью готовят облаву. Однажды связной Р. идя утром заметил в нескольких местах кучки белых прутиков. Его удивило, что вчера вечером их не было. Кто-то подбросил их ночью. Недалеко от места стоянки своего отдела на тропинке лежала тоже кучка. Присмотревшись внимательно, он заметил, что два прутика лежали в сторону, указывая направление к месту стоянки. Он заявил про это командиру, который пошел с ним осмотреть это место и подтвердил его выводы. Немедленно извещены все отделы, чтобы изменили места стоянок, а прутики собраны. Не прошло и часа, как в лесу началась стрельба - большевики делали акции. Не было сомнения в том, что эти белые прутики - работа агентов, которые условными знаками указывали места стоянок отделов. Так внимательность связного Р. спасла отделы от нападения, а много повстанцев от смерти.

НКВД для уничтожения рев. движения не только высылает от себя специальных замаскированных агентов или вербует их среди бесхарактерных выродков общества, но и пытается за всякую цену влезть в средину революционной организации, протолкнуть туда своих агентов или морально нестойкого члена завербовать для агентурной работы. Способы практикуют разные. От обычного ареста членов до обработки их в тюрьме. И научив их, как следует врать - отпускают на волю – удрал, мол. Иногда такой “беглец” еще и принесет автомат, мол, он убил 2-х НКВДистов. Один агент рассказывал на следствии, что еще в 1940 году получил приказ от НКВД пролезть в ряды организаций. Долго старался, но лишь во время немецкой оккупации ему это удалось. С приходом советов в 1944 году он связывается с НКВД, которое дает ему новое задание и инструкции. Он рассказывал, как НКВД учило его: если он не сможет занять какое-нибудь руководящее место в организации, должен стараться проникнуть в некоторые делянки организационной работы, где есть свободное движение и слабый контроль. Опыт показывает, каким опасным является агент на таких делянках работы. Расшифрованный агент К.К. работала на

связи как курьер, рассказывала на следствии, что НКВД поручало ей следующие задания:

1. Передавать точные информации о пунктах связи, о продвижении людей. Какие проводники проходят, куда, и где квартируют.

2. Старательно проверять почту и делать выписки, брать некоторые оригиналы, которые передавать в НКВД, а начальникам говорить, что потеряно или в период опасности сожжено.

3. Вербовать новых агентов и давать им работу на связи. Как видите, агент на связи - очень опасный человек. Через таких подлых изменников могут попадать в руки врага орг. наказы и отчетности, гибнуть революционеры, в отдельности [так!] проводники, и т.п. Оградить себя от таких случаев, можно лишь посылая на связь более уверенных, твердых, идейных и характерных революционеров, старательно обучая их конспирации, настойчиво вырабатывая у них рев. внимательность и настороженность. Когда агент является разведчиком при отделе УПА, он может нанести большие удары, ибо он может передать во время дороги точные информации про отдел, его боеспособность, кличку. Известная разведчица в О. лесу, старая женщина (более 50-ти лет), работой которой восхищались вышестоящие командиры, была агентом с 1939 года. Имея доступ в некоторые отделы - дала ценные сведения для НКВД. Несколько акций проведенных красными в этом лесу - следствие ее агентурной работы. Кроме сбора данных разведывательного характера имела связь с агентами в отделе. Некоторые командиры и отделы на собственной шкуре убедились о грозной опасности агентов-разведчиков, а до этого времени были слепыми, не замечали даже провокационных действий агентов. Этот опыт стоит жизни многим революционерам. Бережем и углубляем же этот опыт, ибо нам нужно всегда помнить, что боремся с провокационным и подлым НКВД, а не с честным и рыцарским войском. Очень хитро ведут разведку агенты, которые в целях вредительства рев. движению влезли в хозяйственный участок. За существование немцев, во время громадного разворота революционной борьбы, когда была притуплена внимательность бездейственностью агентуры НКВД,

пролезли они туда без больших трудностей. С приходом советов, вследствие доносов этих агентов, попала в руки НКВД некоторая часть магазинов с продуктами и вещами. При выдаче продуктов для отделов, агент точно требовал состояние отделов и деликатно разведывал про внутренние дела отдела. Когда, например, один из отделов получил задание отойти на продолжительное время, хозяйственный пункт получил задание снабдить этот отдел сухим пайком /сухари, сало, сахар/. Отделы, которые являлись на продовольственный пункт несколько раз возвращались ни с чем, ибо здесь им заявляли, что нет, еще не привезли и т. п. "Зачем вам такие продукты?" - спрашивали. Взволнованные посыльные отвечали, что идут в рейд, им это обязательно нужно. Только через несколько дней отдел получил продукты, и только выступив, напоролся на несколько большевицких [так!] засад, которые только теперь тут появились, должен принимать бой. Такое и другое подозрительное поведение и деятельность на продуктовом пункте явилось причиной основательной проверки работников и выявилась агентурная деятельность магазинера. Он сознательно протянул выдачу продуктов, полученную за это время информацию передал в НКВД. В подобных случаях необходимо немедленно проверять деятельность таких хозяйственников, что даст возможность очистить весь аппарат от враждебных элементов. Большое внимание уделяет НКВД вербовке в шпионы разного рода специалистов, например кузнецов, портных, сапожников, мельников, столяров и т. п. К ним съезжаются люди с разных сторон, заводят разговоры на актуальные темы, и когда, например, такой мельник или сапожник является агентом, он так направит разговор, что вытянет у собеседника всю необходимую ему информацию. Известны случаи, что даже нищих попрошаек НКВД вербует в свою разведку, или специальных агентов переодевают на нищих. Необходимо быть осторожным перед такими людьми, особенно с неизвестными, не заводить с ними разговоров на тему революционной борьбы, чтобы не выдать несознательно гражданской или военно-революционной тайны. Насколько провокационно-подлых методов употребляет НКВД для борьбы против революционных сил народа, свидетельствует факт втягивания священников как агентов и доносчиков. Священник Г. сам заявил революционерам, что когда он явился в райфинотдел для налаживания дел церковной земли, там его

“работники” финотдела взяли на допрос, силой и террором заставили его подписать заявление о сотрудничестве с НКВД. Ему поручили следить и доносить на других священников, на своих парафиян[1] [так!], изменять тайну исповеди перед НКВД, славословить КА, Сталина и его режим. Однако мало есть таких священников, которых НКВД заставило вести агентурную работу, а они, в сознании страшного преступления перед народом, церковью и Богом - выявляют перед революционерами и народом гадкие попытки НКВД. Есть достаточно и таких, которые используют свое священническое положение и доверие парофьян [так!], проводят подлую агентурную работу. Например один священник сообщил прихожанам, что будет отправлять только за повстанцев, которые борятся против “антихриста Сталина”. Перед службой распрашивал своих прихожан про имена и фамилии их родных, которые находятся среди повстанцев, мол, он будет молится за них... Разоблаченный признался, что таким способом собранные списки повстанцев, он передал в НКВД. Некоторым агентам-священникам НКВД позволяет оглашать патриотические революционные проповеди. “Бросать бомбы на Сталина и НКВД...”, для того чтобы получить больше доверия прихожан и использовать это в агентурных целях. Священническую форму используют и специальные агенты. Известный в одной области до 1941 года агент Г., с приходом немцев, в страхе перед наказанием народа, для ведения дальнейшей агентурной работы переезжает в другую область, высвячивается [так!] на священника. С приходом советов не покидает священничьих риз, а дальше как священник работает, полным ходом, проводя в своем приходе агентурную работу.

Другой агент, переодетый священником, ходил по селам, продавая молитвенники, образки, маскируясь, проводил агентурно-разведывательную работу среди населения. Как использует НКВД через священников-агентов тайну исповеди, свидетельствует такой случай: в с. Д. Ровенской области назначили нового молодого священника. Через три недели после прибытия молодого священника приезжает в этот приход какой-то странный старый, седоволосый священник и сразу идет в церковь, где молодой священник был как раз занят с

[1] Т.е. прихожан.

исповедующимися. Старый священник показал молодому какое-то письмо и молодой без единого слова сбрасывает свои ризы и уступает свое место старому. Люди смотрели на все это удивленными глазами. Старый священник начинает исповедовать... В исповедальню входит молодой 8-ми летний мальчик и начинает считать свои грехи. “Как тебя зовут?”- спрашивает священник. “Ивась” ответил мальчик. Священник незаметно записывает, спрашивает: ежедневно ли тот молится за отца. Мальчик отвечает, что иногда забывает. “Это плохо, это грех, твой отец, наверное, на фронте среди опасности, а ты не молишся за него. Нужно молится, и я за него помолюсь, как зовут его? Петро?”. Синие глаза мальчика чего-то неспокойны. Священник спрашивает, давно ли отец на фронте. Ивась мнется, у него идет внутренняя борьба. Его научили дома никому не говорить, где отец, однако одновременно мать приказала, что в церкви на исповеди нужно говорить священнику всю правду. А неумолимый священник настаивает: “Где твой отец?”- смотря на мальчика суровыми пронзительными глазами. “Гм, гм... мой отец не в армии, а скрывается... дома”, - выжимает из себя Ивась. “Ну, ничего, молись, сынок”, - и дальше продолжает исповедь. Следующая подходит старая бабушка. И снова вопросы священника про молитвы, где сыны и т. п., и все незаметно записывает. Маленький Ивась с плачем рассказывает родным, что его священник распрашивал и он сказал про все. Возвращаясь, и другие бывшие на исповеди обсуждают эти дела, удивляясь. “Исповедовал” так этот священник три дня до тех пор, пока недовольные прихожане собрали совещание и с возмущением запротестовали против этих “исповедей”- старый священник, услыхав про это, передал место молодому и быстро уехал. Такими провакационными способами воюет НКВД с революционными силами, пытается разнообразными хитростями и маскировкой добыть необходимую информацию, при помощи которой наносит удары. Поэтому весь народ, все повстанцы и командиры, все революционеры должны быть очень внимательными и осторожными, должны разгадывать всевозможные “штучки” врага, какой бы вид он ни принял. Люди честные и чистые просто не могут себе представить эту хитрую и провакационную [так!] подлость НКВД и часто несознательно готовят для себя и других удары, как этот Ивась... Не дать врагу информации про себя, пусть перед каждым всегда стоит

предостережение: внимание! Замаскированный враг действует, агенты и шпионы подслушивают и подсматривают! Агенты очень опасны не только потому, что переодетые в обычных граждан, преимущественно принудительно - вроде преследуемые и гонимые НКВД - ведут среди населения и революционеров шпионско-разведывательную работу и, собирая информацию, передают в райотделы НКВД для использования, а и прежде всего потому, что они сами непосредственно принимают активное участие в борьбе с революционным движением, подрывают внутреннюю силу революции путем саботажа и вредительства. Как признался агент В., НКВД поручило ему создавать небольшие группы из агентов и шпионов, которые имеют задание обстреливать наших людей ночью, которые выходят на работу или находятся в помещении, или прямо с вечера дать несколько очередей из автоматов. Это для паники, чтобы вызвать впечатление, что большевики подступают к селу и этим самым помешают в работе. Такие случаи нередко действительно бывают. Надо таких типов вылавливать и наказывать по-революционному. Разоблаченные агенты, которые работали на хозяйственном участке, рассказывают, что согласно инструкциям НКВД, они так исполняли свою работу, что кроме собирания информации об отделах, они еще наносили материальный ущерб. С этой целью они сообщали НКВД местонахождение таких магазинов. При создании магазинов проводили такую агентурную работу: и вместо малых магазинов, размещенных на разной територии, они на местах старались переубедить честных работников, что нужно копать большие магазины. Это для того, чтобы лучше было их сдавать в руки НКВД. Они старались саботировать приказы организации, задерживали выдачу продуктов, выдавали более плохие, уничтоженные, вопреки приказам, например, чтобы выдавать наилучшие вещи. Иногда магазиновали так, чтобы сгнило, разбазаривали народное добро и т.п. Действительно были случаи такой агентурной работы. Один из таких агентов приказывал в селах хозяевам копать краивки и магазины одной формы и в одинаковых местах - 25 метров от постройки, говоря, что большевики жгут хозяйства и поэтому в краивке, которая находится в постройке, можно задохнуться. Еще ходят проверять, выкопали ли так, как он поручил. Это поразительно - агентурный приказ разоблачил его. Проверкой политической

уверенности их работы обезврежено многих агентов и этот участок очищен от враждебных элементов. Агент Т., который из-за отсутствия внимательности и осторожности некоторых членов сумел с их помощью пролезть в ряды организации в период немецкой оккупации, признался, что имел такие агентурные задания: саботировать оргработы, не исполнять оргприказы, оргинструкции при передаче подчиненным искажать, чтобы вносить недоразумения и хаос. Саботаж его выражался в том, чтобы орг. приказы и инструкции, литературу не передавать членам или хотя бы задерживать передачу. Приказы о доставке известных вещей для начальников - не выполнять, отвечая, что нет таких вещей или невозможно доставить. При этом составлять лживые отчеты начальникам, что все хорошо. Необходимо внимательно присматриваться к работе таких людей, проверять все как следует, и это даст возможность раскрыть замаскированного изменника. Как агенты пытаются не исполнять приказов, а после составляют лживые отчеты, свидетельствует такой случай: командир небольшой группы Ю. получил приказ выступить в рейд. После назначенного срока он прибыл назад и доложил своему начальнику, что был в рейде в назначенном районе провел успешно 7 боев и т.д. Отчет был целиком фальшивый и выдуманный. Ю. вместо того, чтобы пойти в рейд, тихо отсиделся на другой территории, про что было известно его начальникам. Ю. предали суду. Следствием установлено, что он был агентом НКВД и поэтому так поступил.

Для рев. отделов опасны попытки агентов, которые влезли туда и действуют по инструкциям НКВД - портить автоматическое оружие, в частности, пулеметы, перед боем. Это может являтся причиной поражения отдела. Поэтому нужно обращать внимание на оружие, всегда проверять его состояние. Агентов большой степени можно распознать по их работе. Путем внимательности, наблюдения и проверки необходимо научиться революционерам этому умению.

К наиболее подлым способам, которые употребляют НКВД в борьбе с революционным движением, принадлежат организованные и исполненные специальными агентами атентати [так!] на проводников и командиров.

Агент М. признался, что от НКВД получил задание выкопать хорошую краивку, хорошо замаскированную, и передать в НКВД точное место, где она находится. Если будет

проходить через эту станицу какой-нибудь значительный проводник, стараться заманить его в эту “очень хорошую” краивку. Перед тем как они зайдут в эту краивку, известить НКВД через заранее приготовленного посыльного агента. Когда НКВД, якобы случайно, прибудет и будет искать /хотя они заранее знают где краивка/ и открывать краивку – он, агент М., должен повлиять на этого проводника так, чтобы тот сдался живым в руки большевиков, а если этот проводник не даст себя переубедить, а примет решение защищаться и погибнуть, то агент М должен его застрелить, а сам сдаться и распространить известие, что этот проводник сам себя застрелил.

Известны в нашей рев. жизни такие случаи, что таким способом погибло много замечательных революционеров. Чтобы можно было использовать таких частично замаскированных агентов, НКВД организует комедию с “арестованным” по дороге к району, и такой агент “удирает”, по нем очень стреляют.

Очевидно для того, чтобы убить. Как мастерски подготовляют и выполняют агенты убийство руководящих революционеров, свидетельствует такой случай. Районного проводника “Пугача” с несколькими боевиками ночью на трех подводах проводит территорией агент НКВД, так называемый Х. Он не был членом организации, но члены им пользовались потому, что он хорошо знал район, глухие дороги. Из-за разговорчивости и неосторожности боевиков он заранее узнал и составил совместно с НКВД план убийства “ Пугача “. НКВД в селе С. сделает засаду и будет стрелять по последней подводе, и во время стрельбы застрелит “Пугача”. Так и случилось. В селе проезжающих обстреляли. Когда собрались боевики, выяснилось, что один был ранен и не было “Пугача”. После убедились, что “Пугач” убит. Никто не подозревал Х. Он дальше был проводником. Только во время подготовки агентом Х. второго агента его разоблачили. Он во всем признался. “Пугача” он убил из пистолета, при первых выстрелах большевиков. Но причина смерти “Пугача” не только в агенте, а прежде всего, что пользовались неорганизованными и непроверенными людьми, во вторых: неосторожность и неконспиративное поведение боевиков, которые договаривались про направление дороги, в третьих: что было разрешено уехать на одной подводе с “Пугачом” и другим. Признания агента С. освещает смерть боевика “Чайки”. Организовал на него атентат [так!] агент Э.,

про которого “Чайка” знал кое-что. С этой целью Э. договаривается с “Чайкой” встретиться. Когда он прибыл, оба они проходят через мост, откуда выскакивает агент-атентатчик, приготовленный агентом Э., и, выстрелив из пистолета, убивает боевика “Чайку”, после чего оба агента дают несколько очередей из автоматов, а между людьми распространяют слух, что они нарвались на большевицкую [так!] засаду, в которой погиб “Чайка”, а они счастливо выскочили. Этот же агент раскрывает на следствии подлые методы и способы НКВД. От начальника НКВД он получил такие инструкции: во время выгодных моментов (бой, стельба, отступление), подготовленные агенты должны убивать командиров. Они имеют следующие задания:

а) если плановая акция, то во время акции должны показать свою храбрость и боеспособность, оборонять от выстрелов командиров, а позднее, в ходе дальнейшего боя, не стрелять, делать вид, что оружие заело, использовать момент и застрелить командира;

б) испортить оружие перед боем;

в) в тяжелых случаях, чтобы не погибнуть от рук НКВД, во время боя подать условный знак для большевиков, что это “свой человек”. Начальник НКВД дает ему конкретный приказ: убить командира Я. Проинформованный [так!] агент С. ведет подготовку к атентату [так!] на командира Я., вербует для этого еще несколько агентов, ведет разведку о местонахождении Я., отыскивает агента Р. - пулеметчика, которого когда-то заметил в отделе командира Я. Перед намеченным убийством дает ему задание - вывести в этот день большой отдел НКВД, переодетый в разную одежду для маскировки, как-будто они повстанцы, делает целый ряд приготовлений, и в назначенный день, утром, этот замаскированный отдел НКВД продвигается к командиру Я., который был тогда в лесу с небольшой группой своего почета[2]. Начинается сильная стрельба. Первую атаку большевиков отбили, но они с большей силой начинают новую атаку и окружают небольшой отряд. Кроме этого, сообщают, что два пулемета “заели”. Отдел командира Я. отступает, так как есть убитые и раненые. Агент Р., который только вчера явился к командиру Я. и через отсутствие связи не мог добраться до

[2] Т.е. отряда.

назначенного ему отдела, отступает с командиром Я. последним. Отстав на небольшое расстояние от командира Я., подает незаметно для наступающих большевиков условленный знак, что он “свой”, и дает с пулемета две полные очереди по командиру Я., отчего последний погибает, а сам присоединяется к отступающему отряду. Все большевики останавливаются возле мертвого командира Я., погоня за отступающим отрядом приостановилась. Так погиб от руки подлого агента Р. один из лучших командиров, гроза для большевиков, герой многих боев. А сколко же лучших командиров УПА НКВД руками подлых иуд, изменников-агентов убило. Есть немало случаев, когда путем внимательности устранены в последний момент подобные враждебные попытки. Агент Р., присоединившись к отряду после своего мерзкого поступка, сильно взволнован... ибо он... очень жалеет за [так!] командиром Я.. Он дальше играет комедию, ибо действует согласно инструкциям НКВД: после убийства одного командира любыми средствами остаться дальше на своем месте, войти в состав почета другого командира и убить его. Но внимательное изучение дела смерти командира Я. раскрыло подлых убийц, которые понесли заслуженное наказание. Как опасен агент даже тогда, когда он уже задержан революционерами, свидетельствует такой случай: в лесу задержан повстанцами подозрительный человек, который выдавал себя за дезертира К.А. Его провели на стоянку отдела и начали проверять, он сначала выкручивался, врал, но в конце концов он признался, что является агентом, высланным для разведывательных целей в лес. Просит дать ему напиться воды. Так как по близости нет кружки, часовой подводит его к колодцу, который находился возле стоянки. Когда агент напился воды и вернулся, через несколько минут напились воды из этого колодца двое повстанцев и через некоторое время в страшных страданиях умерли. Только тогда вспомнил часовой, что когда агент напился воды, то незаметно всыпал в колодец какой-то порошок, на что он не обратил сначала большого внимания. Допрошенный агент признался, что всыпал в колодец яд. Каких типов-агентов высылает НКВД для исполнения атентатов [так!] и каких усилий докладывает [так!], чтобы дать возможность агенту-атентатчику [так!] пролезть к командирам и проводникам, показывает такой факт: с приходом большевиков в 1944 году с Александровского района пришли на службу к большевикам

старый знакомый, еще со времен польской оккупации, коммунист Петро С., вместе со своим родным братом и одним мадьяром, который удрал из мадьярской армии в период оккупации немцами Украины и скрывался среди населения. Узнав, что население немедленно уничтожило бы старого коммуниста Петра С., если бы его поймало, а Ивану С. простило бы, если бы он убил своего брата Петра, коммуниста, НКВД пытается использовать эту информацию для своих грязных целей. Начинает посещать Ивана, и обращаясь к нему, поручает ему, чтобы во время акций и облав он представлял из себя сочувствующего революционера, предостерегал население перед некоторыми облавами для получения доверия в народе, а потом предлагает ему, чтобы он убил своего брата Петра и занялся агентурной работой среди революционеров, а конкретное задание: убить известного революционера Д. Иван отказывается убить брата. Тогда НКВД поручает ему убить мадьяра. Иван соглашается и при специально подготовленном случае убивает мадьяра, а сам удирает с повстанцами, якобы опасаясь наказания НКВД. Повстанческая группа в которую удрал Иван, не представляя себе хитрости НКВД, доверяет ему. Он хорошо выполняет здесь все поручения, ловко переходит из одной группы повстанцев в другую, наконец ему удается попасть в отдел проводника Д. Здесь он ждет случая, чтобы убить его. Случай представляется. Отдел проводника Д. планирует налет на тюрьму в раенном [так!] городе, чтобы освободить арестованных и революционеров. Иван С. берет активное участие в освобождении заключенных из тюрьмы. Его расчет был такой: во время налета на тюрьму и общей стрельбы в темноте убить проводника Д., но Д. осторожен, он давно следит за каждым движением Ивана. Агентурная работа Ивана С. и все планы НКВД проваливаются в то время, когда казалось, что агент вот-вот выполнит свое подлое намерение. На следствии он обширно рассказал про всю эту подготовку НКВД, подлые намерения на убийство. Этот и другие подобные случаи показывают, что можно успешно бороться с наиболее хитрыми провокациями, придуманными НКВД, своевременно расскрывать агентов, их намерения и ликвидировать опасность. Нужно лишь больше рев. внимательности не только у командиров и проводников, а прежде всего рядовых стрельцов. Проводникам и командирам, часто загруженным рев. работой и устройством дел, не хватает

времени все как следует предусмотреть. Поэтому вся обязанность падает на стрельцов. Агенты-убийцы действуют, перед убийством идет подготовка. Это все вещи, которые делаются, а все, что делается, можно видеть, необходимо лишь уметь внимательно смотреть, агента раскрывает сама его работа. Суровым применением в жизни и в борьбе предосторожности, конспирации, рев. внимательности, мы откинем от себя грозную опасность - действия агентуры. Когда НКВД убедилось, что никакие акции вооруженного характера и физическая сила не сломит украинского рев. движения, стойкости проводников-революционеров, отданных полностью делу революции, тогда изменяет методы борьбы с нами. В начале большевицкой [так!] окупации [так!] /1944 г./ НКВД придавало внимание вооруженным акциям, проводимым своими обмундерованными [так!] "внутренними войсками" и считало их главным способом нашего разгрома и ликвидации, но через некоторое время перешло в основном на агентурную "тихую" работу. Вооруженные акции широкого масштаба, выполненные на определенной территории тысячными отделами, не рассчитаны на ликвидацию рев. движения на данном участке, а имеют целью демонстрировать перед народом вооруженную мощь СССР, чтобы служить конкретным доказательством для разложенческой работы, проводимой агентами. НКВД знает, что революционные организации и повстанческие отделы до тех пор не будут переборены, пока весь народ, не обращая внимания на всякий террор и преследования, солидарно с нами ведет борьбу против окупантов, помагает всем, чем нужно - продуктами, информацией, охотниками и т. д. Поэтому одна из главных целей, поставленных перед собой НКВД, - отколоть организованные рев. отделы от широких народных масс, поставить массу против рев. сил и этим самым лишить последней моральной и материальной базы, посеять вражду между угнетенными народами СССР. Для этого НКВД применяет свой излюбленный метод - провакационно-диверсионные отделы, которые под разным видом, переодетые в разнородную форму – так, как ходят повстанцы, - высылает среди населения, как повстанцев. Они, выдавая себя за повстанцев, ругают, бьют, грабят население, устраивают дебоши, стреляют, сжигают школы, ставят перед людьми большие требования: "...давайте сало, самогон, сволочи, мы воюем, кровь проливаем за Украину,

а ты такая-сякая самогону жалеешь...”, - слова одного диверсионного бойца к старой женщине. Один “командир” диверсионного отдела пришел вечером к хозяину П. и говороит: “Для моего повстанческого отряда ты должен к утру собрать орехов. Не сделаешь это - расстреляю”.

Агент О. кроме саботажа и организации убийств командиров проводит еще и такую диверсионно-провокационную работу. Чтобы скомпрометировать перед народом СВ, выдает себя за работника СВ и убивает одну старую женщину из с. Д., у которой два сына погибли героями в борьбе с НКВД, за то что она поссорилась с соседкой-шпионкой. Вопреки приказа организации - он ликвидировал целые семьи у которых кто-нибудь был шпионом, влиял для других.

Со своей агентурной “кампанией” ходил по селу, представляясь как член организации или работник СВ, по домам, требовал водки, грозил населению, что постреляют, подушат, подпалили сарай, делали все, что вызывало деморализацию и подрывало авторитет организации.

В таких условиях, где враг применяет провакации, самое малое ослабление рев. внимательности может нанести большие потери нашей рев. борьбе. Поэтому предусмотрительность, настороженность и внимательность каждого революционера имеет решающее значение.

Известен такой случай, когда агентурно-диверсионная группа, представляя повстанцев, из-за отсутствия внимательности и легкомысленного отношения к революционным предосторожностям влезла на связь, прошла через три пункта, пытаясь узнать как можно больше работников связи. Только на 4-м пункте было замечено их подозрительное поведение и начали проверять, кто они. Диверсанты, увидев, что они раскрыты - отступили, открыто арестовавши нескольких связных, при этом 3-х убили на месте.

Агентурно-диверсионные отделы иногда бывают очень большими, так в одном случае - целый курень переодетых НКВДистов, которые выдавали себя за повстанческий курень из дальних районов и здесь хотят связаться с вышепоставленными командирами: когда провокация не удается, тогда они грабят население, наделав скандала - исчезают.

Такие продажно-провакационные выступления агентурных групп, под видом повстанцев, кроме разведывательных

грабительских убийств известных революционеров и разных попыток, имеют еще другую цель: вызывать недоверие одних к другим, отдела к другому отделу - в частности, если в другом отделе нет знакомых, народа к повстанцам и революционерам. На территории, где оперировали такие провакационные группы, среди населения встречаешь их разложенческую работу: недоверие, боязнь и страх. А этого и добивается НКВД: внести хаос, замутить воду. Иногда, чтобы морально сломить население, НКВД поручает своей провокационной группе распространить слух, что командиром этой группы является известный в этом районе командир повстанцев, который как будто уже перешел к большевикам и служит в НКВД. Это тогда, когда народ раскрывает такую группу. Находятся даже “свидетели” /замаскированные шпионы/, которые утверждают “что собственными глазами видели”, как например, в одном случае с “черноморцами”. Некоторые агенты и шпионы, действующие поодиночке производят провокации таким способом: представляют, что они скрываются, копают себе краивки, прячутся в них. НКВД время от времени приходит к ним, очень “ищет” и никак не может найти. Такие агенты пытаются усыпить неопытных революционеров и честных граждан, которые скрываются от НКВД, притупить внимательность и осторожность. Они пренебрегают конспирацией, высмеивают ее, а тех, которые применяют ее, называют трусами, перепуганными и т.п. Они пытаются втянуть подпольщиков в рискованные места, чтобы там их выловило НКВД, мол, “зачем будем вечно прятаться в дырах, НКВД дурное, нас не поймает”.

В селе Д., где были большие каменоломни и в них скрывалась некоторая часть подпольщиков, влезли такие агенты, чтоб “скрываться”, а в действительности, чтобы выдать честных в руки НКВД. Для “более приятного” тяжелого и долгого пребывания по их старанию в этих подземельях появляется патефон, заходят женщины и девушки и приносят кушать - одним словом, это не краивка, а ресторан, начинается веселая жизнь, НКВД гуляет по делу, не одну краивку раскрыли, а под “скалу” /так назывались эти каменоломни/ время от времени зайдут, поищут, но ничего не находят. Провакаторы [так!] расхваливают скалу, что ее никогда НКВД не раскроет. Нашлось много легко-поверивших [так!], короче, дали себя обмануть.

Когда в таких скалах собралось большое количество /больше 100/, в один прекрасный день НКВД делает облаву на “скалу”, раскрывает их, часть людей гибнет от вражеских ударов или самоубийств, чтобы не сдаться живыми, бросают в подземелье удушающие и газовые бомбы, от которых находящиеся там теряют сознание. Лишь небольшому количеству удалось вырваться каким-то специальным выходом. Как оказалось потом, те которые удрали, были агентами-провокаторами, которые разными приятными путями завлекли честных подпольщиков в эти “скалы” и сдали их в руки НКВД.

Подобными хитростями обманывают агенты-провокаторы неопытных и неосторожных подпольщиков: сначала, неизвестно как, создаются стоянки “корза” /как назывались в одном случае/ с революционными названиями разных тропок и дорог. Здесь целый базар и театр, хорошее питание, девушки, песни и шутки, Только когда соберется большое количество дурачков - неожиданно наступает акция и не один через отсутствие внимательности и осторожности платит жизнью или долгосрочной каторгой.

В вооруженных повстанческих отделах такие агенты-провокаторы, которых с этой целью посылает НКВД, а благодаря невнимательности и несоответствующей проверке повстанцами таких типов они имеют возможность пролезть среди стрельцов, востанавливая их против командиров, говоря, что “нам дают плохое питание”, подговаривают к дизертирству [так!], как это было в одном отделе, который выходил в рейд, говорили “командиры нас ведут на смерть”. Во время боя отдела с врагом, этот же самый одиночка в разгаре боя закричал: “друзья, большевики нас окружают с тыла”, и начал удирать. Спас положение командир: “Ложь! ни шага назад, это паникер”, - и приказал арестовать его. Действительно, не было никакого окружения, повстанцы с новым энтузиазмом пошли в бой и разгромили врага. По окончании боя этого одиночку взяли на допрос и тут он признался, что является агентом и выполнял инструкции НКВД.

В другом отделе произошел такой случай: во время акции на лес, когда наша разведка донесла, что большевики проходят недалеко от места стоянки, вдруг стрельба. Все засуетились, но выяснилось, что стрелял стрелок из отдела, который недавно туда поступил,- как он сам говорил, по неосторожности. Не было

времени разбираться с этим случаем, так как враг уже наступал на открытое выстрелам место стоянки отдела. Когда после боя основательно проверили этого одиночку, выяснилось, что это был агент НКВД, такие случаи бывают часто. Именно тогда, когда есть приказ и необходимо придерживаться тишины, кто-нибудь сильно застучит чем-то или выстрелит. Повстанцы сначала думали, что это случай, однако после убедились, что большенство таких "случаев" - это работа агентов. И чем больше сознательности повстанческих отделов, тем меньше таких "случаев". Почему? Ибо агент боится такой "грубой работы" - разоблачить себя.

Когда агент разоблачен, каким-то способом узнал это и успевает удрать в рай. НКВД, то и этот случай НКВД использует таким способом: в большевистских газетах этот агент помещает "открытый лист" или "обращение" к повстанцам, что он убедился в своей враждебной работе в "бандах УПА", добровольно явился к органам советской власти и они ему простили все его "злодеяния".

Такие-то штучки выделывает НКВД, чтобы посеять вражду между угнетенными народами УРСР, не допустить, чтобы они обьединялись в общей борьбе против сталинских империалистов - НКВД применяет разные провокации при помощи агентурно-диверсионных групп. Как например: одна такая агентурная группа прибыла в Чешскую колонию С. Ровенской области и представлялась отделом УПА, ужасно грабила чехов, пянствовали, ругались, называли всех агентами НКВД, некоторых побили и пригрозили, что подушат. Известно, что чехи, проживающие на Украине, хорошо относятся к освободительно-революционному движению, сочувствуют и помогают ему. Это собственно и явилось солью на глазах большевиков.

Или другая агентурно-диверсионная группа, которая рекламировала себя как отдел УПА - "Мечта", замучила зверским способом несколько польских семей Тернопольской области и распространяла слухи, якобы имеет такой приказ от командиров УПА - с целью обострить отношения между украинцами и поляками, которые начали сотрудничать в борьбе с большевиками. Когда эту группу начали разыскивать отделы УПА, чтобы ее ликвидировать, она исчезла.

Чтобы успешно бороться с враждебными провокациями и диверсиями необходимо: чтобы весь народ знал нашу программу, решения, политическую линию, а революционеры, кроме того, - все приказы организации, инструкции, нашу тактику - с одной стороны, а с другой, чтобы имели открытые глаза на все, высокую внимательность, были насторожены и приготовлены на такого рода провокации. Тогда вся провакационно-диверсионная [так!] работа на фоне наших политических постановлений от них так отличается, что ее не тяжело расшифровать, раскрыть, а раскрыв, провести разьяснительную работу и вооруженными силами связать руки НКВД-истским провокаторам и диверсантам. Поэтому каждому стрелку и проводнику необходимо смотреть проницательно, не поддаваться на враждебные провокации, заостренной неоднократной внимательностью с места ее ликвидировать.

ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1с. Д. 643. Л. 181-199.

Документ 4
Формирование советской спецгруппы “БЫСТРОГО” (1945 г.)

> “Секретные информаторы — наиболее многочисленные и опасные из доносчиков. Эти ‘москиты’ заражают здоровое тело нашей организации. От этой формы агентуры мы понесли наши самые большие потери… Если считать, что в каждой деревне имеется не меньше пяти таких информаторов, их значение станет ясным”.
>
> *—Микола Арсеньевич Березовский,*
> *“Михайло”, Шеф ОУН/СБ*[1]

Сов.секретно

НАЧАЛЬНИКУ ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ НКВД СССР
ПО БОРЬБЕ С БАНДИТИЗМОМ

генерал-лейтенанту
тов.ЛЕОНТЬЕВУ

Представляю докладную записку начальника отделения ОББ УНКВД по Тернопольской области майора т. СОКОЛОВА об организации, формировании и методах работы спец-группы, созданной из б. бандитов.

За врамя работы в УНКВД тов. СОКОЛОВ проявил исключительные образцы мужества, отваги и геройства. Весьма трудно учесть все операции, проведенные т. СОКОЛОВЫМ. Однако, до сих пор он награжден только одним орденом.

Я сам лично, да и т. САРАЕВ также разделяет мое мнение, убежден в необходимости отметить работу т. СОКОЛОВА.

Ходатайствую перед Вами о возбуждении вопроса о присовоении тов. СОКОЛОВУ звания Героя Советского Союза за борьбу с украинско-немецкими националистами.

---

[1] Архив МВД СССР, Ф. 488 Управление внутренних войск МВД Украинского округа, Оп. 1, Д. 227, Л.76-95.

Секретарь обкома КП(б)У тов. КОМПАНЕЦ это предложение также поддержит.

НАЧАЛЬНИК 1 ОТДЕЛА ГУББ НКВД СССР
генерал-майор
/А. ГОРШКОВ/

28 января 1946 года.

ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 487. Л. 211.

Совершенно секретно

ГЕНРАЛ-МАЙОРУ товарищу ГОРШКОВУ

организация спецгрупп ОББ УНКВД — РО происходила таким образом:

В марте месяце 1945 года по Козовскому, Бережанскому и Подгайскому районам проходила большая чекистско-войсковая операция, которая была направлена на Козовский район, где в селах Конюхи, Бышки, Выбудов и Пенков, по нашим данным в этих селах, должен был проходить межкраевой съезд "ОУН" — операцией рассчитывалось захватить руководителей ОУН, прибывших на съезд.

Под моим оперативным руководством на первый этап операции были два батальона в НКВД—это 221-222 б-ны, которые охватывали села Конюхи и Выбудов —контролируя Ценюв и мелкие хутора.

На второй этап операции моими участками были села Глинная-Плавучая Великая и Плавучая Малая, и опять такие мелькие хутора, окружающие эти села.

Когда операция была в самом разгаре, приехал ко мне на участки полковник т. САРАЕВ и дал поручение из задержанных бандитов организовать вооруженную группу, которая впоследствии будет работать под моим руководством под видом банды по районам Тарнопольской области – численность этой группы должна быть до 60-70 человек, командиром этой группы т. САРАЕВ назначил б. нашего агента "Быстрого", который ранее был комендантом боевки "СБ" окружного провода "СБ" ГЛИНСКОГО Николая – он работал у нас, был проверен, активно участвовал на операциях и был несколько раз ранен –

его т. САРАЕВ привез и оставил в Козовском РО НКВД с поручением подбирать из задержанных людей в группу.

В селе Конюхи я только успел подобрать пять человек: это ЛЮЛИК Петр—кл. “Гонта”, комендант жандармерии куреня “Романа” МЕЛИШ Йосиф, кл. “Мечь”, боевик боевки “СБ”, оба дымом выкурены были из краевки, ВИТКОВСКИЙ Роман — кл. “Вася”, боевик сотни “горлорезов”, ЮЗОРЗЬ Герогий, кл. “Кох”, доктор куреня “Романа”, он добровольно явился, также с ним добровольно явился русский ВОРОБЬЕВ Николай — кл. “Воевода”, он был назначен бандитами в местную боевку, убежал от них и сам отдельно скрывался от бандитов и от нас. Вот эти-то люди и были основой спецгруппы — их сразу же освободили и они с войсками пошли задерживать свои связи, вскрывать известные им краевки.

Например, доктор “Кох” показал лазарет, где он лечил раненых бандитов — была изъята большая аптека, две повозки медикаментов и задержан его санитар АНДРЮСЕНКО Михаил — кл. “Буревий”, который тоже был зачислен в спецгруппу.

ЛЮЛИК Петр—поймал господарчего села Конюхи кл. “Крич”, показал ряд краевок, из которых повынимали до 30 человек бандитов. —МЕЛИШЬ — кл. “Мечь” — показал склад, из которого изъяли два ст. пулемета “Максим”, два немецких “МГ”, — 7000 патрон, 6 винтовок, 9 запасных стволов к пулеметам “МГ”, много ракет, гранат. В общем, каждый из них активно показывал то, что знает и что являлось как бы залогом того, что он порывает свою связь с бандитами и переходит к нам.

В процессе этой же операции в селе Глинна был задержан бандит “Муха” Дыдик Дмитрий, он в числе группы в 4 человека прорывался через наше оцепление, двое из них были убиты, один тяжело ранен, “Муха” расстрелял все патроны по нашим бойцам, двоих бойцов ранил —”Муха” хотел подорваться на гранате, но граната не взорвалась и его захватили живым. Когда его привели ко мне, то он лег на землю и сказал “бейте, убиваете меня, я все равно Вам ничего не скажу”. Он был болен чесоткой и был ранен в какой-то перестрелке с нашими войсками и рана еще не зажила.

Я ему сказал, что никто бить его не будет, а что он знает, так мы больше его сами знаем. Я дал ему возможность поговорить с ЛЮЛИКОМ Петром и другими, которые уже работали в открытую с бойцами, разыскивая в селах схроны,

магазины, бандитов — ЛЕЛЮКУ я сказал, чтобы он завербовал “Муху” в группу.

Вечером “Муха” попросился сходить домой повидать родственников и кое что узнать. — Село было окружено плотным кольцом, уйти ему было некуда, поэтому я его и опустил — он под утро вернулся и мне рассказал, что вся боевка села Глинна — 34 человека сидит в селе, попрятившись в схроны, и он знает, где кто скрывается и может их вытащить. Я ему дал автомат и взвод солдат и “Муха” повел солдат ловить бандитов, к вечеру “Муха” со взводом задержал 33 бандита, у которых изъяли 39 единиц оружия, из которых два ручных пулемета, остальные винтовки, автоматы-пистолеты — из всей боевки села Глинной был не задержан один человек, который под день операции куда-то ушел. Вот из этих-то задержаных началась организация спецгруппы, “Муха” мне рекомендовал кого брать в группу и он мне советовал в группе иметь “Мельниковцев”, которые никогда не сговорятся с “Бендеровцами”, и все, что будут делать в группе “Бендеровцы”, мне станет известным от “Мельниковцев” и наоборот, что будут делать “Мельниковцы”, про них донесут “Бендеровцы”, используя этот совет я в группу взял двух “Мельниковцев” - Марка — кл. “Око”, быв. повитовой пропагандист “Мельниковцев”, и РАДЬ Семена, кл. “Степовый”, боец боевки “Мельниковцев”.

И действительно эти двое “Мельниковцев” сыграли большую роль, удержать группу от распада, они оба агитировали людей не разбегаться и честно служить Советской власти, а мне сообщали все, то говорят между собой б. бандиты.

Когда была закончена операция, то из задержанных было подобрано 19 человек вместе с их командиром ГЛИНСКИМ Николаем — которому дали звание сотника, группа была разделена на три роя — т.е. отделения — одним роем командовал “Муха”, вторым роем МИКИТЮК Стефан — кл. “Железняк” — и 3-м роем ЛЮЛЮК Петр — “Гонта”, оружие у всех было свое, мы только получили немного боеприпасов.

Первое время я не решался итти с группой на боевые операции, от агентуры поступали сведения, что почти все собираются бежать — я использовал группу таким образом: каждому члену группы я предложил написать письма знакомым им бандитам, чтобы те добровольно являлись к нам. Целую

неделю они писали письма к своим знакомым, которые передавались через родных и добровольно явилось 74 человека, большинство из них являлось с оружием. Среди этих 74 человек явился станичный 1-й станицы села Конюхи — ГОРОДЕЦКИЙ Петр, кл. "Дуб", он принес СВ,—пистолет, 6 гранат и указал 9 краевок с хлебом, боеприпасами и оружием, краевки были нами же разрушены, мы взяли 14 тонн хлеба, 1000 патронов, два пулемета и 7 винтовок, 17 комплектов немецкого обмундирования, которое отдано было группе. Также ГОРОДЕЦКИЙ показал краевку в стене на Выбудовском хуторе, где скрывались 6 человек из повитовой боевки "СБ", старший этой группы был бандит "Грай". Чтобы проверить группу в бою, я решил группой провести операцию по ликвидации группы "Арапа". Мы на заре неожиданно окружили хату, где был схрон, четверо бандитов были в хате, двое в схроне, которые были в хате стали отстреливаться из пулемета и автоматов.

Мы их всех перебили, схрон забросали гранатами, где тоже убили двоих — хату сожгли, из спецгруппы был тяжело ранен боец КУЛЬЧИЦКИЙ Ростислав, кличка "Волк" — который после остался калекой, у него одна нога стала короче и кривая — т. САРАЕВ его после того, как он выздоровел, направил на работу паспортистом в Тарнополь, где он и работает до сего времени.

После этой операции весть о том, что бывшие бандиты активно бьют бывших своих товарищей, разлетелась по всему Козовскому району — "СБ" начало преследовать семьи бойцов спецгруппы, было необходимо вывести спецгруппу из Козовского района, так как боевики, боясь за свои семьи, приуныли и сведений от агентуры о намерении бежать поступали все более и более.

Об этом я поставил в известность т. САРАЕВА, который мне приказал группу вывести в Подгаецкий район и работать как войсковыми разведчиками при 187 ОСБ ВНКВД —который в этом районе проводил операции.

В Подгайский район группа пошла в числе 23-х человек. 12 человек из добровольно явившихся в группу были завербованы /список их имеется в Козовском РО НКВД/ и с нашими заданиями отпущены в села — /в числе этих отпущенных был агент "Годив", которго я себе взял на личную связь/.

В Подгайском районе я увязался [так!] комбатом 187 капитаном МАКАРОВЫМ, который мне дал взвод автоматчиков, с которым мы и пошли в село Сюлко достать сведений для операций батальоном.

В село Сюлко мы как банда пришли ночью — и зашли прямо к предсельсовета, у которого спросили обстановку в селе, он нам сказал, что в селе спокойно, войск нет, приехал надрайонный проводник "Руслан" со своим почетом[2], где он находится в селе, он не знает, и пришла группа "СБ", комендант повитого провода "СБ"—"Звирь", тоже находится в селе и сейчас один из группы "Звиря" проводит беседу с десятниками села в с/совете. Мы оставили предсельсовета, отправились в здание с/совета, где действительно один бандит вместе с станичным этого села, кличка станичного "Крот", проводили беседу с 5-ю десятниками — МИКИТЮК и ГОРОДЕЦКИЙ вошли в с/совет к "Кроту" и пропагандисту "СБ" "Береза" сказали, что они из полевой жандармерии куреня "Резуна", разыскивают своих дезертиров, и их арестовали для выяснения личности. "Береза" начал на нас кричать, что мы срываем ему работу, повел нас к "Зверю", который как он говорил сидит в схроне вместе с "Русланом", мы подошли к схорну и он вызвал "Звиря". Сам "Звирь" и "Руслан" сразу один за другим вышли из схрона, МИКИТЮК им пояснил, что он из полевой жандармерии и желает знать, нет ли среди его почета дезертиров из их куреня. Тут же недалеко от этого схрона был второй схрон, где сидел почет "Руслана" 6 человек.

Когда "Руслан" сказал, чтобы его почет по одному выходили из схрона, то я приказал связать станичного "Крота", "Березу", "Руслана" и "Звиря", а также вязать выходящих по одному бандитов. Уже рассветало, когда этих четырех схватили, то "Руслан", "Береза" и "Крот" вырвались, бросились бежать, их моментально убили, "Звиря" связали —. Бандиты, которые в схроне выстрелов не слышали, все они 6 человек из схрона по одному вылезли и были перевязаны. Тогда мы взяли 4 автомата, 3 пистолета, 1 руч. пулемет, 2 СВГ и 4 винтовки. Один из задержанных шести бандитов, кличка я его не помню, нам показал схрон, где сидел почет "Звиря", 5 человек, которые из

[2] Отрядом.

схрона выйти отказались, мы их подушили дымом, и также он показал схрон в лесу, из которого вытащили всю обстановку рентгеновского кабинета, которую вывезли на шести повозках — “Звирь” ничего говорить не хотел, но эти шесть бандитов дали ценные сведения. По их данным 10 дней работали 2 батальона, в результате операции было убито 59 человек бандитов и человек 70, а может и больше, взято живыми. Сколько было изъято оружия, я сейчас не помню, помню, что пулеметов помимо того, что мы взяли 6 штук, один станковый “Максима”.

Наблюдая за спецгруппой, я видел, что пешая группа очень неподвижна и может делать небольшие рейды — поэтому я посоветовался с командирами группы и решил достать лошадей и повозки, делать конную группу было нецелесообразно, не все умели ездить верхом, да и седел трудно было достать. Когда батальоны занимались операцией, то мы пошли без прикрытия в село Яблунов, Станиславской области, ночью мы вошли в село и спросили у председсельсовета, есть ли у него в селе лошади и повозки, оставленные каким-либо куренем. Тот нам ответил, что у него в селе есть 15 лошадей и 8 повозок, оставленных куренем “Сталь”, он же “Резун”. Этих лошадей и повозки мы забрали, председсельсовету выдали расписку, что лошади и повозки забраны куренем “Быстрого” и станичного села /клички его не помню/, он стал с нами ругаться за лошадей, говоря, что он на нас пожалуется “Резуну”, что мы забрали его лошадей, мы забрали с собой, убили его и бросили в колодец. /После я читал записку “Быстрого”, в которой он оправдывался перед “Резуном”, что он никаких лошадей в селе Яблунов не брал/.

В этой же операции мне сообщил Нач. Коропецкого РО НКВД о том, что председсельсовета села Комарувка имеет тесную связь с местной боевкой “Трегуба” и ничего о появлении боевки “Трегубы” в селе не сообщает.

Взяв на прикрытие роту автоматчиков, я сделал рейд в это село. – Спецгруппой ночью мы вошли в село под видом банды, арестовали председсельсовета, как СБ, обвинив его в том, что он выдал весь контингент Советской власти, он нас уверял, что он ненавидит Советскую власть и всегда помогает бандитам, назвал клички бандитов, с котоыми он поддерживает связь. Мы делали вид, что его хотим повесить, но потом простили, дали ему 30 палок и ушли, а утром группа была в другом селе, я с ротой вошел в село и председсельсовета сам ко мне прибежал с жалобою

на бадитов, он был страшно зол на бандитов и дал данные о месте нахождении банды “Трегуб”, по его данным мы провели ротой операцию, боевка “Трегуба” была ликвидирована, 17 человек бандитов были убиты, “Трегуб” раненый утонул в р. Коропеце — у бандитов взяли 3 мадьярских ручных пулемета, около 20000 патронов и 11 бандитов взяли в плен—сколько было взято оружия, помимо пулеметов, не помню.

Я описал довольно крупные операции, которые проводились по данным спецгруппы, но помимо этого, группа поснимала много связных станичных в Подгаиском, Монастырском районе.

Через некоторое время был получен приказ т. САРАЕВА группу привезти в Чертков и передать ее ст. оперполномоч. т. ОВЧАРЕНКО, а самому работать с войсками, когда боевки узнали, что они идут в Чертков, то среди них пошли разговоры, что их в Черткове разоружат и отправят в лагерь.

По дороге от Подгаец до Черткова 6 человек из группы бежали, 4 с оружием /впоследствии из них 3-х мы убили, двоих поймали, один еще скрывается/.

В Черткове группу докомплектовали, в нее придали еще семь человек, в числе которых были б. комендант жандармерии куреня “Быстрого” ПОТАШНИК Григорий, кл. “Киндрат”, заместитель сотника “Чара”, “Сум” и вот с этой группой ОВЧАРЕНКО пошел в Мельниковский район.

В это время по переписке, в разное время захватываемой у бандитов, нам стало известно, что работа спецгрупп под видом банд бандитам известна. Эта расконспирация получилась потому, что почти все райотделы, преимущественно Ровенской области, организовали спецгруппы, которыми пытались действовать под видом банд. От убегающих обратно в банды боевиков спецгрупп бандиты УПА быстро узнали эту методику, ввели пароли по станичным, который передает пароль села всем организованным людям в селе, и как толко спецгруппа входит в село, не имея такого пароля, так ее сразу же обстреливают, и наша группа, работающая в Мельниковском районе, имела несколько перестрелок с бандитами в то время, когда она входила в села под видом банды. Тов. САРАЕВ дал мне указание снова принять группу и перестроить ее работу, в соотвествии перемены тактики бандитов — он посоветовал взять тактику “СБ”, т.е. перестроить работу группы под видом “СБ”.

Когда я снова стал принимать группу, то увидал, что группа сильно разложилась, боевики стали воровать, ворованное продавать и пропивать, и спецгруппа стала иметь вид уголовной банды. Но все же это разложение имело и положительные стороны — на кражах и пьянках люди спаялись и желания бежать уже не было.

Я посоветовался с командирами спецгруппы, что не лучше ли будет нам изменить работу — не ходить по селам под видом банд, ищя бандитов, а воровать из сел людей, стоящих на учете РО НКВД, как имеющих связь с бандитами, и их допрашивать под видом "СБ", обвиняя в сиксотстве [так!] — командиры это одобрили и сказали, что так работа пойдет и такая методика хороша еще тем, что бандиты никак не смогут уловить наших действий, им, чтобы отрафировать [так!] нашу работу по этому направлению — надо будет вовсе отказаться от "СБ".

Решили этот метод работы попробовать. Через начальника Мельниковского РО НКВД мы вызвали председсельсовета села Ольховцы, по дороге из райцентра мы его захватили, завязали глаза /а "СБ" только так и делает/, увезли его в Мельницу и там допросили как сиксота [так!] на чердаке, он нам рассказал, что в селе существует вооруженная группа юнаков, перечислил ее весь состав, вооружение, кроме этого он указал людей членов ОУН, которые за него могут поручиться, что он никакх связей с НКВД не имел и не имеет. Рассказал, что знает схрон где скрывается подрайонный проводник "СБ" "Явир". С этим же председателем мы отправились в село Ольховец, забрали "Явира", которому сказали, что мы из областного провода "СБ" и арестовываем его за бездеятельность. Председсельсовета мы отпустили, а "Явира" увели собой с завязанными глазами и допрашивали на чердаке. Он всячески перед нами оправдывался, доказывал, что он много работал, рассказывал, в каких убийствах он участвовал, в каких схронах сидят люди, которые за него поручатся. Все, что он нам рассказал, было записано, а потом мы сделали видимость "облавы" и "Явира" вместе с боевиком "Сокол", у которого были все записи допроса "Явира", захватили "бойца" 228 батальона, который в этих местах проводил операцию.

"Явир" страшно был зол на "СБ", он все, что говорил на допросе "СБ", все подтвердил на допросе в войсках, по его данным немедленно провели операцию в селе Ольховец. В результате которой полностью была задержана боевка юнаков

вместе с их командиром, у них было изъято 1-й РП и 19 винтовок, 2 автомата, помимо этого было убито 9 человек бандитов куща "Матроса", которые в момент операции пришли в село Ольховец за продуктами.

В момент операции спецгруппой я хотел взять в с. Иване-Пусте подрайонную проводницу, но там столкнулись с бандитами куреня "Быстрого", с которыми вступили в перестрелку, из них мы убили 6 человек, в том числе отца жены "Явира", БАТЬКО, "Махно". Жена "Явира" разведчица СБ "Тамара" была нами захвачена, но она кончила жизнь самоубийством – бросилась в колодец.

Из этой операции я видел, что новая методика в работе спецгруппы, а именно действовать под видом "СБ", дает положительные результаты, я начал перестраивать группу, зачинщика в грабежах ПЛОТСКОГО арестовали, в группе провели работу, что он арестован именно за грабежи — группу разделил на три отделения — одно отделение как-бы группа захвата, два отделения прикрывают работу отделения захвата. Избрал двух следователей, которые вместе с моим связным и кучером являлись в боевой обстановке моим резервом — ст. группы ГЛИНСКОГО Николая по согласованности с т. САРАЕВЫМ я сменил, он не мог как полагается держать дисциплину в группе, сам выпивал, что способствовало разложению в группе. Вместо его был назначен ПОТАШНИК Григорий—кл. "Киндрат".

Отделением захвата комнадовал "Муха", ДЫДИК Дмитрий, но он вскоре после перестройки группы на войсковой разведке был смертельно ранен в ногу и живот, от этих ран он умер в Козовской больнице.

На его место я назначил ГОРОДЕЦКОГО Петра, кличка "Дуб".

Вскоре после этой перестройки группа провела интересную работу в Бережанском районе, а именно:

Было поручение т. САРАЕВА мне с группой выехать в Бережанский район и там искать руководящие центры ОУН, так как по агентурным данным и официальным материалам руководство как бандами УПА и подпольем ОУН исходило из Бережанского района.

В это время Бережанским РО была задержана связная — "Наталька", которая на допросе показала, что она связная

областного проводника ОУН “Нестера”, она пыталась убежать из КПЗ — прострелила из пистолета милиционера, ее охраняющего, и, как видно из информации, фигура была интересная.

Я вместе с подполковником т. МАТВЕЕВЫМ — выехали в Бережани ее посмотреть. Когда мы приехали в Бережани, то ее допрашивали сотрудники ОББ НКВД УССР подполковник КАГАНОВИЧ. Она так ставила свои показания, что по ним никаких оперативных мероприятий провести было нельзя. Ясно было, что она все равно врала, скрывая что-то крупное.

Я свое мнение сказал т. МАТВЕЕВУ, который со мною согласился, и мы решили ее взять в Чертков. На допросе в Черткове она тоже существенного ничего не показала, т. САРАЕВ мне приказал ее забрать в спецгруппу и взять с собой в Бережани, найти возможности заставить ее признаться и реализовать данные, которые она нам дает при допросе.

Я решил с ней сделать так, по прибытии в Бережани сделать видимость ее вербовки, дать ей задание убить “Нестера”, я был уверен, что она будет бежать, и в то время когда она будет бежать от нас, задержать ее под видом “СБ” и допрашивать как сиксотку [так!] —другого с ней сделать было нельзя.

По дороге в Бережани мы ее везли так, что она не видала всей группы, обращение с ней было хорошее, в Бережанах я оформил ее вербовку, дал задание убить “Нестера”, дал ей пистолет с отломанным бойком и отправил выполнять задание.

Она указывала, что она встречалась с боевиками “Нестера” в селе Бышках в одной хате, откуда боевики вели ее к “Нестеру” в лес, по договоренности с ком. 229 ОСБ село было окружено ротой.

ГОРОДЕЦКИЙ со своим отделением ждал ее в селе, ПОТАШНИК подвез ее к Бышкам и пустил в село. Как я предполагал , так оно и получилось —”Наталка” побыла в хате несколько минут, вышла через заднюю дверь, спряталась в кукурузе, что все видел ГОРОДЕЦКИЙ, который, дав ей посидеть в кукурузе некоторое время, как бы случайно ее задержал, обнаружил у нея пистолет и сразу же ее объявил сиксоткой [так!].

Та ему сказала, что она курьер центрального проводника ОУН — и ей необходимо как можно скорее с ним увидеться, так как она была арестована НКВД, просрочила два срока явки и у

нее остался один срок и если она его просрочит, то ей будет очень трудно связаться с своим проводником.

ГОРОДЕЦКИЙ ей говорил, что она все врет, он ей завязал глаза, привез ее в Бережани, где в сарае ее уже допросили как “СБ”, она рассказала, что она знает схрон в селе Августовка, в котором сидят охранники центрального проводника “Белого”, с ними она встречается и потом они ее ведут к “Белому”, как раз через день подходил последний срок ее явки, в этот схрон. ЛЮЛЮК, который допрашивал ее, показания записал, сказал, что поведет к проводнику, а привел ее ко мне. Она и мне подтвердила, что рассказывала ЛЮЛИКУ. Мы сразу же с ротой бойцов выехали на операцию в село Августовку, где в доме КОГУТА Петра — эта квартира содержателя схрона, центрального проводника - “Наталка” нам указала хорошо замаскированный схрон, в которм сидели два боевика “Белого”, “Рыбак” и “Чад”.

Мы разрыли схрон “Чада”, удалось вытащить живым, “Рыбак” застрелился. В схроне мы обнаружили библиотеку, пишущую машинку, 7 м. единиц оружия и много разных вещей, принадлежащих “Белому” и его охране.

“Чад” нам рассказал, что около Бережан, недалеко от села Рай в схроне в двойной крыше должен быть “Белый”, мы немедленно выехали на машине комбата, но в этом схроне “Белого” не было, там был его адъютант “Артем” и окружная проводница ЛЕГЕТА — “АРТЕМ” застрелил ЛЕГЕТУ, поджег хату, хотел бежать, но я его подстрелил в ногу из винотвки и он был взят живым.

ЛЕГЕТА сгорела, в хате погорело много документов и большая сумма денег.

“Артем” ничего существенного на допросе не дал. По данным “Чада”, которого я оставил в спецгруппе, мы вскрыли еще три схрона центрального провода ОУН — людей в них не задержали, но нашли станковый пулемет “Максима”, много литературы, переписки.

Причем два схрона на территории Станиславской и Львовской области.

Будучи у нас в спецгруппе, “Чад” мне рассказал, что в лесу недалеко от села Лесники, Бережанский район, он знает табор, где в определенное время /по средам/ собираются большие командиры УПА.

Приурочив условное время, мы провели операцию ротой 229 ОСБ и спецгруппой, в результате которой были убиты командующий южной группой УПА “ГОРДИЕНКО” и командующий северной группой УПА “ДОВБНЯ”, задержан старший их охраны “Чабан”, бывший комендант жандармерии куреня “Быстрого”.

ЧАБАН также был оставлен в спецгруппе, он дал ценные данные по которым целый месяц проводились операции НКВД и спецгруппой.

После операции по данным “Чабана” я еще раз перестраивал группу, из группы исключил двух боевиков, проявляющих трусость.

Тов. САРАЕВ дал в группу б. окружного референта ОУН по финансам “Мирослава”, который в группе играет роль проводника “СБ”, он первый допрашивает задержанного “сиксота”, своим видом и чистым галицийским выговором он у задержанного рассеевает всякие подозрения, что его допрашивает не кто другой, а именно “СБ”, следователем назначен “Чад”, “Чабан” же охраняет задержанных и помогает “Чаду” в допросах.

Кроме роли проводника “СБ” “Мирослав” проводит читки наших газет с боевиками — настроение в группе в настоящее время хорошее, настроений по бега... или ухода обратно в банды нет.

В снабжении — продуктами питания, как людей, так и лошадей, дело обстоит так:

В каждоме селе, расположенном вдалеке от шоссейной дороги бандитами оставляется т.н. организационной скот, свиньи, коровы, взятые бандитами при погромах семей “сиксотов”, о существовании в селах такого скота знает каждый предсельсовета. Так мы заявляемся к такому предсельсовета, спрашиваем, есть ли организационный скот и какой, и он нам, как бандитам, дает сколько надо свиней, телят, за что ему даем расписку от имени какой-либо банды, действующей на этой территории. Также и с хлебом, бандиты отдают на мельницы молоть хлеб, собранный ими у населения – мельник знает про этот организационный хлеб и также нам его отпускает под расписку от имени какой либо действующей в этих районах банды.

Группа, действующая по районам Тернопольской области как контрольный виддил СБ, в своих действиях неуловима бандитами. Боевики группы, одетые в красноармейскую форму, останавливаются в селах близ райцентра, готовят схроны, где можно допрашивать, и ночами, переодевшись в смешанную форму, выезжают на операции для захвата заранее намеченных объектов.

Командиры отделений спецгруппы имеют свою агентуру, т.н. информаторов "СБ", такая агентура нами вербуется под видом СБ, как бы для наблюдения за поведением "виддилов" и кущей, а также за почетами[3] проводников, мы для информаторов делаем видимость, что мы наблюдаем за проводниками, чтобы они не связались с ненадежными людьми.

Таким образом, от такой агентуры мы узнаем, где, какие "виддилы" проходили, в каких селах останавливались, или остановились, а также узнаем, где и куда проходили почеты проводников и где квартируют.

Существенным недостаком опергруппы является, что нет у нее постоянной войсковой группы /зимой целесообразно — иметь конную группу, хотя человек 15-16/. Бывает много случаев, когда группа сталкивается во время своей работы с бандитами, вступает с ними в перестрелку, и получается, что за перестрелкой проваливают свою работу, а преследовать и уничтожать банду, случайно попавшую, группе не представляется возможным, так как группа все-таки для войсковых операций малочисленна, она в своем составе на сегодняшний день имеет 27 человек при вооружени пять ручных пулеметов, 22 автомата, остальные винтовки, у пулеметчиков и командиров отделений пистолеты и у всех бойцов в достаточном количестве гранаты.

Для передвижения группа имеет 5 парных повозок и двух связных верховых лошадей.

Майор /СОКОЛОВ/

3.1.1946
г. Чертков

ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1с. Д. 487. Л. 212-223.

[3] Отрядами.

Документ 5
О фактах грубого нарушения советской законности в деятельности т.н. спецгрупп МГБ

15 февраля 1949 г.
№ 4/001345 Совершенно секретно.
экз.№1

Секретарю Центрального Комитета КП(б)
тов. Н.С.Хрущеву

Докладная записка
о фактах грубого нарушения советской законности
в деятельности т.н. спецгрупп МГБ.

Министерством Госбезопасности Украинской ССР и его Управлениями в Западных областях Украины, в целях выявления вражеского, украинско-националистического подполья, широко применяются т.н.спецгруппы, действующие под видом бандитов "УПА".

Этот весьма острый метод оперативной работы, если бы он применялся умно, по-настоящему конспиративно и чекистски подготовленными людьми, несомненно, способствовал бы скорейшему выкорчевыванию остатков бандитского подполья.

Однако, как показывают факты, грубо-провокационная и неумная работа ряда спецгрупп и допускаемые их участниками произвол и насилия над местным населением, не только не облегчает борьбу с бандитизмом, но наоборот, усложняет ее, подрывает авторитет советской законности и бесспорно наносят вред делу социалистического строительства в Западных областях Украины.

Например:

1. В марте 1948 года спецгруппа, возглавляемая агентом МГБ "Крылатым", дважды посещала дом жителя с. Грицки, Дубовицкого р-на, Ровенской области - ПАЛАМАРЧУКА Гордея Сергеевича, 62 лет, и выдавая себя за бандитов УПА, жестоко истязала Паламарчука Г. С. и его дочерей: ПАЛАМАРЧУК А.Г.

и ПАЛАМАРЧУК З.Г., обвиняя их в том, что якобы они “выдавали органам МГБ украинских людей”.

“КРЫЛАТЫЙ” и участники его группы подвергли пыткам ПАЛАМАРЧУК А.Г. и ПАЛАМАРЧУК З.Г., подвешивали, вливали им в нос воду и, тяжко избивая, заставили дать показания, что они с органами МГБ связаны не были, а наоборот, были связаны с участниками украинского националистического подполья.

Участники спецбоевки предупредили членов семьи ПАЛАМАРЧУКА о том, что если они посмеют заявить органам Советской власти о посещении их дома бандитами, то над ними будет учинена расправа.

На основании полученных таким провокационным путем “материалов”, 18 июля 1948 года Дубровицким РО МГБ Паламарчук З.Г. и Паламарчук А.Г. были арестованы, причем, как заявили арестованые, сотрудники райотдела МГБ, во время допросов, их также избивали, заставляли продолжительное время стоять на ногах и требовали, чтобы они дали показания о связи с бандитами.

В результате вмешательства Военной Прокуратуры провокационный характер обвинения ПАЛАМАРЧУК З.Г. и ПАЛАМАРУК А.Г. был установлен и постановлением УМГБ от 24 сентября 1948 года дело по обвинению указанных лиц было прикращено.

2. В ночь на 22июля 1948 года спецгруппой МГБ из с. Подвысоцкое, Козинского района, Ровенской области был уведен в лес местный житель Котловский Федор Леонтьевич, которого участники спецгруппы подвергли пыткам, обвиняя его в том, что у него в доме часто останавливаются работники из числа совпартактива и в том, что, якобы, он выдавал органам советской власти бандитов.

Эти провокационные действия преследовали цель, путем истязаний и угрозы лишения жизни, заставить КОТЛОВСКОГО дать показания, что он является врагом советской власти.

В результате истязаний КОТЛОВСКИЙ находился на излечении в больнице с 27 июля по 27 августа 1948 года.

По заключению больницы КОТЛОВСКОМУ Ф.Л. были нанесены тяжелые телесные повреждения, с явлениями сотрясения мозга и омертвления мягких тканей тела.

3. В ночь на 22 июля 1948 года той же спецгруппой, был уведен в лес житель с. Ридкив, МИХАЛЬЧУК С.В. - инвалид Отечественной войны.

В лесу МИХАЛЬЧУК был подвергнут допросу, во время которого его связывали, подвешивали и тяжко избивали, добиваясь таким путем показаний о связи с бандитами.

Продержав МИХАЛЬЧУКА в течении 2-х суток в лесу, участники спецгруппы его отпустили, причем в результате избиений он в течении 7 дней находился на стационарном изличении в больнице.

4. В ночь на 23 июля 1948 года этой же спецгруппой из с. Подвысоцкое была уведена в лес гражданка РЕПНИЦКАЯ Нина Яковлевна, 1931 г.р. В лесу РЕПНИЦКАЯ была подвергнута пыткам.

Допрашивая Репницкую, участники спецгруппы тяжко ее избивали, подвешивали вверх ногами, вводили в половой орган палку, а затем поочередно ее изнасиловали.

В беспомощном состоянии Репницкая была брошена в лесу, где ее нашел муж и доставил в больницу, в которой Репницкая находилась продолжительное время на излечении.

Из приведенных выше примеров видно, что действия т.н. спецгрупп МГБ носят ярко выраженный бандитский, антисоветский характер и, разумеется, не могут быть оправданы никакими оперативными соображениями.

Не располагая достаточными материалами, т.н. спецгруппы МГБ действуют вслепую, в результате чего жертвой их произвола часто являются лица, не причастные к украинско-бандитскому националистическому подполью.

Наряду с этим следует указать, что этот метод работы органов МГБ хорошо известен ОУНовскому подполью, которое о нем предупреждало и предупреждает своих участников. В частности, об этом свидетельствует факт обнаружения у убитого бандита “Гонты” полного отчета о провокационных действиях спецгруппы МГБ в отношении гр-на Котловского.

Не являются так же секретом подобные “оперативные комбинации” и для тех лиц, над которыми участники спецгрупп чинили насилия, например:

В августе 1948 года Военной Прокуратурой было прикращено дело арестованных Львовским областным

Управлением МГБ СТОЦКОГО Степана Петровича и ДМИТРУК Екатерины Григорьевны.

Указанные лица в сентябре 1947 года были незаконно арестованы и поскольку никаких материалов об их антисоветской деятельности не было, они были пропущены через спецбоевку МГБ, где в результате применения незаконных методов допроса, вынуждены были оговорить себя.

Насколько жестокими были пытки, которым подвергались указанные выше граждане, свидетельствует тот факт, что СТОЦКИЙ с 22 сентября 1947 года по январь 1948 года находился на излечении в Лопатинской больнице и в стационаре внутренней тюрьмы УМГБ по поводу глубоких и обширных язв, образовавшихся в результате физического воздействия на мягкие ткани тела.

В процессе следствия выяснилось, что СТОЦКОМУ стало известно, что его избивали не бандиты, а лица, имеющие отношение к органам МГБ.

В связи с отсутствием материалов для предания суду, СТОЦКИЙ и ДМИТРУК, почти спустя год после их ареста, из под стражи были освобождены.

В апреле 1948 года Львовским Облуправлением МГБ была освобождена из под стражи ЗАЦЕРКОВНАЯ Мария, 1927года рожд., арестованная Заболотским РО МГБ Львовской области.

В процессе расследования дела было установлено, что ЗАЦЕРКОВНАЯ была пропущена через спецбоевку, где будучи избитой и под угрозой повешения, вынуждена была оговорить себя, что состоит в “ ОУН “ и является станичной.

10 октября 1948 года Здолбуновским райотделом МГБ Ровенской области был арестован за пособничество бандитам житель хутора Загребля, Здолбуновского района - Дембицкий Петр Устинович.

Дембицкий обвинялся в том, что по заданию бандитов “ОУН” собирал для них зерно.

Расследованием установлено, что в сентябре 1948 года к нему в дом явились вооруженные бандиты и требовали, чтобы он среди жителей хутора собрал для них 30 центнеров хлеба. Боясь репрессии за невыполнение этих требований, Дембицкий обратился к некоторым жителям хутора с просьбой собрать зерно, но в этом ему граждане отказали.

Спустя несколько дней к Дембицкому вновь явилось несколько человек и, дав ему времени один час, приказали собрать у жителей хутора зерно и доставить в указанное место.

Боясь неизвестных, Дембицкий запряг свою лошадь, погрузил на повозку три мешка лично ему принадлежавшего зерна и повез это зерно в указанное место. Однако неизвестные, как оказалось участники спецгруппы МГБ, доставили Дембицкого в райотдел МГБ, где был составлен акт о задержании Дембицкого с поличным.

После ареста Дембицкого в Военную Прокуратуру явилась его жена, которая среди посетителей вела разговоры о том, что под видом бандитов действовали сотрудники МГБ, запугавшие и спровоцировавшие ее мужа.

Подобные факты из деятельности спецгрупп МГБ, к сожалению, далеко не единичны и, как показывает следственная практика, если в отдельных случаях спецгруппам, путем насилия и запугивания все же удается получить “признательные показания” от отдельных лиц о связи их с бандитским подпольем, то добросовестное и проведенное в соответствии с требованиями закона расследование, неизбежно вскрывает провокационную природу этих “признательных показаний”, а освобождение из тюрьмы арестованных по материалам спецгрупп влечет за собой дискредитацию советской законности, органов МГБ и возможность использования каждого такого случая во вражеских, антисоветских целях украинскими националистами.

Выступая в роли бандитов “УПА”, участники спецбоевок МГБ занимаются антисоветской пропагандой и агитацией.

Однако серьезная опасность подобной деятельности заключается не только в этом.

Выступая в роли украинских националистов, участники спецбоевок идут дальше по линии искусственного, провокационного создания антисоветского националистического подполья.

Как показало расследование, проведенное Управлением Охраны МГБ Ковельской ж.д. по делу НОГАЧЕВСКОГО Ф.И. и других, спецгруппа Ровенского Областного Управления МГБ в составе “Степового”, “Верхового” и других, действуя провокационным путем, проводила среди граждан Козинского района Ровенской области антисоветскую агитацию, обрабат-

ывала граждан в националистическом духе, создала из местного населения антисоветскую националистическую группу в составе 9 человек, через которую проводила сбор денежных средств и продуктов питания, якобы для нужд “УПА”.

Не говоря уже о том, что подобная “деятельность”, которую кое-кто пытается оправдать соображениями оперативного характера, прямо направлена против мероприятий партии и правительства, проводитых в Западных областях Украины, - кто может поручится за то, что “обработанные” таким провокационным путем лица, не уйдут из под контроля органов МГБ и не совершат террористический акт, диверсию или иное злодеяние.

Ведь имеют же место факты, когда в результате беспечности и притупления бдительности со стороны отдельных работников МГБ, даже агентура МГБ выходила из под контроля органов государственной безопасности и занималась антисоветской деятельностью.

Например: В ночь на 13 сентября 1948 года в с. Ставки, Ровенского района Ровенской области, участниками антисоветской националистической организации был разоружен боец самоохраны КОВАЛЫШИН и совершен террористический акт над жительницей с.Ставки Кучинец Лидией Фадеевной, являвшейся секретным сотрудником органов МГБ.

Как установлено предварительным и судебным следствием, организаторами данной националистической группы и инициаторами убийства гр-ки Кучинец Л.Ф. являлись сотрудники Ровенского РО МГБ - Парфенюк Н.В. и Грицай С.И., которые в результате преступного делячества и притупления бдительности со стороны Нач-ка РО МГБ майора Егорова к уголовной ответственности привлечены не были.

Получив данные о причастности ПАРФЕНЮКА и ГРИЦАЙ к националистической организации, разоружению бойца группы самоохраны и убийству гр-ки Кучинец Л.Ф., Нач.РО МГБ майор Егоров вызвал Парфенюка и Грицай в РО МГБ и, установив в беседе с ними, что они являются организаторами и участниками перечисленных выше преступлений, тем не менее не арестовал их, а по “оперативным соображениям” отпустил. Воспользовавшись этим, Парфенюк и Грицай, предупредив о возможных арестах других участников террористической группы, скрылись.

Участники спецбоевок МГБ совершают ограбления местных граждан. По сообщению Козинского райпрокурора Ровенской области в июле 1948 года на территории района ими были ограблены граждане ШВЕЙДА Иосиф, ГРАБОВСКИЙ Иван и другие. Подобные факты имели место и в других областях и районах.

Эти грабежи, как и другие нарушения советской законности, оправдываются также оперативными соображениями, и не только рядовыми работниками МГБ, но и самим Министром тов. САВЧЕНКО, который в беседе со мной заявил: "Нельзя боевки посылать в лес с консервами. Их сразу же расшифруют".

Таким образом, грабежи местного населения спецбоевками рассматриваются, как неизбежное зло и политические последствия подобных эксцессов явно недооцениваются.

Насилия и грабежи, даже сам факт появления в населенном пункте спецбоевок, действующих под видом банды, как и любое бандитское проявление, действует на жителей устрашающе и несомненно мешает делу социалистического строительства в Западных областях УССР, создает у некоторой части населения ложное мнение о том, что бандитское подполье еще сильно, что его следует бояться и т.п.

ОУНовские бандиты терророзируют граждан, желающих вступить в колхозы, но если в селе появляется не ОУНовская банда, а действующая под видом банды спецбоевка, от этого положение не меняется. В этом отношении характерен следующий случай:

28 сентября 1948 года в Каменец-Подольский горотдел МГБ колхозники с.Завалье по телефону сообщили, что в селе появилась вооруженная банда в составе 12 человек, которая подошла к кооперативу и колхозному амбару, проверила замки, а затем проследовала в направлении с.Слободка - Рихтецкая.

Фактически это была не ОУНовская банда, а спецбоевка Тернопольского Областного Управления МГБ. Характерно, что эту спецбоевку приняли за банду не только колхозники, но и работники Каменец-Подольского горотдела МГБ, откуда для ликвидации "банды" на грузовой автомашине была направлена группа сотрудников и офицеров Каменец–Подольского военного училища МВД.

Эта “операция” закончилась тем, что в результате аварии автомашины, были убиты офицеры - ст.лейтенант Харченко И.П. и лейтенант Кирпачев В.М., а 16 офицеров и шофер - солдат Кондрацкий - получили телесные повреждения.

Примеры из деятельности спецгрупп, повлекшие преступные результаты, можно было бы продолжить, но материалы, которыми располагает Военная Прокуратура, конечно, не исчерпывают всех случаев нарушения советской законности, допускаемых спецгруппами. Факты, о которых я докладываю Вам, были вскрыты в процессе расследования конкретных следственных дел, однако не каждый случай нарушения советской законности находит свое отражение в следственных делах и расследуется. Мне кажется, что большинство фактов именно не расследуется.

Больше того, если Военная Прокуратура и ставит перед МГБ УССР вопросы о наказании преступников, грубо попирающих советские законы, то со стороны МГБ УССР это не находит должного и быстрого реагирования: выискиваются не столько доказательства преступной деятельности лиц, грубо нарушивших закон, сколько различные поводы для того, чтобы “опровергнуть” факты, сообщенные Военной Прокуратурой и заволокитить расследование.

Например, о фактах грубейшего нарушения законности спецбоевками УМГБ Ровенской области Военная Прокуратура сообщила в МГБ УССР еще в начале октября 1948 года, но тем не менее преступники были арестованы только в феврале с.г., причем до ареста их Начальник Управления МГБ по Ровенской области тов. ШЕВЧЕНКО пытался “опровергнуть” факты, вскрытые Военной Прокуратурой, и убедить Секретаря Ровенского Обкома КП(б)У тов.БЕГМА, что эти факты, якобы, расследовались и не нашли подтверждения.

Органы МГБ, под руководством партии, проводят огромную работу по выкорчевыванию остатков украинско-националистического, бандитского подполья, в борьбе с которым хороши все средства и нужны хитрость и изворотливость.

Но несмотря на сложность обстановки и коварность врага, недопустимы нарушения партийных и советских законов, недопустимы нарушения постановления СНК ССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года и постановления ЦК КП(б)У от 28 января

1948 года, на что Вы, Никита Сергеевич, неоднократно указывали.

Поэтому, как коммунист, для которого партийные решения являются незыблемым законом жизни, я считаю своим долгом о приведенных выше фактах доложить Вам.

ВОЕННЫЙ ПРОКУРОР ВОЙСК МВД УКРАИНСКОГО ОКРУГА
ПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ /КОШАРСКИЙ/

ЦДАГОУ. Ф.1. Оп.16. Д.68. Л.9-17.

Оглавление

Джеффри Бурдс

СОВЕТСКАЯ АГЕНТУРА
Очерки истории СССР в послевоенные годы (1944-1948)

Издательство «Современная История»
Москва – Нью Йорк
www.sovhistory.org

Подписана в печать с готовых диапозитивов 01.12.2006
Формат 84x108 1/32. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Бум. тип. Усл. печ. л. 15,12.
Тираж 500 экз. Заказ 4758